Анатолий Гордиенко

НА ПУТИ К РАССВЕТУ

SHOUT
SHARE
IT

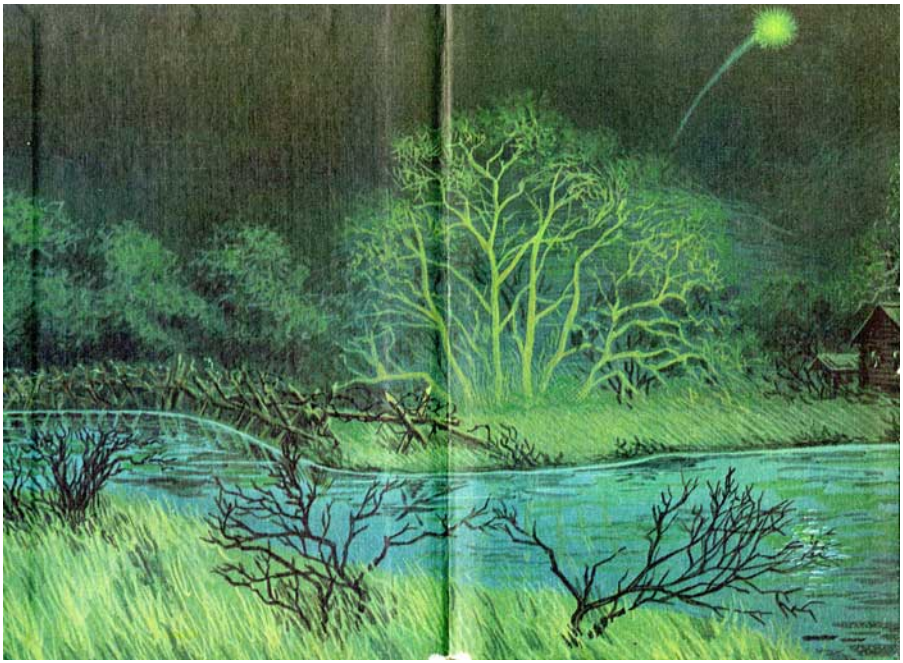
Annotation

«Художественно-документальная повесть о карельских девушках-разведчицах Героях Советского Союза Анне Лисицыной и Марии Мелентьевой. На основе архивных материалов и воспоминаний живых свидетелей автор воссоздаёт атмосферу того времени, в котором происходило духовное становление героинь, рассказывает о кратком боевом пути разведчиц, о их героической гибели.»

- Анатолий Гордиенко
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10
  - ○ 11
  - ○ 12
  - ○ 13
  - ○ 14
  - ○ 15
  - ○ 16
  - ○ 17
  - ○ Послесловие
  - ○ Об издании
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9

Анатолий Гордиенко
На пути к рассвету

МЕЛЕНТЬЕВА
МАРИЯ
ВЛАДИМИРОВНА
1924 года рождения, из Пряжинского района, село Пряжа, Карело-Финской ССР, карелка, член ВЛКСМ с 1939 года, из крестьян, образование 9 классов.
За нелегальную ходку в тыл врага в оккупированный белофиннами Шелтозерский район, как связная ЦК КП(б)КФ ССР, награждена орденом Красной Звезды.
Погибла при выполнении боевого задания в Сегозерском районе в ноябре 1942 года.
В 1943 году посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.
(Из документов ЦК ЛКСМ КФССР)
ЛИСИЦИНА
АННА МИХАЙЛОВНА
1922 года рождения, из Шелтозерского района, деревня Житно-Ручей, вепс, член ВЛКСМ с 1939 года, из крестьян, образование среднее.
Погибла в 1942 году, как связная ЦК КП(б)КФ ССР, при выполнении специального задания, возвращаясь из нелегальной ходки в Шелтозерский район.
В октябре 1942 года посмертно награждена орденом Красной Звезды.
В 1943 году посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.
(Из документов ЦК ЛКСМ КФССР)
70 к.



Анатолий Гордиенко

НА ПУТИ К РАССВЕТУ

Повесть
о Героях Советского Союза
АННЕ ЛИСИЦИНОЙ
и МАРИИ МЕЛЕНТЬЕВОЙ

Петрозаводск «Карелия» 1990

Р2
Г68

Художник О. П Ермоленко

Гордиенко А. А.

Г68 На пути к рассвету: Повесть о Героях Советского Союза Анне Лисициной и Марии Мелентьевой.— Петрозаводск: Карелия, 1990.— 295 с.

ISBN 5-7545-0264-8

Художественно-документальная повесть о карельских девушках-разведчицах Героях Советского Союза Анне Лисициной и Марии Мелентьевой. На основе архивных материалов и воспоминаний живых свидетелей автор воссоздает атмосферу того времени, в котором происходило духовное становление героинь, рассказывает о кратком боевом пути разведчиц, о их героической гибели

Г $\frac{4803010201-067}{M127(03)-90}$ 53—90 Р2

ISBN 5—7545—0264—8

© А. Гордиенко, 1990

* * *

Автор книги считает своим непременным долгом

поблагодарить тех, чьи мысли, заботы, воспоминания содействовали этой работе.

Большую помощь в сборе документов оказали: научный сотрудник Партийного архива Карельского обкома КПСС М. А. Шаппо, заведующая научным архивом Карельского филиала Академии наук СССР Г. П. Толмачева, сотрудник Центрального государственного архива Карельской АССР Х. О. Инно, организатор Шелтозерского народного музея Р. П. Лонин.

Особую благодарность автор выражает бывшим работникам ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР: Ф. И. Кузнецову, Н. И. Лебедевой (Леонтьевой), М. В. Бультяковой (Мосиной), М. В. Ульяновой (Акимовой), хорошо знавшим Ю. В. Андропова.

Автор хотел бы также выразить свою благодарность тем, кто поделился своими воспоминаниями: А. М. Лисициной. А. В. Мелентьевой, Е. М. Мякишевой (Виролайнен), П. Ф. Саватьевой (Ерохиной), Р. Э. Кальске, А. М. Чесноковой, А. А. Акимовой, Е. М. Дорофеевой (Селезневой), Н. А. Лисициной, С. А. Пашкевичу, А. Н. Вигонену, В. С. Колтыгину.

Искреннюю признательность автор выражает рецензентам С. А. Барышеву, О. Н. Тихонову, П. М. Кузьминой, давшим по рукописи замечания и советы, которые способствовали улучшению качества книги.

* * *

…Мы бренны в этом мире под луной:
Жизнь — только миг, небытие — навеки.
Кружится во Вселенной шар земной,
Живут и исчезают человеки…

Но сущее, рождённое во мгле,
Неистребимо на пути к рассвету,
Иные поколенья на Земле
Несут всё дальше жизни эстафету.

Юрий Андропов

1

В открытое окно потянуло морской свежестью и запахом водорослей. Человек в военной форме, сидевший за небольшим письменным столом, зябко поёжился и, не глядя, макнул перо толстой лакированной ручки в массивную стеклянную чернильницу, низко наклонился к бумаге:

«…Бультякова вместе с группой разведчиков майора Родионова направляется в Паданы. Соблюдая правила маскировки и конспирации, она приходит в дом Кононовой. Проживает у неё, убедившись в безопасности, 1,5—2 месяца, изучает режим, обстановку, устанавливает связь с комсомольцами.

Рекомендуется актив: комсомолки…»

Достав из левого кармана гимнастёрки небольшую записную книжку, он раскрыл её на букве «С». Пробежал глазами: «Сегозерский район, центр — село Паданы. Комсомольский актив…» Отложив ручку, встал, прошёлся по узенькой комнатке. Ещё раз глянул в записную книжку. «Таня Осипова, Катя Теппоева…» С ними он встречался, разговаривал, когда приезжал последний раз в Паданы, как раз перед самой войной. Хорошо бы

кроме этих девчушек иметь ещё двух парней. Да все на фронте…

Сев к столу, он быстро дописал: «Осипова Татьяна, Михкалева, Теппоева Екатерина, Грядина, Чиркина…»

Привычным быстрым движением вскинул левую руку, глянул на часы. Половина восьмого. В запасе оставалось полчаса. Ветер своим порывом отогнул тяжёлую полосу тёмно-синего бархата, отрезанного от старого клубного занавеса Марией Ульяновой, хозяйственной, расторопной девушкой — инструктором орготдела, на случай светомаскировки, и в комнате стало совсем прохладно. Ещё раз пробежал глазами две исписанные страницы.

«…При всех встречах Бультякова называет кличку „Берта“, всячески избегает провала.

Пароль: „Вы не знаете, где живёт Тойво Маттикайнен?“

Отзыв: „Кажется, он живёт через четыре дома от меня“».

Ну вот, основа есть. Завтра-послезавтра подшлифовать, согласовать с заведующим оргинструкторским отделом ЦК партии Иваном Владимировичем Власовым.

Он снова глянул на часы и стремительно написал внизу справа: «Секретарь ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР Ю. Андропов» и подписался. Слева поставил дату: 30 июня 1942 года. Потом собрал все листки, аккуратно сложил в папку с надписью «План работы ЦК ЛКСМ республики по подготовке к созданию райкомов комсомола и первичных организаций на территории, временно занятой противником» и положил в небольшой сейф, выкрашенный под мореный дуб. Прежде чем закрыть, вынул оттуда чёрный школьный портфельчик.

В комнате, и без того сумеречной, враз потемнело, так что, глядя на часы, Андропов совсем близко приблизил их к глазам. Он вышел из своего кабинетика не прямо в «предбанник», как все шутя называли крохотную комнату сектора учёта, где сидели бухгалтер и кассир, а пошёл через кабинет секретарей, через большую комнату, тесно заставленную столами инструкторов. Рабочий день окончился, и только слева в углу сидел еще секретарь ЦК комсомола по школам Фёдор Кузнецов и что-то тихо обсуждал с двумя молоденькими пионервожатыми. Справа у окошка сгорбилась над тетрадкой худенькая, маленькая Нина Лебедева — инструктор орготдела.

— Ну, как тебе? — наклонился к ней Андропов.

— Когда вот так сижу — ещё ничего, а распрямлюсь, встану — резь такая в животе начинается, что пот холодный выступает. Голова раскалывается, тошнота.

— Потерпи ещё часик, Ниночка. Сама понимаешь, я не могу никого другого просить, дело секретное, только ты знаешь об их задании, и ты их приведёшь. Я очень хочу, чтобы их позвали. Жди

моего звонка.

По небу низко плыла тяжёлая туча, и Андропов зашагал быстрым широким шагом, выбрасывая вперёд длинные ноги в просторных кирзовых сапогах. По козырьку фуражки ударили первые крупные капли, но от маленького дома, где в Беломорске разместился ЦК комсомола республики, до здания ЦК партии было рукой подать, и через несколько минут, отдав честь как-то очень по-штатски часовому, Андропов уже стучал сапогами по деревянным ступеням крыльца. Здесь ещё многие были на своих местах — уже давно стало правилом работать допоздна.

В тесноватом, полутёмном коридоре Андропов тщательно вытер ладонью портфельчик, разогнал под ремнём складки диагоналевой гимнастёрки без знаков различия на петлицах, проверил, застёгнут ли воротничок. Пальцы быстро нашли верхнюю пуговицу, пробежали по кромочке белого накрахмаленного подворотничка, заботливо подшитого женой Таней.

В приёмной было накурено, душно.

— Тут русский дух, тут Русью пахнет, — сказал весело Андропов помощнику, что-то усердно переписывавшему из блокнота в толстую амбарную книгу. — Чувствуется, народу нынче побывало.

— Как всегда — партизаны, военные. Ну, и трубка нашего Вершинина даёт знать. Сам уехал в командировку, а табачок живёт в этих стенах.

Андропов хотел было спросить, куда уехал начштаба партизанского движения, но тут же отогнал эту мысль — он уже давно дал себе слово раз и навсегда искоренять довоенные привычки. Понадобится — скажут. А эти штатские «куда», «зачем», «с кем», «надолго ли» он изгонял из своей головы и других отучал от этого.

— Кто у Куприянова? Он мне назначил на восемь.

— В общем-то, все только разошлись, Юрий Владимирович, по предстоящему Пленуму, сами знаете, сколько вопросов надо решить. Там ещё остался Карахаев.

— Дела военные — дела секретные. Я подожду, — сказал Андропов.

Ждать пришлось недолго: толстая дверь, обитая чёрным дерматином, отворилась, и на пороге вырос крепко сбитый Карахаев — заведующий военным отделом ЦК.

— О, Юра Владимыч, здравствуй, — сказал он, вытирая платком лысеющую голову и пристально вглядываясь в глаза Андропова. — Идёшь последним на посиделки к товарищу бригадному комиссару, — добавил Карахаев не то с улыбкой, не

то серьёзно. — Он тебя зело уважает, можно сказать, даже как бы всей душой. И голоса на тебя никогда не повысит, а тут каждый день шишки получаешь. Ну, ладно, иди, иди, это я так…

Куприянов, стоя у широкой штабной карты, прикреплённой к глухой стене и слегка прикрытой голубой занавеской, пил воду прямо из пожелтевшего графина, тоненькая струйка стекала на новенькую портупею, и та слегка потемнела.

— Во, черти, обкормили сегодня селёдкой, — улыбнулся он как-то озорно, по-мальчишески. — Одна рыба в столовой — и жареная, и пареная. Тебя что-то я не видел сегодня там. Ну, здравствуй, дорогой Юра Владимыч, здравствуй, мой вечно юный и боевой комсомол. Как живёшь, как дома, как там Таня, сынок? Садись, рассказывай. Чаю хочешь? Я уже столько выпил, что неудобно просить более, а для тебя мне как-то сподручнее поклянчить.

Куприянов, моложавый, в новенькой комсоставской форме, в поскрипывающих хромовых сапогах, вышел в приёмную, смеясь, сказал, чтоб ещё раз вздули самовар.

— Понимаешь, после возвращения из Москвы дела так накатились, так всё завертелось вокруг, да ты сам видишь, как у нас сдвинулось с места. Так что не взыщи, что сразу не позвал. Всё свободное время ушло на подготовку к завтрашнему Пленуму ЦК. Людей надо собрать, разместить, накормить. Я твою фамилию видел в списке, ты выступаешь в прениях по докладу Сюкиайнена о задачах органов агитации и пропаганды в республике. Так не сердишься, что не позвал тебя раньше? Ну, а за долготерпение вот тебе подарок прямо из Кремля, из тамошнего буфета. Поди, слыхивал, кто такие курит?

Куприянов достал из боковой тумбы длинного стола плоскую широкую коробку с малопонятной надписью чёрными буквами по зелёному полю «Герцеговина флор».

— Угости своих ребят, скажи, мол, бригадный комиссар из самого Кремля привёз, — повторил довольный Куприянов, весело оглядывая Андропова, ладного, высокого, с красивой короткостриженой головой.

Все секретари ЦК, завотделами знали, что Куприянов, человек простой и открытый, питает к Андропову особое расположение. Подчас это напоминало почти отцовское чувство, будто Куприянов видел в Андропове свою отшумевшую молодость, свою комсомольскую юность.

Всё ему нравилось в этом стройном, крепком парне, которому ещё не было и тридцати. Нравилось, как сидит на нём военная форма, как туго затянут ремень, как тот не спеша надевает суконную военного покроя фуражку — не залихватски набекрень

или на затылок, а строго прямо. Нравилось, что Андропов никогда не выходил из себя, не повышал голоса, не суетился, не ловчил, когда чего-то не знал или просто не мог ответить. Особо ценил, что тот не старался выскочить первым, красиво поднести отчёт со стройной колонкой цифр. А уж сказать есть что. Сколько тут подготовлено сандружинниц, снайперов, минёров, радистов, сколько собрано ягод для фронта или обыкновенных бутылок под горючую смесь для уничтожения танков.

Нравился ему первый комсомольский секретарь республики своим весёлым характером, добрыми глазами, любил смотреть Куприянов на его руки, на то, как пишет он, как быстро летит по бумаге его лёгкое перо. А ещё особо отмечал про себя Куприянов то, что у них были похожие судьбы: Андропов приехал в Карелию из Ярославля, в юности получил рабочую закалку, Куприянову дали путёвку в большую жизнь рабочие Питера, коммунисты города Ленина рекомендовали его на партийную работу к соседям в Карелию. С особым удовольствием слушал его толковые доклады, искромётные речи с обязательным юмором. В них он всегда находил и глубину, и чёткость формулировок, и очень импонировавшую ему шутку, меткую пословицу, весёлую нотку. Иногда Куприянов хватал за рукав рядом сидящего: «Молодец, Юра, и я так точно хотел сказать сегодня. Упредил меня на два градуса комсомол».

— Учиться тебе надо, Юра, учиться, — часто приговаривал Куприянов. — Хотя у тебя и так голова светлая, но как только кончится война, так сразу же сизым голубем в Москву, хочешь — в военную академию, хочешь — в университет, дадим такую характеристику, что…

…Они сели друг против друга, и Куприянов не спеша стал рассказывать о поездке на сессию Верховного Совета СССР. Многое из того, что он говорил, Андропов уже слышал на двух недавних совещаниях, но теперь это был доверительный дружеский разговор. Куприянов живо нарисовал обстановку в военной Москве, остановился на совещании секретарей ЦК компартий союзных республик, потом рассказал о докладе Молотова на сессии Верховного Совета, которая была посвящена договору с Англией и соглашению с США о совместных военных действиях против гитлеровской Германии. Но главным в рассказе Куприянова было другое — встреча с начальником Генерального штаба Василевским.

— После того, как я ознакомил его с положением на Карельском фронте, которое у нас, как известно, вот уже полгода характеризуется стабильной обороной и боями местного значения, — продолжал Куприянов, шумно прихлёбывая чай, — я

приступил к изложению нашего плана летнего наступления, цель которого — бросить наши силы, окрепшие, можно даже сказать, закалённые, на выручку блокированного Ленинграда. Ну и, конечно, попросил для этого, как мы тут договорились, восемь дивизий, танки, артиллерию и прочее. К сожалению, ответ Василевского был отрицательным. Более того, сославшись на трудности в центре страны, он берёт у нас две дивизии, 263-ю и нашу гордость, нашу, как мы привыкли называть, славную 71-ю дивизию. Вы, говорит, как комиссар должны понять и всячески поддержать генштаб, а не становиться в позу. Вот так. Какую же задачу ставит перед нами Верховное командование? По-прежнему держать финские войска, которые имеют по численности личного состава почти трёхкратное превосходство над нами, в повседневном напряжении. Мы должны связать их по рукам и по ногам! Не дать ни одной дивизии, немецкой или финской, покинуть северные окопы и устремиться на юг на выручку своим головорезам. Там сегодня идут жестокие бои, там решается судьба Родины. Более того, нам надо смелее вести наступательные операции, щипать противника чувствительно и постоянно, давать прикурить каждый день, каждый час. Все силы в бой! Все методы хороши сегодня! И меткая пуля снайпера, и взорванный партизанами мост, и бомба, прицельно положенная на батарею, разведанную во вражеском тылу смелым подпольщиком.

Вот мы и подошли к тому, зачем я тебя вызвал, Юрий Владимирович. Надо ещё больше активизировать дела комсомола. Тут и подготовка молодёжи к службе в Красной Армии, поиск добровольцев, которые могли бы идти в нашу спецшколу с последующим назначением в партизанские отряды, тут и помощь тыла фронту. Но более того — создание активно действующего подполья в оккупированных районах. Надо громко сказать нашим людям, находящимся за чертой фронта: советская власть жива, наступает переломный год в войне, а за ним скоро придёт победа.

Подпольные райкомы партии, райкомы комсомола должны сплотить верных нам людей, укрепить волю у тех, кто опустил руки, раскрыть глаза тем, кого сбило с толку заигрывание финнов с карелами, вепсами. Хитрая политика пригревания на «ласковой» груди матери-Финляндии «заблудших младших братьев», к сожалению, имеет кое-где успех. Но успех этот временный, дутый! Поматросят и бросят! Родственнички нашлись! Волки в овечьей шкуре! Лес наш вывозят, заводы разорили, всё тянут к себе в Финляндию. Дома разбирают, битый кирпич — и тот гребут. Грабёж, мародёрство!

Куприянов грохнул по столу мраморным пресс-папье, и, словно испугавшись этого звука, резво зазвонил крайний чёрный телефон на небольшом столике.

— Бригадный комиссар Куприянов у аппарата! — почти выкрикнул Куприянов, ещё не остыв. Но вдруг его лицо осветилось широкой улыбкой.

— Очень хорошо. Более того — отлично, Сергей Яковлевич! В Григорьева я верю. Пусть дрожат вражьи души! Конокрады поганые. От Онего до Урала царствовать захотели. Вот мы им покажем Урал! Слушаю, слушаю.

— Это Вершинин звонит из Сегежи, — прикрыв трубку ладонью, пояснил Куприянов. — Сам вызвался проинспектировать и проводить в дальнюю дорогу партизанскую бригаду под командованием Григорьева. Ты ведь знаешь, сколько в неё вошло отрядов, на одной руке пальцев не хватит…

— Я всё понял, Сергей Яковлевич. Так и должно быть! В дождик ушли? К счастью это, к счастью, вот увидишь, не зря в народе живёт эта примета. От меня передал боевой привет мстителям нашим, орлам карельским? Ну, вот и славно. Всё у тебя? До связи. Возвращайся к утру, о Пленуме не забыл? Будь.

Куприянов молча постоял с телефонной трубкой в руке, потом прошёлся по старой ковровой дорожке, посерьёзнел, глянул в окно — там сеял мелкий, неласковый, совсем осенний дождь. Резко потянув за две верёвочки, спускающиеся сверху, зашторил окно, включил настольную лампу под зелёным колпаком. На груди его засветился, зажелтел начищенный орден Ленина и тёмно-красный значок депутата.

— У меня в душе прямо духовой оркестр заиграл, — отгоняя какие-то мысли, улыбнулся Куприянов, садясь за стол. — Я ведь об этом походе доложил Василевскому. Он одобрил, похвалил даже. Пора, говорит, и вам, карелам, разворачиваться, хватит комариных укусов, надо так дать лахтарям по зубам, чтоб искры из глаз посыпались. В общем, лето хоть и холодное, но для захватчиков будет жарким. А мы ещё севернее отряды двинем по финским тылам. Во будет музыка! Правда ведь?

Андропов выжидал, когда можно будет вклиниться в разговор и начать о своём. Куприянов, почуяв это, вдруг сказал:

— Не заскучал ли ты от моего длинного монолога? Думаешь — всё известно, и зачем это он долбит одно и то же. Так, да не так. Теперь на нас, брат, Москва глядит. Там ждут от нас действий решительных и смелых. Понял?

Куприянов замолк, достал початую пачку «Герцеговины», двинул по зелёному сукну стола к Андропову.

Когда закуривали, Андропов тихо спросил:

— Верховный был на сессии?

— Ну, конечно, только на этот раз я с ним не разговаривал.

— Как он выглядит? Здоров ли?

Куприянов глубоко затянулся и, выдохнув дым, распушил его широкой крепкой пятернёй.

— На сессии, когда начались прения, он стал, как всегда, прохаживаться позади президиума. Закурил три раза трубку, ломая такие же вот папиросы. Показалось мне, ну, как тебе тут точнее сказать, будто седины чуток прибавилось да вроде слегка пригнуло его к земле. Понятное дело — война, вся главная тяжесть на его плечах…

Ну, да ладно, давай теперь, Юрий Владимирович, о наших комсомольских делах потолкуем. Рассказывай, что нового в твоём хозяйстве. Сразу скажи, нет ли плохих вестей?

Это уже был не прежний Куприянов, перед Андроповым сидел настороженный, жёсткий, с неприятным цепким взглядом человек.

— С радостью отвечу — нет. Всё пока слава богу.

Куприянов улыбнулся краешками губ, кивнул еле заметно головой.

— Хорошо начала работать ведлозерская группа разведчиков, — продолжал Андропов. — Очень важные сведения о ходе передвижения воинских эшелонов из Финляндии передала радистка Таня Ананина.

— Знаю. Я читал сводки.

— Готова к заброску в Олонецкий район группа Деляева, в ней, как вы помните, Настя Звездина — секретарь подпольного райкома комсомола. Они выяснят всё о строительстве железной дороги от Питкяранты на Олонец, и что там финны сооружают под Самбатуксой.

— Знаю. Вчера по «бодо» говорил со мной командующий 7-й армией, он очень ждёт от нас эти разведданные.

— Сейчас я готовлю план организации сегозерского подпольного райкома комсомола, как мы с вами ранее условились.

— В свете новых решений будем там создавать и райком партии, — перебил его Куприянов.

— Теперь дальше. Завтра утром вылетают в Ленинградскую область в распоряжение разведотдела 7-й армии Лисицина и Мелентьева. Подполковник Сычов в курсе дела, обещает всяческую помощь при переходе линии фронта.

— Это наши ходоки в Шелтозерский район?

— Так точно. Вот оперативный план переброски, подписанный сегодня Власовым. Вам надо утвердить его,

Геннадий Николаевич, — сказал Андропов, доставая из портфельчика тоненькую папку. — Мне бы очень хотелось, чтобы вы напутствовали наших девушек, сказали несколько добрых слов. Вы умеете, у вас получится. Они ведь связные ЦК партии республики, и вам куда сподручнее, чем мне.

— Уже поздно. Стоит ли тревожить? Пусть отдыхают. Я вам с Власовым доверяю, чего уж тут… Ну, что ты нахмурился?

— Пока будете читать оперативный план, — сказал твёрдо Андропов, — они и появятся. Позвоню, чтобы за ними сбегали. Нина Лебедева, наш инструктор, слетает мигом на остров, она их готовила на последнем этапе.

Куприянов молчал, будто не слышал, вчитывался в текст. «Основной целью нелегальной ходки Мелентьевой и Лисициной в тыл врага ставится создание явочной квартиры для прихода подпольного РК КП(б), партработников, получение финских паспортов для карелов и финнов на право проживания в местах, оккупированных белофиннами, получение необходимых сведений о мероприятиях, проводимых оккупантами. Расположение их воинских частей и гарнизонов и т. д.».

Перелистнув машинописную страничку, Куприянов буркнул:

— Тогда и Власову позвони, пусть зайдет.

…В дверь громко постучали, и на пороге появилась крепко сбитая, небольшого роста девушка в военной гимнастёрке с портупеей, она лихо вскинула правую руку к чёрному беретику.

— Товарищ Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии большевиков Карело-Финской республики, комсомолки Мелентьева и Лисицина прибыли.

Куприянов, усмехнувшись, двинулся к ней, крепко пожал руку, и когда Мелентьева, щелкнув каблуками больших солдатских сапог, чётко отступила в сторону, увидел почти такого же роста тоненькую девушку с косичками, в старой кофте, цветном сарафане и тёмно-синих прорезиненных тапочках.

— Лисицина Анна Михайловна, — еле слышно сказала она.

— Присаживайтесь, будьте как дома. Я так понял, что Мелентьева руководитель группы?

— Нет, старшей назначена вот она, — сказала весело Мелентьева, быстрыми раскосыми глазами оглядывая кабинет, и улыбнулась как старым знакомым Андропову и Власову, сидевшим у стола.

— Ну что ж, давайте знакомиться как следует, — сказал Куприянов, — расскажите о себе. Не смущайтесь, а если на каком-то этапе забуксуете, Юрий Владимирович поможет. Начинай, товарищ Аня.

Лисицина встала, но Куприянов быстрым жестом правой руки

усадил её на место.

— Я родилась в Рыбреке, точнее, в Житно-Ручье. Родители мои там всю жизнь жили, мать в колхозе, отец печником трудился, затем каменотёсом стал на горных разработках. По национальности мы вепсы, как и все тамошние люди. Ну, что ещё сказать. Училась в школе, потом в библиотечном техникуме в Ленинграде. Получила диплом, и вдруг — война. Послали меня в Сегежу, работала в поселковой библиотеке. Там в конце прошлого года меня товарищ Андропов нашел, и так получилось, что после нашего долгого разговора предложил стать подпольщицей. Весной меня отозвали сюда в Беломорск, прошла обучение, теперь вот домой попадать надо.

— А ты что такая невесёлая, Аня? — удивился Власов.

— Наоборот. Маму увижу, сестрицу Настю.

— Сколько тебе лет, Анюта? — спросил Куприянов, оглядывая щупленькую фигурку Ани.

— 14 февраля двадцать исполнилось. Да вы не смотрите, что я худая, у нас вся порода такая. И ещё, зовите меня, пожалуйста, Анной.

— Анна так Анна, — буркнул Куприянов. — Ты всегда так тихо разговариваешь или заробела тут, в моём кабинете? Оперативный план хорошо запомнили? — обратился он, переводя взгляд на Мелентьеву.

— Это я могу сказать, товарищ бригадный комиссар, — откликнулся Андропов. — У нас было достаточно времени для подготовки. Мария и Анна полностью усвоили задачу. Мелентьева свою легенду знает назубок, а у Лисициной легенда составлена с небольшим отклонением от реальной биографии, так что труда большого не понадобилось для запоминания. Курс конспирации, топографии, разминирования пройден успешно. Обе имеют значок «Ворошиловский стрелок», прошли парашютную подготовку, имеют по два прыжка. Им выданы финские паспорта, личное оружие — пистолеты системы «браунинг».

— А оружие зачем, коль они идут в дом к родной матери? — спросил Куприянов.

— На крайний случай, — четко сказала Мелентьева. — С пистолетом надёжнее, можно подороже продать свою жизнь.

— Будем надеяться, что крайнего случая не будет, — поспешил Андропов. — Нам надо, чтобы вы возвратились живыми. И ничего другого. Больными, ранеными, но живыми! И с полным туеском сведений. Они очень необходимы нам для предстоящих больших дел. Ну и, конечно, подготовка явочной квартиры.

— Нужны разведданные, кровь из носа, — добавил Власов.

— Всё сделаем, всё разведаем, и образцы документов добудем, и явочную квартиру создадим, — сказала, как всегда уверенно, Мелентьева.

— Намётки есть насчёт явки? У кого, где? — спросил Куприянов.

— Я много думала об этом, — поднялась со стула Аня, — скорее всего в нашем доме. Мои родители — честные люди.

Куприянов краем глаза глянул в первую главу оперативного плана, где стояли биографические данные ходоков, поднялся, прошёлся по кабинету, остановился против Лисициной.

— Ну что же, спасибо тебе, Анна Михайловна. Спасибо от всей души. Ну, а теперь послушаем Марию Владимировну?

Маша вскочила, одернула гимнастерку и заговорила быстро, гладко складывая слово к слову.

— Я родилась в 1924 году в Пряже, в семье колхозника. В комсомол вступила в 1939 году. Когда началась война, подала заявление в райком комсомола с просьбой послать меня на фронт. К большому огорчению, на фронт меня не взяли, а приняли в госпиталь 2213. С ним я попала в Сегежу, трудилась там старательно, но продолжала писать заявления. Там, в госпитале, я встретилась с Анной Лисициной, которая вечерами работала у нас и зарекомендовала себя с очень хорошей стороны. Вообще-то мы с ней знакомы давно, она приезжала в Пряжу к своей сестре Дусе на каникулы и жила недалеко от меня. Но по-настоящему мы подружились в госпитале, я учила её, как не бояться страшных ран и живой крови. Шло время. На мои заявления в райком комсомола мне все говорили — ждите. Потом судьба улыбнулась — меня зачислили в спецшколу в Беломорске. Я, конечно, не могла сказать Анне, куда и для чего меня отзывает ЦК комсомола. И вдруг весной наши дорожки снова сошлись, стали нас готовить для заброски в Шелтозерье. Легенду я свою выучила, меня даже ночью будили. Нет, правда, Нина Лебедева два раза будила. Если надо, я могу повторить.

Куприянов улыбнулся и махнул рукой.

— В общем, скажу то, что мы сказали нашему Юрию Владимировичу, — не оплошаем. Живыми в руки врагам не дадимся.

— У вас такой тяжёлый маршрут, переправа через Свирь, — вздохнул Куприянов.

— Плаваем мы хорошо, стреляем метко, по-пластунски ползаем, как ящерки. Доверьте нам это задание, товарищи. Вот увидите, не подведём.

Куприянов улыбнулся Марийке, потянулся к машинописным

листам оперативного плана и слева от грифа «Совершенно секретно» написал толстым красным карандашом «Утверждаю» и размашисто расписался. Тем временем Власов задал вопрос:

— Взысканий по комсомольской линии не имеете?

— У меня одни благодарности и за работу пионервожатой в школе, и за труд в госпитале, — подхватилась Марийка.

Анна встала рядом с ней, опущенные длинные ресницы еле заметно дрожали.

— Меня в Сегеже хотели исключить из комсомола.

Карандаш в руке Куприянова замер, Власов удивленно поглядел на Андропова, который уже поднимался во весь свой большой рост и, оказавшись впереди девушек, большой и широкогрудый, как бы заслонил их собой.

— Тут вот какое дело, товарищи. Сегежский райком комсомола при личном участии секретаря райкома Семена Зуева проводил вечерние рейды под девизом «За стальную военную дисциплину и строгий порядок в прифронтовом посёлке». Ребята прошлись по рабочим местам разных предприятий и дважды увидели замок на дверях поселковой библиотеки. Не мешкая, вызвали библиотекаря Лисицину на бюро, повели строгий разговор, а товарищ библиотекарь молчит и молчит. Почему очаг культуры не функционирует? Где была? Ответа нет. Ну и пошли солить капусту крупной солью — дезертирство, измена комсомольскому билету, не место в рядах… А когда разобрались всё же, то вроде как благодарность надо Лисициной объявить — ведь она сутками дежурит добровольно в госпитале. Да ещё и от обедов отказывается, дескать, пусть раненым побольше будет. Чайку попьёт с сухариком, и всё. С ног валится, сознание теряла четыре раза. А бои тогда осенью были жестокие, раненых много, негде было положить, в палатках во дворе под осенним дождем горе мыкали. А читателей два-три за вечер приходило, бывало, даже ни одного нету, не до книг тут было. Ты уж извини, Анна, что я рассказал эту историю.

— Откуда вы всё знаете? — едва слышно спросила Аня.

— Ну, это как-нибудь я тебе потом скажу. Мы ведь тебя на важнейшую работу позвали, нам всё положено знать. Кстати, этот эпизод, Анна, сыграл решающую роль, когда мы в ЦК комсомола утверждали твою кандидатуру для подпольной работы.

Куприянов вышел из-за стола, молча пожал подругам руки и, широко улыбнувшись, сказал:

— Конфетами вас угостить на прощанье, что ли? Погодите, кажется, что-то осталось в моём «буфете». До отъезда в Москву видел будто.

Он пошёл к тёмному платяному шкафу, стоявшему в далёком

углу, покопался там на нижней полке, нашёл серый кулёк, заглянул в него.

— Вот подушечки мятные. Немного осталось. Возьмите в дорогу, посластитесь. Не бог весть какой гостинец, конечно. Нашим мужчинам я из Москвы папирос знаменитых привёз, а вот для слабого пола…

— Не такой уж мы слабый пол! — вспыхнула Марийка.

— А как там Москва? — перебила её Анна.

— Живёт Москва, трудится столица. Светомаскировка, военных на улицах много. Но всюду порядок, дисциплина. Ну что ж, пора прощаться. Давайте поручкаемся — и в добрый путь, дочки, в добрый путь.

2

Большая белая луна изредка проглядывала сквозь толстые, мохнатые тучи, и тогда казалось, что лужи кипят от дождя.

Андропов, накрывшись армейской плащ-палаткой, шёл, выбирая сухие места, и всё же его большие сапоги то и дело громко шлёпали по мокрой дороге.

— Стой, кто идёт?

Патруль вырос так неожиданно, что Андропов вздрогнул.

— Предъявите документы.

Андропов откинул плащ-палатку, полез в карман гимнастерки. Узкий луч фонарика скользнул по его лицу, по рукам, опустился ниже — нет ли оружия — и наткнулся на жёлтую лакированную деку гитары.

— Кому война, а кому мать родна, — вздохнул с осуждением пожилой красноармеец.

— Накинув плащ, с гитарой под полою, — прогудел прокуренный, но интеллигентный голос старшего, который протянул руку за документами. Внимательно прочитав удостоверение и вложенный в него пропуск, он тронул козырёк фуражки:

— Извините, товарищ первый секретарь. Мы решили, что какой-то беспутный гуляка возвращается с дружеской пирушки.

— Хорошо бы возвращаться, а я ещё только иду.

У входа на остров Ковжино его окликнул часовой — курсант спецшколы, и опять пришлось показывать пропуск.

В маленьких домиках, которые все называли «вагончиками», жили те, кому скоро предстояло идти в тыл врага. Днём и вечером здесь стояла какая-то особая напряжённая тишина. За окнами, плотно завешенными чёрной бумагой и байковыми одеялами, шла своя размеренная жизнь. Одни изучали карту-километровку и потом по памяти пытались нарисовать нужный квадрат с реками, с дорогами, с лесами; другие, выразительно жестикулируя, рассказывали «финскому старосте» свою новую биографию, которая на языке подпольщиков называлась легендой; третьи вживались в странную одежду с чужого плеча — что-то подшивали, укорачивали; а четвёртые — тщательно, не торопясь, укладывали свой груз в вещевой мешок, получивший почему-то кличку «сидор». Последним было легче — наконец-то в дорогу. Сколько можно ждать — то приказа, то лётной погоды, то ещё чего-то.

Марийка уже в который раз перекладывала свой мешок. На самое дно кружком уложила банки с тушёнкой, рыбные консервы

без этикеток, на них концентраты, маленькие плитки финского шоколада, затем положила старую кофточку, сверху сухари и сахар, завёрнутый в чистую бязевую тряпицу, — колотый, кусковой. В старую газету завернула штопаные носки, в прорезиненный серый мешочек из-под индивидуального медицинского пакета уложила свежеиспечённый финский паспорт — теперь она Мария Владимировна Куликова, тоненькую пачечку финских денег, пропуск на право нахождения в Петрозаводске, или, как назвали его оккупанты, «Äänislinna»[1], откуда они с Аней, по легенде, больные и обездоленные, натерпевшись горя на оборонных работах и на поденщине, пробираются в Рыбреку к родителям Лисициной.

Перекладывала потому, что жёг ей ладони, не давал спокойной жизни маленький чёрный браунинг. По вечерам она грела его в руках под подушкой, прижималась щекой, когда оставалась одна, к тёплой шероховатой рукояти, ласково щёлкала флажочком предохранителя, переводя с «sûr» (безопасно) на «feu» (огонь). Ей очень хотелось поносить его в скрипучей, жёлтой, пахнущей новой кожей кобуре, разумеется, пока они в Беломорске, поносить на виду у всех, вбежать в комнату к инструкторам, чинно пройти по коридору спецшколы — пусть бы глянул на неё Вася Савоев, земляк из Пряжи, с которым она училась в одном классе, хотя тот был на год старше, и о котором Марийка всё чаще и чаще думала.

В дверь «вагончика» постучали. Даша Дудкова тихонько спросила:

— Кто там?

— Хозяюшка, дайте прохожему напиться, — сказал из темноты знакомый весёлый голос.

— Погодите минуточку, прохожий, сейчас принесу, — отозвалась тут же Анна.

Андропов старательно вытер ноги, сбросил плащ-палатку, протянул Анне гитару, вынул из кармана галифе пачку печенья, две баночки крабов с короткой и непонятной этикеткой «Снатка».

— Вот жена выделила из домашних запасов. Отпуская, мне вослед стихи прочитала: «Провожать провожай, да меня не забывай». Это шутка, а вот всерьёз — Лебедеву пришлось в госпиталь отвезти. Сказали, что дело серьёзное, так что Нина, к сожалению, не сможет вас проводить — с вами пойдёт одна Даша. Но проводы у нас дело обычное, печально другое — Нину придётся заменять, оставлять в резерве.

Куда готовили Нину, куда направится скоро Даша, куда идут Анна и Мария — знал только он один, девушки об этом не спрашивали и никогда не заговаривали друг с другом. Не

положено.

— Всё собрано, всё готово? — спросил Андропов, внимательно оглядывая их одежду, в которой они уйдут на задание.

— Всё, как вы учили, — ответила Анна, — ничего лишнего ни в одежде, ни среди вещей. Этикетки с консервов и концентратов сняли, прорезиненные пакеты проверены — воду не пропускают, так что через любую грозную реку можем плыть спокойно.

— Консервы съедим первыми, — вставила Марийка, — чтоб подальше от греха, там ведь номера выбиты. Одежду разную завернули в финскую газетку «Vapaa Karjala»…

— Понял. Науку усвоили. Ну, а как у нас нынче с чаем? — обратился он к Даше, которая, подбросив дровишек в низенькую плиту, подогревала пузатый чайник.

…Алюминиевую кружку с кипятком долго в руке не удержишь, только прихлебнул — и мигом на стол. Девушки предупредили Андропова, однако всё же его длинные пальцы застряли в тесной дужке, и он плеснул себе горячим чаем на руку, на колено и в сапог.

Марийка и Даша прыснули в кулак, Аня проворно подала куцее вафельное полотенчико. Подруги уже хохотали вовсю, Андропов, вскочив, махал рукой, а потом и сам зашёлся в заразительном смехе.

После этого всё как-то враз переменилось в тесном домике, исчезла серьёзность и натянутость. Теперь тут сидели старые добрые друзья-сверстники, хотя младшей, Маше, было восемнадцать, а Юрию Владимировичу на десять лет больше.

— Ну, кто сыграет, что споём? — спросил Андропов, бережно поглаживая видавшую виды гитару, в грифе которой алел широкий шёлковый бант.

— Аня умеет, возьми гитару, девушка, — сказала Даша, подмигнув Марийке. — Давай, давай, друзей стесняться не положено.

Аня вобрала голову в плечи и опустила глаза. За чугунной решёткой дверцы плиты приплясывал огонёк, светлые пятнышки трепетали на её худеньких ногах, и она прикрыла их чёрной длинной юбкой.

— Не заставляйте, не выйдет у меня.

— Ну, ладно, скромница, отдыхай. Давайте, Юрий Владимирович, берите инструмент, как бывалоче, а я вам подпою, — улыбнулась Даша, обмахиваясь платочком.

— Ну что ж, давай, как бывалоче, Дарья Харитоновна. Сегодня Анну и Марию провожаем, потом тебя с Ниной.

Андропов умело взял несколько начальных аккордов и запел

чистым бархатистым голосом:

В далёкий край товарищ улетает,
Родные ветры вслед за ним летят.
Любимый город в синей дымке тает,
Знакомый дом, зелёный сад и нежный взгляд.

Даша подхватила сразу, за ней Марийка, лишь Анна сидела, по-прежнему не поднимая глаз.

Потом спели «Землянку», «Синий платочек». Когда запели «Катюшу», Анна встрепенулась, тряхнула короткими косичками, отогнала какую-то свою думу и запела со всеми тихим, нежным голосом.

— Ах, как славно на душе! — воскликнула Марийка.

— А не страшно? — тихо спросил Андропов.

— Это я-то их забоялась? Они пришли на мою землю, а я забоялась? Пусть они меня боятся!

— Можно вас попросить, Юрий Владимирович? — спросила Анна.— Я о другом. Была я в нашем театре всего один разок. Привозили нас в Беломорск из Сегежи ещё в декабре, и смотрели мы «Роз-Мари». Мне так понравилась там песенка Джима, там такие слова есть: «Цветок душистых прерий»…

— Это ж Николай Рубан поёт, — вставила Даша.

Андропов, смеясь, вскочил с табуретки, картинно выставил вперёд ногу, ударил по струнам и запел.

Аплодировали дружно, азартно, так, что горели ладошки.

— А помните, как вы эту песню пели в общежитии в Сегеже? — схватила его за руки Марийка. — Хватит, отдохните, а то вон уже пот выступил, душно у нас тут от печки. Ну, вспомнили? Приходили вы тогда компанией: Коля Королёв, Сеня Зуев и девушка такая беленькая, Сеня глаз с неё не сводил, появилась она потом у нас в спецшколе. Я сначала не поверила, что вы — первый секретарь ЦК комсомола. Думала, разыгрывают нас парни, уж очень вы по-свойски как-то общались. Лицо серьёзное, правда, было вначале, а песню пели бойко, а потом опять лицо сделалось усталым. Нас тогда целый кагал собрался, со всех комнат, вы ушли, а мы ещё песни водили да прошлое вспоминали. Понравилось, как вы про свой Рыбинск рассказывали. Хорошо помню, как кто-то спросил, как быть с любовью на войне. Вы тогда сказали, Юрий Владимирович, если любовь, дескать, настоящая, большая, как лесной пожар, то никакая война её не погасит. Ещё вы говорили про бои под Москвой, про того комиссара, который крикнул: «Велика Россия, а отступать некуда!» Вот бы мне такие слова придумать…

— Клочков его фамилия, — сказала еле слышно Анна.

— И впрямь — хватит отступать, сколь можно! — выкрикнула Даша.

— Ну, вот вы как разгорячились, — усмехнулся Андропов, а затем, застегнув зачем-то верхнюю пуговицу воротничка гимнастёрки, оглядел всех пристальным взглядом.

— Верно, сколько можно? Небывалая война заполыхала с севера до юга. Такая война, что от неё солнце стало чёрным, а реки красными. Но время делает своё дело — немца можно очень хорошо бить, ребята! Под Москвой ему скулу своротили? Своротили! И ещё своротим. Скоро, дорогие товарищи, совсем скоро забуксует машина Гитлера. Глянем вглубь истории — поработители всегда терпели крах, рано или поздно, — будь то Римская или какая-нибудь Османская империя. Но нам не надо поздно! Мы хотим рано. Страшнее смерти — позор и неволя. Наш народ за свою историю не раз изгонял с родной земли завоевателей: половцев и хазар, татарские орды и полчища тевтонских рыцарей. Гнали мы в шею и французов, и шведов. Против свейского войска здесь, на Севере, наши предки — русские, карелы, вепсы — одной стеной стояли. И победили!

Великий Октябрь дал нашему народу крепкий молот, чтобы мы ковали своё счастье, и стальной серп, чтобы пожинать плоды его. И вот в наш чистый, молодой, цветущий сад вломились нахальные белобрысые боровы арийской породы. Голодные и жадные, бесчувственные и чванливые.

Но разбойничать всегда сподручнее с соседями, тогда как бы не так страшно, не вся вина падает на тебя. На дутую приманку Гитлера клюнули недоумковатые союзники на севере и на юге, прожорливые подпевалы, мелкие воришки, у которых руки чесались, чтобы урвать кусок нашего пирога. Связав себя с Гитлером круговой порукой кровавого злодеяния, они заслуживают такой же кары, такой же участи, как и германские орды новоиспечённого Аттилы.

Многое мне понятно, не ясно лишь одно: как можно было за столь малый исторический промежуток времени, за какие-то семь лет так оболванить народ? Даже рабочие пошли с нацистами. Печальный, позорный факт для Германии. Но не мы первыми вступили на тропу войны, не мы первыми обнажили меч. А кто пришёл к нам с мечом, тот от меча и погибнет. История совсем скоро сбросит фашистов всех мастей в свою помойную яму. И теми, кто сделает это славное дело для грядущих поколений всего здравомыслящего человечества, будут наши советские люди, наша Красная Армия, будете вы — подпольщики.

Все молчали, и в тишине слышно было, как в заливе

плескались волны.

— Это есть наш последний и решительный бой, — необычно громко, неожиданно для самой себя, сказала Анна.

— Решительный, но не последний, — задумчиво добавил Андропов, и его рука пробежала по струнам. Один аккорд, другой. Сначала это был «Интернационал», потом «Вставай, страна огромная»… Но никто не пел, все сидели и слушали, притихшие, серьёзные. Даша осторожно открыла дверцу плиты, угли уже покрылись темно-оранжевым пухом и едва мерцали.

— Как бы я хотел пойти с вами, — еле слышно сказал Андропов, и гитара его заиграла снова ту, любимую:

В далёкий край товарищ улетает…

— Ну что ж, пора и честь знать, уже час ночи. Отдыхайте, что ли…

— Да мы не станем ложиться, Юрий Владимирович, скоро потопаем на вокзал.

— Понимаю, потому и сижу с вами. Но всё же давайте прощаться. С Дашей мы увидимся. Дай руку, Мария Владимировна, да сожми крепко, вот так. А ты, Анна Михайловна, проводи меня до часового, а то ещё не выпустит.

Они вышли из «вагончика» в серую влажную ночь, пошли молча, песок поскрипывал под ногами.

— Даша вас доведёт до моста. Там отошли её назад. На вокзале вас будут ждать Иван Яковлев и Паули Маунумяки, ей их не надо видеть. Закон конспирации, сама понимаешь. Вернётесь в расположение 7-й армии после ходки, сразу пусть Сычов радирует, что вы живы-здоровы. Я ведь всё время о вас буду думать. Всё время, поняла? Следи за Марийкой, она девушка бойкая. Никаких контактов в пути. К вам будет любопытство на аэродроме, возможно, даже со стороны армейских разведчиков, мы уже об этом говорили с тобой, помнишь? Прикидывайтесь простушками, отходите с улыбочкой в сторонку, на шутку разговор сверните, а коли потребуется, пригрозите именем члена Военного Совета фронта Куприянова. Ну что, прощаемся, Аня? Дай я тебя поцелую на счастье. Жду тебя.

— Ждите, товарищ Могикан.

3

Над аэродромным полем стоял сырой тяжёлый туман. Где-то рядом передвигались люди, стучали по железу, негромко переговаривались, иногда вспыхивало жёлтое пламя — механики зажигали факел, и тогда впереди прояснялся силуэт приземистого биплана.

Недалеко от деревянного домика, над которым курился, то и дело припадая к земле, дым, раскинув на влажной земле плащ-палатку, завтракали подпольщики.

— Хуже нет ждать и догонять, — бурчал Яковлев, медленно намазывая на ломоть хлеба толстый слой комбижира.

Анна осторожно откусывала сухарь и медленно посасывала его, заложив за щеку.

— В самый раз бы лететь, никакой истребитель не увяжется, — сказала Марийка, — так нет, не положено, не хотим вас подвергать риску. По-моему, они просто дрейфят. Им что: лётчик спит — служба идёт, а у нас срочное задание.

— Пойду за чайником. Чайник вскипел, — медленно, с сильным финским акцентом сказал Маунумяки.

— Я сбегаю, — тут же отозвалась Анна, отрывая нагретую спину от своего большого сидора.

— Я с тобой, — подхватилась Марийка.

Они пошли рядом, Марийка прижалась к Анне, зашептала:

— Финна этого, Паули, я в спецшколе видела. А в мешках у них что-то квадратное. Или рация, или взрывчатка, я пощупала незаметно.

— Не наше дело.

— Всё же интересно, куда они и с какой целью.

— Выбрось это из головы. Главное качество подпольщика — знать столько, сколько надо.

— Ты старшая, значит, ты права, товарищ командир. А я всё же думаю — разведчику есть до всего дело. Может, я упражняюсь, учусь. Нам в спецшколе что говорили: пуговица пришита свежей ниткой — уже зацепка, — недавно из дому; пальцы коричневые — значит нашенский, самокрутку курит. Кстати, тот лётчик с усиками на тебя глаз положил, хитрюга, видать: головку набок склонил и пялится. Неужто ты не заметила?

— Перестань, Мария, там кто-то на крыльце стоит.

Накинув на широкие плечи старую меховую куртку, у двери стоял тот самый, с усиками, кончик папиросы желтел тусклым огоньком.

— Самоварчик ещё не поспел, — сказал он мальчишеским

голосом, — я бы сам принёс. В тумане голоса слышны далеко, поэтому мне, очевидно, надо представиться. Честь имею, штурман, он же летнаб, он же воздушный разведчик, лейтенант Алексей Жандорак. Пока простой кипяток превращается в крутой, позвольте одну историю, связанную с туманом. Прилетел я в Одессу. Туман густой и крепкий, как стена. Я гвоздь в него забил, повесил лётную куртку и лёг рядом спать на травке. Утром проснулся — ни тумана, ни гвоздя, ни куртки.

— Пустите, чайник давно готов. Ну-ка, в сторонку, военный. Слышите? Вот глухой, а ещё внушает нам: я — воздушный разведчик.

— Да уж где нам. Разведчики — это вы, девушки. Можно сказать, настоящие глаза и уши Красной Армии. Ну, давайте знакомиться. Тебя как зовут, востроглазая? — обратился он к Марийке.

— В борьбе и тревоге не стой на дороге, — крикнула Маша и плечом оттолкнула летнаба от двери.

Чайник на плите только начал пускать парок из носика. Лётчик, сидевший у стола и писавший при лампе то ли письмо, то ли какой-то документ, бегло оглянувшись, пробурчал:

— В девять вылетим. Метео даёт добро. Так что долго не чаёвничайте.

Жандорак стоял на крыльце и не проронил ни слова.

— Летим, слышь, Марийка, скоро будем в небе.

— Летим, Аня, как раз времени на чай осталось. А с этими летунами только так и надо, — весело щебетала Марийка. — Сразу не поставишь на место, гляди, уже и обниматься полезет. Я таких повидала и в госпитале, и в спецшколе.

— В госпитале у нас с тобой были раненые, им женской ласки не доставало, улыбки девичьей.

— Вот, вот. Снова за своё. Забыла, как к тебе военфельдшер прилип? «О, Анна, меня сжигает горячий огонь страстей». Что он ещё там плёл, этот рыжий? Хорошо, что Настенька Крупина тебе глаза раскрыла. Помнишь-то про письмо? Жена ему пишет из Сибири — каждый вечер наши деточки перед сном дерутся, кому папину фронтовую фотокарточку под подушку класть. А он…

Подул тёплый ветерок, и туман длинными косами пополз с аэродрома.

— Наш пряжинский дует, — кивнула на юг головой Марийка, прихлёбывая чай. — По запаху чую, родным озером пахнет.

Но никто не откликнулся. Маунумяки сидел, вытянув длинные худые ноги, а Яковлев, склонившись над вещмешком, шарил в нём рукой и что-то шептал.

— Вы чего такие мрачные, мальчики? — старалась

расшевелить их Марийка. — Ведь наконец-то летим, скоро дело настоящее будет.

— Наговоримся ещё, дорога дальняя, — сказал Маунумяки.

— А мне любопытно, откуда ветры берутся, — не унималась Мария. — Хочу все ветры изучить, и наши, и чужие. Знаете, какие красивые названия у них есть? Мистраль, бриз, сирокко. Мистраль — во Франции обретается. Бриз — свежесть приносит на берег с океана. Сирокко — знойный ветер пустыни, писано в книге. Никогда не была под жарким ветром. Какой он, неужто и в самом деле, как из печки? Смешное дело.

Из домика вышли пилот и летнаб.

— По самолётам! — сложив руки рупором, крикнул Алёша Жандорак.

Подпольщики, забросив мешки на спину, заспешили вслед за лётчиками. Туман хоть и рассеялся, но небо было серым и мрачным, казалось, вот-вот начнёт сеять дождь.

— Погодка, аллах бы её взял, — ругнулся пилот и зачем-то лягнул по-шофёрски ногой колесо самолёта.

— Прошу вас, дамы и товарищи, — сказал Алексей, стягивая с продолговатой открытой кабины мокрый брезент. — Рекомендую, новейшая модификация славного Р-5. Р — значит разведчик, 5 — на 5 человек. Шутка. Обратите внимание на кабину — работа местных мастеров-краснодеревщиков, как говорит наш комэск, «маде ин Архангелгород». Кабина лётчика-наблюдателя увеличена в три раза, что даёт возможность брать полтонны архиважного груза или четырёх пассажиров. Правда, им приходится терпеть некоторые неудобства. Зато плечо друга рядом, колено тоже. Но как сказал какой-то мудрец, в тесноте, да не в обиде. Сидора попрошу на колени. Теснее, теснее. Теперь мы, как грибки в лукошке. Почему сели не парами, ах, предпочитаете визави? Простите, мадемуазель, моё место у пулемёта. Эй, востроглазая, тебе говорят, пересядь, там я буду казаковать. Брезент берите, хлопцы, от дождя он нас будет спасать, ну и если «мессера» налетят, тоже лучше брони не придумаешь. Очень надёжное укрытие, настоятельно рекомендую. Не понравился брезент, а жаль. Степаныч! Товарищ старший лейтенант, я остался непонятым! Крышу не хотят брать пассажиры! Уже хотят? Подсовывайте за спину, потом благодарить будете.

Степаныч обернулся, он сидел впереди, тоже в открытой кабине, сдвинул на лоб толстые очки, растянул рот в улыбке.

— Алёша у нас весельчак. Брезент берите, ребята, холодно будет, не глядите, что 1-е июля. Задубеете как пить дать — четыре часа лёту.

— Пойдём на север, потом на восток, потом на юг. Курс

проложен специально для вас — подальше от линии фронта,— продолжал свою скороговорку Жандорак.

— Парашютов не положено? — спросила у него Марийка. — А то мы можем, обучены.

— Прыгайте на здоровье, но не с вещевым мешком вместо парашюта. Полетим, девушка, на бреющем полёте. Если самолёт будет цепляться животиком за верхушки елей, не нервничайте: обычное дело.

— Почему так низко? — спросил Маунумяки, по-хозяйски аккуратно подтыкая край брезента за спиной Яковлева, который был старше его лет на десять.

— Чтоб не быть закуской для акул-«мессеров». Им такая высота не по нутру, им простор подавай, а тут, чуть что, при их скорости — и рылом в землю.

Жандорак тем временем снял чехол с пулемёта, проверил замок, пропустил в паз ленту с патронами, уселся поудобнее лицом к хвосту самолёта.

— Просим пардону, что вынужден спиной к обществу. Готово, товарищ старший лейтенант, всё в порядке! Мешок не забыла, востроглазая? — Алёша подмигнул Марийке.

— Полетели уж, военный.

— От винта! — крикнул вперёд Степаныч.

— Есть от винта! — ответили с земли.

Самолет затрясло, он, медленно, по-утиному переваливаясь, пополз по полю, долго разгонялся и наконец взлетел.

Они и вправду пошли на малой высоте. В ушах свистел ветер, мотор грохотал так, что Марийка, решив сказать что-то Анне, сидевшей за спиной Алексея, лишь толкнула её в бок и показала ему, точнее — его затылку, кончик языка. А тот, словно увидев это, повернулся к Анне.

— Летала раньше?

— Один разок! — прокричала Анна.

— Нравится?

— Ветрено!

— Ветер в лицо, а в сердце песня! Любишь петь?

— Голос тихий!

— Это ничего, это бывает с вашей сестрой в девичестве. Подпевай, подруга!

Алексей, распрямившись, оглядел внимательно небо справа, потом слева и только после этого запел песню, которую Аня раньше слышала, но слов не знала, да и сейчас не все разбирала из-за трескотни мотора.

И бронепоезд не промчится,
Угрюмый танк не проползёт, —
Там пролетит стальная птица.

Алёша обернулся, взмахнул руками, но этого ему показалось мало, и он сдёрнул с головы кожаный шлем, мотнул им, призывая всех поддержать припев:

Пропеллер, громче песню пой,
Неся распластанные крылья!
За вечный мир, в последний бой
Лети, стальная эскадрилья!

Аня чуть шевелила губами. Марийка выкрикивала отдельные слова, а парни молчали. Не вышло с песней, и Алёша надолго замолчал, сидел, не оборачиваясь, а потом отгородился от пассажиров вовсе, подняв широкий воротник куртки.

Глаза слезились от секущего ветра, но Аня глядела и глядела на быстро бегущую землю. Леса, леса, изредка светлело озеро, похожее на запотевшее зеркало, вокруг ни сёл, ни дорог. Земля словно вымерла. И всё-таки там, на земле, хорошо — тепло, покойно. Каждая кочка, каждый камень, каждый пенёк, каждый кустик спрячет, убережёт. Там можно, прижавшись всем телом к земле, ползком уйти от наседающего врага, там можно занять, как учили, круговую оборону, и пусть возьмут, пусть сунутся. А здесь полная беспомощность, и ком в груди от страха: а вдруг налетят, вдруг подстерегают вон там, за чёрной бугристой тучей…

По переговорной трубе Степаныч что-то крикнул Алёше, но тот ему не ответил, а как-то ближе придвинулся к пулемёту. Анне показалось, что впереди посветлело, и точно: минут через десять в сплошном сером одеяле стали появляться редкие просветы.

— Студёно! — прокричала Марийка на ухо Анне. — Ноги озябли. Эй, парни, сделайте крышу! Зябко!

Маунумяки зашевелился, вытянул брезент, осторожно подал Марийке, та нырнула под него, завела за свою спину, укрыла Аню. Теперь в кабине стало уютно, тепло, а главное — тише. Все молчали, Аня поёрзала, пытаясь отодвинуться от острых колен Яковлева, сидевшего напротив. Ноги в пьексах быстро согрелись. Она улыбнулась — по легенде пьексы подарены ей старым финном, у которого Аня в Петрозаводске стирала бельё, а на самом деле, по настоятельной просьбе Андропова, эти пьексы искали целую неделю и нашли на каком-то складе у моряков

месяц назад. Андропов говорил ей — деталь в одежде, невинный клочок финской газеты, вынутый будто невзначай, вызовут куда больше доверия, чем гладко рассказанная биография. Работать над деталью, изучать детали, внушал Андропов. Какое лицо у того старого финна? Ну, быстро, быстро. Борода, и конечно, седая. Не очень оригинально. А может, у него правый глаз с прищуром? И прищур оттого, что на веке бородавка. На что похожа эта бородавка? На горошину. Штамп. Надо крепко подать, как припечатать, ну, так на что похожа бородавка? На подмороженную прошлогоднюю клюковку, говоришь? А что, зримо. Я увидел эту бородавку. Молодец, опять же и местный колорит соблюден. И подмороженная — это схвачено верно. Она ведь такая дохлая, сморщенная, приметная. Ты стихи не пишешь случайно?..

Аня согрелась и задремала. Левым боком невольно прижалась к спине Алексея, а справа у неё было мягкое тёплое плечо Марийки.

Проснулась оттого, что самолёт пошел вниз, затем рванулся вверх, гул мотора на мгновение замер.

— Напугались, ребятки? — спросил Алёша, заглядывая под брезент. — Это Степаныч заснул. С ним такое бывает.

— Мотор даёт перебои, — сказал вяло Маунумяки.

— Приятно иметь дело со знающим человеком. Ну, а чтоб всем было спокойно, сообщу — пилот переключил другой бензобак.

Самолёт снова зарылся носом, затем тяжело, медленно выровнялся.

— Может, за нами гонится «мессершмитт»? — спросила Аня.

— Спите спокойно, дорогой друг и товарищ, — засмеялся Алёша и прикрыл голову Ани брезентовым пологом.

Она попыталась выглянуть, но почувствовала, что рука Алёши не пускает её, в сердце у неё вдруг всё обмерло от страха — Аня поняла: что-то случилось. Сейчас вверху над ними ударит вражеский пулемёт, и Алексей тут же ответит ему, но тех, наверху, много, и они будут пикировать раз за разом, пока…

Прошла минута, потом полчаса, ноги затекли совсем, руки онемели. Аня склонилась на свой мешок и снова задремала. Проснулась, лишь когда самолёт коснулся земли.

Медленно, еле-еле вылезли они из тесной кабины, спрыгнули на траву. Шуршал мелкий дождь, мешки оставили в самолёте, побрели к приземистому длинному бараку, и тут выяснилось, что сели они в Вологде, а не в глухом селе, где был расквартирован штаб 7-й армии, где их ждали.

Обедали в аэродромной столовой последними. Сидели за

одним столом хмурые лётчики Р-5, весело блестевшего под косым дождём в дальнем углу лётного поля, и неразговорчивые, притихшие пассажиры. Когда выпили компот из сухофруктов, Степаныч, которому, как выяснилось при полуденном свете, было всего лет тридцать, негромко сказал:

— Будем ночевать. Погода не пускает, да это и к лучшему — механики в моторе поковыряются, я из-за него-то сел сюда. Расквартируемся в общежитии для лётного состава, вам на четверых будет выделена комната, Алексей уже договорился. О вашей задержке и о перемене маршрута я сейчас дам радиограмму в Беломорск. Вопросы?

— Можно съездить на попутке в город, лётчики тут собираются, приглашали? — спросила Марийка.

— Не велено с чужими.

— Разве эти очаровательные окрестности не напоминают вам, сударыня, луга Швейцарии? Раскройте глазки — это же Ницца, Ривьера, Рица, — зачастил Жандорак и, ловко выбив щелчком большого пальца папиросу из пачки с надписью «Пушка», поймал её ртом.

Марийка восторженно глядела на Алексея.

— А ещё раз можете так? — спросила она, уже позабыв о намечавшейся поездке в Вологду.

— Для вас, востроглазая, всё что угодно, можно даже с неба звезду.

Яковлев и Маунумяки дружно захихикали. Щелчок пальцем снизу вверх, небрежный кивок головой, и новая папироска во рту Алексея. Яковлев полез за своей пачкой, стал вертеть её в руках, примеряться. Анна сидела, опустив ресницы, ей было неловко, хотелось встать, уйти.

— У меня вон там приятель сидит, я возьму у него плащ, — сказал шёпотом Степаныч, подымаясь с места, и Аня встала за ним.

В комнате пахло ваксой, немытым мужским телом, махоркой. У окна — хилый столик со старыми газетами, у стен, обклеенных картинками из журналов, четыре кровати, узкие, железные, застеленные несвежими байковыми одеялами. Аня распахнула окно, присела на кровать, стоявшую у столика, потом легко сбросила с ног жёлтые пьексы, легла, свернувшись калачиком. Её покачивало, в голове монотонно гудел огромный шмель.

Когда Алёша и Марийка вошли в комнату, Аня спала. Алексей увидел болезненно сжатые пухлые губы, длинные подрагивающие ресницы, на которых застыла маленькая слезинка, и почувствовал, как у него что-то опустилось в груди, точно полетел вниз на качелях.

Тихо, не отрывая взгляда от бледного лица Ани, он отступал к двери. За ним вышла и Марийка.

Они присели в полутёмном коридоре, где по серым стенам шептались полусонные мухи. Уголок был тихий, никто не сновал мимо, вдалеке по тусклому стеклу барабанил дождик.

— Ну, хорошо, я понимаю, фамилию нельзя, ну а имя-то? Неужели секрет?

Марийка сидела прямо, поджав под скамейку ноги, вся строгая, серьёзная, куда девались её весёлость, беззаботная улыбка.

— Какой тут секрет, товарищ лейтенант, только зачем всё это вам, не понимаю, — отвечала она, опуская глаза и разглаживая юбку на коленях. Помолчав, добавила: — Зовут меня просто — Мария. Мне уже восемнадцать лет. Не верите? Честное комсомольское, 25 марта исполнилось. Была я маминой, была я папиной, а теперь вот сиротка. Согнала моих родителей с дедовских мест злая война. Слыхали, есть такая деревня Пряжа, недалеко от Петрозаводска? Районный центр, между прочим. Ну, так вот, поехали они из Пряжи через всю страну в эвакуацию. Живут сейчас в Ивановской области, работают, как и раньше, в колхозе, крестьянствуют. Я ведь тоже барышня-крестьянка, читали такую книгу?

— Не страшно идти в тыл к фашистам?

— Ну, вот, пошло-поехало, — вспыхнула Марийка, и голос её стал, как раньше, крепким и звонким. — Ни в какой тыл мы не идём. Ясно? Мы будем работать в штабе. Переводчиками.

— Почему же вам форму не выдали?

— Мы вольнонаёмные, нам не положено.

— Чего ж такое барахлишко ветхое у вас? И парни ваши под каких-то пастухов нарядились?

— Ну, хватит, товарищ дорогой, — рассердилась Мария. — Меняем пластинку. Или вот лучше послушай такую присказку. Едет солдат к фронту, навстречу ему прохожий. Разговорились. Как кобылу кличут? Секрет. Где телегу взял? Военная тайна. А куда путь держишь? На передовую в деревню Ивановка. А что везёшь? Патроны. Так что вот так, сказала — переводчиками, и баста. Вы же красный командир, сами должны понимать, не маленькие! Сколько вам годков, товарищ лейтенант?

— Да называй на ты, чего уж там, на четыре года я всего старше. Перед самой войной кончил Харьковское штурманское авиационное училище и сразу сюда, к вам.

— Слушай, Алексей, — перебила его Марийка, — а может, ты меня понарошке расспрашиваешь, испытываешь? Думаешь, у девки этой ветер в голове, всё выложит. Всем кажется, что я

болтушка. Прямо не знаю, что мне делать. Дудки, буду молчать как рыба. Ты-то ведь комсомолец? Ну так чего липнешь с глупыми вопросами? И руки при себе держи. Знаю я вас. Думаешь, вот малолетка клюнет на малиновые лейтенантские кубики, на золотые птички в голубых петлицах. Как же, держи карман шире! У меня, между прочим, парень есть, можно сказать, жених. Не хуже некоторых, хоть он и не носит кубарей. Пока не носит, пока. Так-то, товарищ дорогой…

— Да не липну я, не заводись. Просто всегда считалось, что женщины и дети не должны воевать, войны — удел мужчин. Понимаешь, это плохо, когда девушка стреляет. В этом есть что-то неестественное. Ну, как тебе это понятнее сказать…

— Да уж куда как понятно сказано. Только вы меня за дурочку не держите, товарищ дорогой. Не знаю, как там в потёмках истории, а мы, комсомолки великой страны, все как одна… «Не смеют крылья чёрные над Родиной летать, поля её просторные не смеет враг топтать!» Небось, слыхал такие слова? А ты со своими глупыми мыслями. Что сказал товарищ Сталин в нынешний Первомай, помнишь? Все на защиту Отечества! И чему тебя только в лётной школе учили…

Марийка вскочила, хотела поправить ремень, забыла, что не в гимнастёрке, потом сдёрнула берет, тряхнула копной густых светлых волос. Алёша усмехнулся, достал из планшетки початую плитку шоколада.

— На разных волнах работают наши радиостанции, — пробормотал он. — Ну, да ладно, мир, Маруся. Угощайся лётным пайком.

Марийка постояла, отвернувшись от Алёши, потом подняла руку — то ли причёску поправила, то ли с глаз что-то смахнула.

— Я не люблю сладости, — сказала она дрожащим голосом, который стал прямо-таки детским, девчоночьим, и вдруг засмеялась. — Давай разделим на троих и пойдём будить Аннушку, — добавила без всякой паузы.

— Не станем, — тут же твёрдо ответил Алексей, и Марийка каким-то подспудным женским чутьём поняла, что всё это время он думал об Анне.

— Что ж, девушка она славная, — сказала медленно Мария, — только уж больно тихая. Вам что, тихие больше нравятся?

Алексей молчал, разглядывая грязный носок своего кирзового сапога. Потом прислушался — где-то далеко громыхнуло.

— На войне нет места любви, Мария.

Марийка уткнулась в воротник плюшевого старенького жакетика, нахохлилась, ей вдруг стало холодно и сиротливо.

— Понимаешь, Маша, — начал Алёша и осекся. — Ну, как

тебе это сказать, мне просто по-человечески хочется знать, что думают люди, зная, что они рискуют жизнью. Вот что думает человек, когда идёт на смерть? Говорят, перед смертью вся жизнь пролетает за одно мгновение. Будто кинолента, пущенная в проекторе со скоростью молнии. Чушь всё это. Одна мысль — выжить, не умереть, не поддаться, не подставить себя под пулемётную очередь. Мы дважды со Степанычем умирали, дважды смерть вот так рядышком была. А у меня в голове одно — сейчас не он меня, а я его срежу. Ну, срезать не срезал, а отогнал. Второй раз Степаныч пошёл на «мессера» лоб в лоб. Тот отвернул, я дал ему по животу. Что я думал в те минуты? Выжить, любой ценой выжить!

Вот идут в тыл врага разведчики. За каждой кочкой, за каждым деревом враг. Он тебя видит, ты его нет. Он взял тебя на мушку, а ты шагаешь по тропиночке, травинку в зубах держишь, песенку мурлыкаешь, не чуешь, что жить тебе осталось пять секунд. Мы уже забрасывали ваших ребят. Все молчаливые, все в себе. Что думают, что на сердце? Нет, всё-таки, какие мысли приходят перед смертью? К примеру, я раненый, всю ночь меня допрашивают, издеваются, а утром расстрел. Утром меня не станет. Понимаешь, больше никогда не будет, никогда.

— Как это никогда?

Она ещё и ещё раз уже про себя повторила этот вопрос, затем, тряхнув густыми волосами, спадающими на глаза, усмехнулась. Жандорак вытащил пачку «Пушек», глянул искоса на Марийку, щёлкнул пальцем, поймал губами папиросу. Маша взвизгнула, за ней засмеялся Алёша. Они смеялись всё громче и громче, как это бывает при беспричинном смехе, смеялись, взглядывая друг на друга. Хохотали, не слыша, как сзади в темноте хлопнула дверь, не видя, как к ним медленно, неуверенной походкой подходит Анна.

— Как у вас весело, — промолвила она с тайной завистью. — А там окна заклеены крест-накрест, нижние бумажки отлепились и шуршат под ветром, трепыхаются, словно бабочки.

Постояв немного, Аня пошла по коридору, ища взглядом выход.

После ужина тут же в столовой крутили кино. Народу набилось много: лётчики, техники, девушки из столовой. Показывали «Таинственный остров». Буря уносила над вздыбившимся океаном воздушный шар с беглецами. Ещё немного, и шар опустится в волны, из корзины выбрасывается всё, шар поднимается вверх, летит дальше, дальше и, наконец, опускается на сказочный остров…

Алексей сидел между девушками и скороговоркой

рассказывал, что произойдёт дальше. С нетерпением он ждал места, где страстный курильщик моряк Пенкрофт, которому поднесли зажжённую трубку, набитую настоящим табаком, выдыхает вместе с клубом дыма только одно слово:

— Та-ба-к!

В общежитие лётчиков возвращались гурьбой, а потом как-то так вышло, что Яковлев завёл спор со Степанычем, назвав действия «Наутилуса» пиратскими, сходными с действиями гитлеровских подводных лодок. Марийка горячо вступилась за капитана Немо, отстаивая права могучего одиночки.

Алексей и Анна незаметно отстали. Небо прояснилось, но в светлой дали белой ночи мерцала всего лишь одна звезда.

— Я часто думаю, — сказала Анна, — а может быть, где-то там, на далёкой-предалёкой планете есть в точности такая же, как у нас тут, жизнь. Вот идут по лётному полю ночью наши двойники, посмотрели они фильм и думают о том, что где-то есть похожая планета, и там тоже живут Анна и Алёша. Смешно? Ну, пусть не Аня и Алёша, пусть другие у них имена. Я люблю книжки про фантастику. В техникуме читала ночами Герберта Уэллса, Жюля Верна.

— А я самую первую книжку прочитал во втором классе. В первый я не ходил, всего день побыл, и меня сразу перевели во второй. Родители меня рано научили читать, писать. Ну, так вот, обычная сельская школа, а в школе библиотека. Сколько там стояло книг! У нас в доме отец собрал два шкафа, но там… Выбирай любую, сказали мне. У автора была странная фамилия — Рони-Старший, а книга называлась «Борьба за огонь». Не читали? Это о далёких временах, о пещерных людях, сильных, смелых, выносливых. Есть там и про любовь. Странно, что у них могла быть любовь. Ходили в шкурах, а уже любили…

Аня молчала, изредка взмахивала рукой, отгоняя комаров от лица. Тишина вокруг, повсюду ни огонька, ни белого светящегося оконца. Слева в земляных капонирах темнели силуэты самолетов, справа вырисовывался барак, где жили лётчики.

— Вы сейчас совсем иной, Алексей.

Жандорак улыбнулся, поняв, что Анна имела в виду.

— Моя мама тоже удивлялась тому, что я могу быть совершенно разным в течение одного часа. Я люблю веселить людей, могу быть свойским хлопцем, весельчаком, даже шутом, что вам, как я понял, не понравилось, и могу быть злым, вредным, придирчивым, капризным. Вот зачем вы всё время машете под носом ручкой? Они что, стали бояться вас? Или вы и вправду отгоните этих комаров? Надо не замечать мелкие неприятности жизни, идти вперёд. Нужно воспитывать твёрдость характера,

независимость, если хотите.

— Какой же вы на самом деле?

— Сам не знаю. А тут ещё война путаницы добавила. Она нас перековывает. Бросает в горнило, а потом на наковальню.

— Я тоже не хочу быть похожей на всех. Война, как мне кажется, заставляет человека быть лучше, добрее, она как бы счистила с людей налёт ржавчины. В войну погибают лучшие. Погибают честные, умные, добрые. После войны нация должна быть беднее, у неё не будет самых преданных, самых искренних. Это я никогда никому не говорила. Сейчас ночь, хоть и белая, но всё же не видно ваших насмешливых глаз.

У крыльца они постояли, помолчали. Высоко, монотонно подвывая «иду, иду, иду», прошли самолеты.

— Немцы на бомбёжку полетели, — глухо сказал Алёша.

— Анна, через пять минут отбой, — послышался голос Марийки из форточки.

— Пожелаем друг другу лётной погоды, — шепнула Анна, протягивая Алёше руку.

— Какая у вас крепкая и сухая рука! Не люблю, когда подают мокренькую манерную ладошечку. Есть, есть такие барышни, не спорьте, я знаю.

— Много вы всего знаете, Алёша.

— Да вы не так меня поняли, Аня. И вы туда же, как Мария, в сердцееды меня зачислили.

— Спокойной ночи, и зовите меня, пожалуйста, Анной. Не люблю сюсюканья. Не люблю я и громких слов, боюсь я их.

Они ещё постояли. Анна неторопливо, но настойчиво высвободила свою руку и пошла к двери.

— Постойте секундочку. Что вам снилось сегодня днём, там, в вашей комнате?

Анна постояла на крыльце, дёрнула за ручку раз, другой, подумала, резко рванула дверь и скрылась в светлом проёме.

4

Утром Аня проснулась первой, выскочила на крыльцо. Аэродром, лес за ним, дальняя речка — всё было залито солнцем. Птицы пели на разные голоса, тёплый ветерок дул по ногам, залетал за ворот ситцевой кофточки.

Пройдя мимо столовой, обогнув поросшие густой крапивой высокие пустые капониры, Аня увидела стёжку и заспешила к реке. На гладкой заводи просыпались кувшинки, начинавшие только-только раскрывать острые лепестки.

Аня, оглядевшись, быстро разделась и осторожно вошла в воду. Присела, охнула, брызнула себе в лицо и поплыла. Плыла она легко, взмахивая одной правой рукой, белая шея рассекала тёмную гладь. Тело покалывало, будто в него вонзилась тысяча тоненьких иголок, грудь обручем сжимало холодное течение, поднимавшееся откуда-то из глубины.

Выйдя на берег, Анна долго растирала ноги, живот, спину ладошками, подставляя всю себя солнышку.

У самого общежития попался ей навстречу заспанный Степаныч, озабоченно глядевший туда, где стоял его Р-5.

— Уже можно бы им колготиться у самолёта, как говорит Алёшка, — пробурчал он, не видя вдалеке механиков. — Я сейчас задам жару этим суркам…

На завтрак Степаныч пришёл к самому концу и был мрачнее тучи. Налив чаю, быстро глотнул раз, другой и, поперхнувшись, заговорил:

— Неприятное известие, ребята. В моторе серьёзные неисправности, просидим здесь не меньше недели. Я доложу своему комполка Опришко о нашем пиковом положении. Пусть тоже затылок почешет.

— Да заодно спасибо тебе, Степаныч, скажет, что хоть сюда доползли, — вставил Алёша.

— Нам надо в штаб 7-й армии, срочно, — медленно проговорил Маунумяки.

— Наши желания совпадают, — съязвил Степаныч, — но пока придётся обождать. Лежите, отдыхайте, набирайтесь сил. Из расположения части, то есть аэродрома, прошу не отлучаться.

В комнате было неуютно, табачный дух не выветривался и особенно чувствовался, когда войдёшь с улицы. Парни на кровати играли в домино, Марийка хрустела пальцами, бездумно глядя в пол, Анна смотрела в окно. Вдалеке к самолёту шли Степаныч и Жандорак. Ничего не говоря, Аня встала и вышла из комнаты. На поле её догнала Марийка, пошла рядом.

— Что будем делать, командир? Давай дадим радиограмму Могикану, пусть накрутит хвоста этим летунам.

— Подождём с радиограммой. Жаловаться и оправдываться — последнее дело.

Они прошли мимо часового, внимательно оглядевшего их с ног до головы, а за большим транспортным самолетом наткнулись на трёх пожилых военных, разложивших на чёрном капоте «эмки» большую карту.

— Попрошу подойти! — крикнул один из них.

Девушки переглянулись, нерешительно поглядели на командиров.

— Мне повторить приказ? — рассердился всё тот же плотный, лысоватый, ладно опутанный портупеей военный.

Анна и Мария подошли.

— Новенькие посудомойки, что ли? Здесь фронтовой аэродром, секретная войсковая часть. а вы разгуливаете, как в парке. Отправляйтесь в свою столовую.

— Я прошу не кричать на нас, товарищ подполковник, — отчеканила Анна. — Лучше посодействуйте нашей группе подпольщиков поскорее добраться в штаб 7-й армии. Наш самолёт на ремонте.

— Ничем не могу помочь. А ходить здесь даже вам, разведчикам, тоже незачем.

Девушки свернули вправо, пролезли под колючей проволокой забора, пошли лугом к лесу, темневшему на холме. Ушли ото всех, чтобы повторить то, что заучивали все предыдущие дни.

— Давай на лужку посидим, — сказала Анна, — уж как тут сердцу любо. Ромашки, клеверочек, кашка душистая медком пахнет, колокольчик, как живой, колышется под ветерком, прислушайся, он ведь песенку вызванивает. Слышишь?

— Хватит, Анна, чудить, давай по делу. Я первая. Начинаю.

— «…Наличие родственников в Житно-Ручье даёт возможность Лисициной и Мелентьевой при выполнении задания находиться в глубоком подполье в течение продолжительного времени».

Маша сидела, поджав под себя ноги, и, чуть раскачиваясь, скороговоркой повторяла заученные назубок слова о целях ходки. Аня плела венок из одуванчиков, жёлтые головки мелькали в её руках. Пышные, упругие на стебельках, они становились вялыми — оторванные от родного, вскормившего их луга. Зачем нужен венок, Анна и сама не знала.

— Твоя очередь, продолжай, — буркнула Марийка, отирая ладошкой пот со лба.— Ну, о чём ты всё думаешь? Если про этого, Алексея, так выброс его из головы — один ветер и больше

ничего. Давай: «…Для выполнения этих задач товарищи Мелентьева и Лисицина достигают деревни Житно-Ручей…» Послушай, а сколько всё же километров от вас до Рыбреки? По карте километра два, а ты твердишь — рядом.

— Да уж точно рядом. До главной горы, где разработки, километра два будет. Скоро, поди, одно село образуется. Издавна так повелось: Житно-Ручей да Житно-Ручей. Мы вроде как на отшибе живём. Деревня-то большая у нас. Что с ней сейчас? «Для выполнения этих задач товарищи Мелентьева и Лисицина достигают деревни Житно-Ручей, оттуда Лисицина направляется к дому матери…»

Анна проглотила подступивший комок, помолчала, а когда заговорила снова, голос её стал ещё тише, чем обычно. «Направляется к дому своей матери и старается встретиться с последней. После предварительной разведки и встречи с матерью в дом приходит и Мелентьева. Выбор времени прихода в дом матери Лисицина и Мелентьева делают исходя из обстановки, стараясь установить предварительно, кто проживает в доме матери, кроме неё самой, нет ли на постое солдат, кто проживает в соседнем доме…»

Анна остановилась, задумалась, наклонила голову.

«Получив уверенность в том, что в доме Лисициной можно прожить, Мелентьева и Лисицина приступают к выполнению задания».

Аня выпустила венок из рук, замолкла, а Мария качнулась, посыпала скороговоркой:

«За период нахождения в подполье, пользуясь установленными ими связями, связные ЦК КП(б) должны провести следующие мероприятия…»

Лицо Марийки порозовело: чуть сдвинув брови, расширив большие голубоватые, как-то странно посаженные глаза, она тихо повторяла заученное, взмахивая то и дело веточкой душистой кашки:

«Первое. Связаться через мать Лисициной с комсомольцами, проживающими в деревнях: Шелтозеро, Житно-Ручей, Другая Река, Роп-Ручей (Мякишевой Евгенией Михайловной — девятнадцати лет, Кургановой Марией Петровной — семнадцати лет). Через них достать необходимые документы: паспорт, продовольственную карточку, образец пропуска.

Второе. Получить через Мякишеву и Курганову необходимые разведсведения о расположении воинских гарнизонов, оборонительных сооружений, положении населения».

Слушая чёткие казённые слова, Анна всегда удивлялась им, ведь всё, что говорилось в плане, было написано с её слов,

обыкновенных, житейских.

«Пункт третий, — отчеканила Мария. — Договориться с матерью Лисициной о том, что она предоставляет квартиру под явку подпольных парткомсомольских работников, для прихода которых устанавливается пароль: „Хозяева, дайте прохожему напиться“. Отзыв: „Подожди минуточку, прохожий, сейчас принесу“».

— Так, теперь ты продолжай, Анна, у меня уже по рту пересохло.

Аня молчала. Может, ей вспомнился тот весенний прохладный вечер, когда они вдвоём с Андроповым перебирали около десятка вариантов пароля? Это ей пришла мысль — пусть тот, кто явится, попросит у мамы воды. Простой воды. Из их колодца. Так просили всегда в селе кочующие артельщики, заезжие рыбаки, охотники. Большим грехом считалось отказать путнику. Малышню, а те частенько пугались чужих людей и прятались — то в овинном закуте, то в сенцах, то в кустах смородины на огороде — редко когда бранили за провинности, а тут, если не вынесешь кружку воды — попадало. Особенно укоряла бабушка, самых плохих слов не боялась крикнуть внучке, если такое случалось.

Андропов решил слово «мама», «мамаша», которое предложила Аня, заменить на «хозяева» на тот случай, если выйдет невестка или сестра. Он настоял на том, чтобы вставить в отзыв слово «прохожий» — в нём был главный смысл, на него и упор.

«Пункт четвёртый, — монотонно заговорила Анна. — Научить хозяйку явки запомнить пароль и отзыв. Изучить подход к квартире, получить гарантии, что при этом будет сохраняться надлежащая конспирация. Если потребуется, матери Лисициной может быть оказана денежная помощь из имеющихся для этой цели у товарищей Мелентьевой и Лисициной средств. Срок деятельности связных ЦК КП(б) в тылу противника устанавливается 30 дней. По истечении этого срока они обязаны вернуться на свою территорию. В период всей ходки Лисицина и Мелентьева должны принять меры к тому, чтобы избежать провала. В случае провала товарищи Лисицина и Мелентьева рассказывают противнику следующие легенды».

«Легенда Мелентьевой Марии Владимировны, — выпалила сразу же Маша. — Я родилась в 1924 году в семье сапожника Куликова Владимира Аверьяновича в Ивановской области в городе Кинежма».

Анна, улыбнувшись, замахала рукой.

— Давай по буквам, Марийка.

— Ки-неж-ма.

— Опять за своё! Сколько тебе говорить: Ки-неш-ма! Одна буква, и всё — крышка! Остальные эпизоды, детали будут в ажуре, да только им веры уже нет. И ещё одно: не спеши, говори не так складно, с трудом подыскивай слова. Ты испугалась, да это и понятно: они сильные, храбрые завоеватели, ты — одинокая девушка, дикарка. Захотят — помилуют, захотят — в тюрьму бросят. Ки-неш-ма. Запомни, пожалуйста, Мария. И пусть это будет тебе задание на сегодня, а легенду повторим завтра, хорошо? Давай тихонько полежим, помолчим.

Аня опрокинулась в густую траву, раскинула руки, русые распущенные косички перепутались с цветами.

Маша неторопливо расстелила жакетик, расшнуровала грубые юфтевые ботинки, распространявшие сильный запах ваксы, поставила их в сторонку.

— Анечка… можно я так тебя разочек наедине назову? Анечка, отчего так в жизни моей происходит, все считают — я бойкая, смелая, с любым парнем могу первая заговорить. Я ведь и сама собой ничего, правда? Крепенькая, как репа, папка мой так говорил, весёленькая, как белка. Ну вот, всегда ко мне первой парни подлетают, а потом — их как нечистая сила от меня отваживает. Так было у меня с Ваней, с Васей Савоевым. Тебе-то он не понравился, уж я помню, зря я вас познакомила, думала, ты мой выбор одобришь. Где сейчас мой Василёк, может, где-то тоже на полевом аэродроме загорает? Добивалась у него — скажи, когда вас будут забрасывать, — молчит, как камень. Из-за этого и поругались. У меня перед ним никаких тайн нету, ведь мы голопузыми ещё знали друг дружку, в одном классе учились. Всегда замурзанный, нестриженый. Я его, бывало, приведу к нам и ножницами — чик, чик — обкорнаю, как овечку, а он сидит, губы дрожат, и слёзы на глазах. Ну, вылитый воробей после дождя. А теперь видела, как на нём форма сидит? Высокий, волосы волнами, на щеках румянец, как два яблочка. Ты скажи мне, где такой румянец люди берут? А ты яблоки ела? Много раз, ну да, в Ленинграде, конечно. Я пробовала, не понравились, лучше нашей лесной малины да морошки ничего на свете нет. Вася, Василёк, цветочек мой полевой. Гранату дальше всех бросает. Из винтовки, из пулемёта дегтярёвского — первый. Остались мы с ним на стрельбище одни, он зарядил свой наган, потом попросил мой браунинг и как шарахнет из двух рук по двум поясным мишеням — прямо в грудь! Меня стрелять выучил. И как выхватывать пистолет из кармана, сбивая на ходу большим пальцем предохранитель, и как мгновенно повернуться к противнику боком — меньше площадь попадания, рука вытянута

— сплошной рычаг, одна прямая линия, хладнокровный мягкий нажим крючка — и ты в дамках. Василёк всегда приговаривает — и ты в дамках, присказка такая к нему привязалась, я его стала отучать — опять поссорились. Ты что молчишь, Аннушка?

— Анна! Мария! — донеслось со стороны аэродрома.

Девушки подхватились и увидели Алексея, махавшего им фуражкой. Быстро обулись, жакетики в руки и побежали. Снова нырнули ящерицами под колючку навстречу спешащему к ним штурману.

— Ну, обыскался я. Хорошо, мне один технарь показал, куда вы пошли. Беломорск вас вызывал. Анну лично требовал некий загадочный Могикан. Надеюсь, это был не последний могикан уважаемого Фенимора Купера? Да не волнуйтесь, я был как раз в штабе, сказал, что вы помогаете ремонтировать наш самолет. Могикан похвалил вас за радение, сказал, что выйдет на связь в 18.00.

— Вот удружил, военный, — зарделась краской Марийка. — Кто просил тебя выручать? Как нам теперь ему в глаза смотреть?

— Пойдём сейчас к механикам, — сказала тихо Аня, — пусть дают любую работу.

И работа нашлась — уже через десять минут девушки мыли в бензине какие-то хомутики, шайбы, гаечки, пружины. Алёша вытирал их ветошью, иногда щепочкой выковыривал остатки загустевшей смазки, белой тряпочкой, смоченной в жидком розоватом масле, протирал детали и складывал их в плоский фанерный ящик.

— Того и гляди, изучите наш самолет по винтику, по кирпичику! — крикнул девушкам Степаныч, орудовавший с двумя механиками у разобранного мотора.

— Мы в училище с гаечек начинали, — улыбнулся Алёша. — Сначала гаечки, потом карты. Летать я готовился на иных самолетах, там, где роль штурмана первостатейная, мечтал попасть в полк тяжёлых бомбардировщиков, а стал воздушным извозчиком.

— Мне такой самолётик крепко нравится, — затараторила Марийка. — Маленький, ладненький, крылышки серебристые, и пахнет сладеньким, так бы и съела.

— А вам, Анечка, приглянулся наш аэроплан? — сверкнул озорными глазами Алексей.

— Пожалуйста, называйте меня Анна, — серьёзно ответила она и, увидев, как погасла улыбка на лице Алёши, добавила уже подобревшим голосом: — Хорошая машина, красивая.

— Когда мы всё же полетим, Алёша? — капризным тоном спросила Марийка.

— Серьёзное что-то нашли технари, а они машину только в хорошем виде выпустят, тем более прослышали — важное спецзадание, вас надо доставить в целости и сохранности.

— Мы согласны помогать, — сказала Анна, — как муравьи будем, приказывайте.

Но работы оказалось до обидного мало, и к вечеру они перемыли все разобранные части мотора. Марийка даже успела протереть ветошью нижние крылья самолета.

…На узле связи аэродрома, в комнате, заставленной блоками радиостанций, Анна ждала недолго, слышимость была хорошей. Андропов стал утешать Анну, просил передать всем, что запас времени ещё есть и что пока самое надёжное — ждать конца ремонта самолёта и на нём лететь дальше. Затем он сообщил, что подполковник Сычов о задержке предупреждён, Нина Лебедева в больнице, Даша Дудкова шлёт привет. В конце Андропов сказал, чтобы девушки отдыхали, повторяли задание, учили легенды.

На второй день снова ходили к самолёту, постирали лётчикам комбинезоны, на брезенте, которым укрывались, вывели бензином масляные пятна. Работу эту сделали быстро, до полудня. После обеда лётчики, собрав две неполные команды, играли на лётном поле в футбол. Марийка упросила взять её хотя бы вратарём, а через полчаса она уже бегала в защите, лихо отбивая атаки нападающих здоровенных лётчиков.

На обочине лётного поля сидели и лежали лётчики, между ними неторопливо бродил здоровенный дворняга по кличке Слесарь. Никто не знал, откуда и когда он приблудился, но все любили его за незлобливый нрав. Жил он у технарей, те и прозвали его Слесарем за то, что все бока его были замурзаны, он целыми днями ошивался среди ремонтников, которые часто, не имея в кармане комка ветоши, вытирали об него мазутные руки.

Слесарь поглядел с симпатией на Алёшу, покосился на Аню, он признавал только людей в форме, и нехотя подошел к её протянутой ладошке. Аня погладила его раз, другой по широкому плоскому лбу, по выгнутой довольной спине. Шерсть была сухая, горячая и остро пахла авиационным бензином и пылью.

Аня и Алёша, убедившись, что команда, в которой играла Марийка, начала выигрывать, незаметно ушли в сторону старого монастыря, а оттуда повернули к реке. Слесарь побрёл за ними следом, останавливаясь, глядел им в спины, наклонив набок голову.

— Я, сколько помню себя, всё на лыжах, с ноября до апреля, — тихо рассказывала Аня. — Да у нас все бегают справно. Две зимы я училась в Шелтозере, в пятом и шестом, — у нас в селе не было обучения на финском языке, ну, так мы в субботу после

уроков скок на лыжи и айда домой в Житно-Ручей. Два часа — и дома на печке, а это, поди, километров семнадцать будет. Летом в лапту играем на лужку, рыбу ловим, в лес бегаем. Боры у нас знатные — всё есть, что душа пожелает.

Начинаем с морошки, у леса тянется болото, там морошечка жёлтая, вкусная, как мёд. Мама сахаром засыплет и только по праздникам подносит. Морошка отошла — поспела черника. Нилое — лес наш так называется, придём мы из него, мамка только руками всплеснёт — перемажемся ведь, губы синие, руки синие, стоим, как привидения какие. Черника в лесу долго держится, мы её и с молоком едим, толчём с мёдом на зиму, а больше сушим в русской печке. От живота, от головы помогает.

В августе малина пойдёт, вёдрами носим, папа наливку делает, мама немножко варенья сварит, немножко посушит: лесная малина у нас тут, в Карелии, — главное лекарство от простуды. Сушёную мама достанет зимой, щепотку из узелка бросит в чай — дух лесной по избе гуляет.

Глядь, и осень уже к лету подкрадывается — тут все в лес, и стар и млад, — за брусникой, за грибами. Отец лошадь запряжёт, нас на телегу посадит, мы радёхоньки. К вечеру назад — ягод целая бочка да груздей корзины три. Бывало, полный воз волнушек привезём. У нас рыжиков много, посечём, посолим бочки две-три на зиму, одну особо с груздями маленькими. Белые грибы мы сушим, но они у нас не в почёте. Эти я возила в Ленинград в общежитие, подружки радуются, как дети, а рыжиками солёными угощала, так морщились.

Ну, а уж когда осинки зажгутся красными фонариками, идём на болото за клюквицей. Долго носим, до первого снега ходим. Лишнее продадим в городе — мы, детвора, всегда себе на учебники да на сарафан ягодами зарабатывали.

У нас одна женщина на почте работает, щебетунья такая, замуж за нашего вепса вышла, сама русская, через озеро жила в Пудоже, так учила меня всяким шуткам-прибауткам. «Кошелёк доставайте, берите-покупайте ягоду-клюкву, подснежну, крупну, красную, рясную, студёную, ядрёную. Мы по кочушкам ступали, лапоточки ободрали.» В Петрозаводск поедут, за день целый воз продадут, и все к ней спешат бойкое слово послушать. А подснежна знаете почему? Самая вкусная клюква, когда первый снежок её припорошит, морозец прихватит — вино-ягода! Бывало, ещё и в конце зимы брали, снег сойдёт, а она на кочках налитая, умытая, алыми капельками горит. Берёшь в руки — пальчики холонут. В рот бросишь, языком придавишь — петь хочется. Вам интересно, Алёша, что я рассказываю? Наверное, в душе подсмеиваетесь — ни книг не знает, ни кинокартин, чтоб о театре

поговорить, так она всё, как кулик, про своё болото.

Алёша взял Анну за руку, крепко пожал и ничего не ответил. У Анны где-то к самому сердцу вдруг подошла тёплая волна, и она радостно, не веря самой себе, засмеялась громко и беспричинно, побежала, плавно взмахивая длинными тонкими руками, к синей полоске реки, не оглядываясь, но чувствуя, что её догоняют.

— Вот, сердце как у птицы, сейчас вырвется!

И она схватила Алёшину руку, прижала к груди, быстро отвела, не переставая удивляться самой себе, она ли это: смеётся, бежит, говорит во весь голос, держит крепко за руку этого курносого незнакомого парня с тонкими щеголеватыми усиками, со странноватым чужим выговором.

— Жарко мне, Алёша, ох, как жарко! У нас жаркие дни по пальцам пересчитать можно. В такой день я всегда у воды. От родительского дома до Онего-батюшки за один дых добегала. Вылетишь на берег и задохнёшься от красоты. Жара, полдень. Ветер с озера крепчает. Волны катятся к берегу, ударяются лоб в лоб с поблескивающими валунами и рассыпаются в серую пену. Времени для меня нет, стою и смотрю, смотрю…

— Кончится война, приеду в Рыбреку — а где здесь дивчина живёт, которая на волны белогривые глядеть бегает?

— Вы из Белоруссии? У вас фрикативное «г», мягко произносите, не так, как русские, те на грани не «г», а почти «к» говорят. Видите, как я подкована — у нас в техникуме был чудесный учитель русского языка. Мне нравилось сопоставлять одни и те же слова у славянских народов. Как это интересно, ведь язык когда-то один был у славян.

Алексей улыбнулся, бросил на траву потёртую кожаную куртку.

— Вот и не угадали, товарищ Анна. Родился я в Чернигове, на Украине. Яблоневые сады. Десна в весеннем половодье — белые домики стоят в воде по колено, шумный базар у церкви, выложенная тёмно-красным кирпичом-железняком центральная площадь. Отец мой сразу после гражданской войны окончил в Ленинграде лесную академию, работал в Сибири, там жили мы на Оби. Я сызмальства любил путешествовать. Однажды на льдине поплыл весной. Как меня сняли с неё, не помню, только отец очень гордился, что я не ревел, не испугался. Правда, с тех пор меня стали привязывать к ножке тяжёлой железной кровати почти на весь день — папа и мама работали, рядом — мой верный дружок Жюль, ласковая, с умными глазами овчарка. Папу всё время била малярия, пришлось вернуться на Черниговщину. Отец в городе жить не любил, и мы уехали в лес. Был там такой

хуторок Ревунов Круг, дачей его ещё называли. Отца назначили лесничим. Дали нам большой дом с огромным садом, и стали мы жить-поживать. Однажды в лесу организовали летний пионерский лагерь для городских ребят. Помню огромный пионерский костёр, вокруг которого мальчишки ходили колесом с ног на руки. Я отбежал в сторонку, попробовал и тут же шлёпнулся, как лягушка. Эти бойкие ребята знали много песен, умело бегали наперегонки, метко стреляли из рогаток, но не умели, как я, быстро взбираться на деревья, скакать на лошади. В жаркий день молодые горожане подожгли любимый отцовский бор, шишки с его сосен посылали мы по всей стране, но пожар погасили. А потом нашего Жюля кто-то окатил кипятком. Мы с отцом лечили его, мази разные прикладывали. Жюль лежал и плакал. Потом уполз ночью в лес и умер.

Алёша замолк, склонив голову, словно прислушивался к стрекоту кузнечиков в траве. В камышах на той стороне реки вкрадчиво проплыла уточка с малыми утятами. Аня сидела рядом, слегка прикасаясь к его крепкому тренированному плечу, искоса поглядывая на свои колени. Ей казалось, что Алексей смотрит на её худые ноги в этих разношенных жёлтых пьексах.

— Это всё чужое на мне, Алёша. И запах у одежды чужой, и душно мне в ней, а вот вы бы увидели меня в белом платье в Летнем саду или на Невском, сказали бы: неужто это та самая Анна?

Солнце било в глаза, Аня жмурилась. Алексей надел на неё свою фуражку. Лицо под козырьком до половины затенилось, и в этой тени таинственно засветились большие глаза.

— А как вы стали лётчиком?

— Долго рассказывать.

— А мне интересно!

— Вокруг нас раскинулись красивые сосновые леса, возможно, даже самые красивые на Украине. Как-то летней порой приехали в лесничество люди странного вида — мужчины в чёрных очках, женщины в брюках. Как меня поразило, что женщины в мужском! Первый раз мы, хуторские мальчишки, видели такое чудо. Среди огромных корабельных сосен разбили они белую палатку, из автобуса выгрузили треногу, поставили на неё ящик с вделанными биноклями. Отец был всё время с ними, он и сказал нам, что будет сниматься кино. Как оно снималось, я не помню уже, осталась только от того лета фотография: я стою среди этих людей, маленький, затерявшийся, на мне короткие штанишки со шлейками через плечо, вот так, крест-накрест, как бумажные полоски нынче на наших окнах. Но дело не в этом, а в том, что в наших чудесных лесах появились гусеницы, вывелся

шелкопряд. Сначала немного, а потом уже целые отряды. Гусеницы ползли рядами, колоннами, как нынешнее немецкое войско, взбирались на сосну, пожирали иголки, и дерево умирало.

Зайдёшь в сосняк, прислушаешься и слышишь шорох — ползут, едят, иголки осыпаются. Встречались такие участки леса, будто по ним прошёл пожар — жёлтые, усохшие, голые деревья. Все мы в лесничестве, а потом и колхозники окрестных сёл, вышли спасать лес. Нам выдавали ведро с густой мазью, похожей на ту, что колёса телег смазывают, и мы делали на дереве широкий жирный пояс. Гусеницы доползали до него и застревали в мазуте. Однако новые отряды продолжали ползти. Какой дьявольский инстинкт гнал их вперёд? А что гонит сейчас немцев под наши пули? Дух наживы! Съесть больше, вкуснее, жирнее. Когда гусеницы залепляли весь пояс, по ним, по их телам двигались вверх к зелёному корму другие, а мы делали новые и новые пояса, но это уже не помогало. Тогда обратились к авиации. Оборудовали взлётную полосу, завезли ядовитый порошок, и в один чудесный день, куда более чудесный, чем тот, когда приехали кинооператоры снимать нашествие гусениц, в Ревунов Круг прилетели два самолета У-2, очень похожие на наш Р-5. У лётчиков пошли горячие деньки, с раннего утра до позднего вечера за самолётами стелился белый хвост. Гектар за гектаром, урочище за урочищем. Поход шелкопряда на лес приостановился, порыв скис. Уже не так гусеницы трещали, лопаясь под ногами, уже можно было без содрогания пройти сто метров по лесу.

Через месяц у летчиков наступил отдых. Я давно знал их по именам, помогал, чем мог, с утра пропадая у самолетов. Незнакомый сладковатый запах масла, струя бензина, отливающая то зеленью, то голубизной, полированная тёплая лопасть винта, которую мне хотелось гладить до бесконечности…

Однажды в выходной день лётчики предложили покатать тех работников лесничества, которые отличились в борьбе с шелкопрядом. Как я хотел полететь, как я тёрся около самолётов! И, наконец, меня посадили в кабину, самолёт разбежался, оторвался от земли и как бы повис в воздухе. Но нет! Свистит ветер в ушах, внизу проплывают дома нашего лесничества, за выгоном пасётся стадо, а по дороге двое скачут на лошадях, как бы наперегонки с нами. Вдруг в первом всаднике я узнаю Соню — с ней я учусь в пятом классе, и она знает, я ей сказал, что сегодня пролечу над Ревуновым Кругом.

В ту ночь я не спал, у меня приключился жар, все думали, что я простыл в открытой кабине, что у меня снова обострился

бронхит. А теперь-то я понимаю, что заболел тогда авиацией. Прошли годы, мечта моя окрепла, родные мои смирились, мама переживала очень, я ведь один у них. Но меня уже ничто не могло остановить. Поехал в Харьков, поступил, окончил, направили в Карелию. Не думал, не гадал. Правда, бабушка Гапа предрекала мне этот край ещё в детстве. Я был парень жох — то босые ноги до щиколоток чёрной коломазью вымажу, дескать, хочу походить на тракториста, или за крылья ветряка пойду цепляться, чтоб хоть две секундочки подлететь и быть похожим на Чкалова. Конечно, имелся шанс зацепиться рубашонкой или помочами от штанцов, и тогда… Бабушку Гапу эти художества доводили до крайности.

— На Соловки тебя надо, разбойника!

Ну, думал я, Соловки — хуже нету, гибельное место, а оказалось — чудо-остров, красивый, старинный, жить можно припеваючи. Чайки на волне качаются, я их никогда раньше не видел. Ну, так вот, получил я лейтенантские кубики на петлицы, дали мне отпуск, примчался я в Ревунов Круг в новенькой форме и попал… прямо на свадьбу к Соне. В общем, отпуск не вышел; не добыв положенного срока, выехал я в Ленинград, получил все бумаги, сел на мурманский поезд, и в поезде меня застало 22 июня.

— А мы были в Выборге, наш техникум туда перевели, там кончали мы последний курс. Радуемся — скоро дипломы выдадут, домой поедем, начнём «сеять разумное, доброе, вечное», новая жизнь пойдёт, самостоятельными людьми станем. 22-го, в воскресенье, сдавали мы военное дело. Сдали хорошо, развеселились, решили отметить, а стипендия уже подходила к концу. Подружки мои близкие, Валя Клещова, Серафима Филина — тоже рыборецкие, купили бидончик молока, буханку белого хлеба — дёшево и сердито. Сидим вот так же на травке в парке, там за деревьями музыка духовая играет, рядом на столбе репродуктор — граммофонная труба, из него песня бодрая такая льётся:

Мы с чудесным конём
Все поля обойдём,
Соберём, и посеем, и вспашем.
Наша поступь тверда,
И врагу никогда
Не гулять по республикам нашим.

И вдруг песня оборвалась. Я сразу почувствовала что-то неладное, кусок хлеба застрял в горле. Через пару минут — мне они показались часом — стали передавать, что Германия напала

на нас… 30 июня сдали последний экзамен, получили дипломы, да радости не было, солнце ровно кто чёрным платком накрыл. На следующий день выехали в Петрозаводск. Приехали, явились в Наркомпрос. Дали мне направление в Ухту. Но до Ухты не доехала, там уже рядом шли бои, и меня послали в Сегежу. Вот как я разоткровенничалась, не надоело?

Алёша покачал головой, и волосы его, светлые и прямые, рассыпались, он привычно пятернёй кинул их вверх и вдруг увидел, как на сгибе локтя у Ани, на той руке, что оперлась рядом, бьётся голубенькая тонкая жилка. Он нагнулся и осторожно поцеловал её.

5

В субботу на полуторке, оборудованной толстыми досками для сиденья, Степаныч, Алексей и четверо подпольщиков поехали в Вологду. На дальних складах они погрузили четыре ящика с какими-то запчастями, походили по пыльным улицам. Степаныч с парнями подался в военторговскую столовую.

— Айда с нами пиво пить! — зазывал он девушек. — Пошли — авиация гуляет!

Но подруги вместе с Алёшей отправились в краеведческий музей. Бродили по пустынным залам, Алёша держал Анну за руку, та краснела, опускала глаза и боялась глянуть на Машу, которая нарочито подолгу рассматривала экспонаты, наморщив лоб, вчитывалась в надписи, в старые газеты.

У большой фотографии, на которой красовались в два ряда лучшие стрелки города, Аня шепнула Алёше:

— У меня тоже есть значок «Ворошиловский стрелок». У нас был кружок в Шелтозерской школе. Патронов, правда, маловато давали. Но у меня сразу пошло. Военрук говорит, ты, Анна, прямо готовый снайпер. Я ещё тогда такого слова и не знала. Всю зиму тренировал он нашу команду, а стреляли мы прямо в коридоре школы. Мешками с песком стену закрыли, мишени на фанерку, двадцать пять метров отсчитали и чикаем. Выступала даже на районных соревнованиях, приз получила — книгу Николая Островского «Как закалялась сталь». Читаю и плачу, лежу на печи, лампу туда забираю и всю ночь напролёт читаю и реву. Жалко мне, так жалко было этого Павку Корчагина. Казалось, дали бы крылья, полетела бы к нему тотчас, чем смогла бы помогала, книги бы читала у постели, раны лечила, водицы бы ключевой поднесла, а может, просто молча посидела да за руку подержала. Загорелась война, и желания эти мои осуществились, только это было уже в Сегеже, и сидела я у постели других Корчагиных.

Работала я там в библиотеке, читателей мало, зайдёт кто — я на седьмом небе: при деле девушка. Иду как-то в столовку, глядь — Марийка с Пряжи, вот так встреча, а мы с ней ещё до войны знакомы.

Из дальнего угла послышался голос Маши:

— Первый раз ты приехала к нам ещё пионеркой, а подружились мы летом 39-го, ты была на втором курсе. В матроске приехала, в белом беретике, в синей юбочке. Очень тебе та матроска шла.

— А в Пряже сестра моя, Дуся, вышла замуж. Муж её, Миша

Медведев, работал начальником паспортного стола, сынок у них родился, вот они и пригласили меня помочь по хозяйству, Вовочку пестовать.

На длинном столе у входа в последний зал музея лежали груды свежих осколков немецких снарядов с чужими чёрными буквочками: грязно-белые, похожие на берёзовые чурочки, зажигательные бомбы, хвост-стабилизатор от полутонной бомбы-громадины, аккуратные, словно гигантские застывшие капли, минометные мины с вывинченными взрывателями.

Алексей смотрел на это страшное железо и молчал. О чём он думал? Возможно, о том, что вот такая же бомба может сегодня ночью упасть на них. Залают зенитки, сыграют тревогу, поднимется в серое небо звено истребителей. Он взял в руки небольшой, с мелкими зубьями, осколок, похожий на щучью челюсть. На нём уже точечками, как мушиные следы, краснела ржавчина. Этот осколок мог впиться в тонкую руку Анны, рассечь ту маленькую голубую жилочку на сгибе локтя.

— А помнишь, как вечерами бегали на Горку любви? — засмеялась подошедшая к ним и забывшая все обиды Марийка. — Свидания уже назначали. Шепнёт парнишечка на озере — придёшь, мол? Понятно куда — на Горку любви. Ответишь достойно, носик задерёшь. И Аннушка наша бегала, любовь крутила.

— Да уж будет тебе, стрекоза, — махнула та рукой Марийке, но, улыбнувшись, продолжила: — Мне кажется, это на следующий год мы на Горку бегали. Тогда ещё военные у вас на постое были, после окончания финской. Бориска, помкомвзвода, помнишь, всё шутил: подрастай, Маруся, в Москву-столицу увезу законной женой.

— Школу нашу под госпиталь взяли, мы там ежедневно толкались. Письма писали за тех, у кого рука ранена. Учились перевязки делать. Я так совсем крови не боялась, а вот наша Аннушка…

— Ну, там-то уже выздоравливали, а в Сегеже мы хлебнули горя.

— С того госпиталя началась моя фронтовая биография, — вздохнула Мария. — Я как прикипела к ним в финскую, так и не отстала. Закончила я в сороковом девять классов, стала подумывать, куда идти учиться. Имелась затаённая мечта, Анна знает, ну, да ладно. Летом устроилась на почту, штемпелем бухаю, письма разношу — довольнёхонькая, а тут война. Ну, я в райком комсомола, а те — мол, на фронт девушек не берут, а в госпиталь — посодействуем. В августе я уже с утра до вечера не разгибалась на перевязочном пункте нашего ППГ 2213 — полевой

подвижной госпиталь значит. Страшная секучка случилась под Эссойлой. Однажды тут вот, у самого уха, осколок просвистел, может, такой же, как у тебя в руках, Алёша. Раненых было — не рассказать, руки по локоть в крови, об халат вытрешь и следующего перевязываешь. Под Кутижмой тоже с ног валились. Так с боями и отступали до самой Сегежи. Тяжко было на душе; пока фронт не остановился, раненых каждый день сотнями привозили. Мы помещались в больнице, здание большущее, а пройти — не пройдёшь: все забито — и палаты, и коридоры, в подсобках тоже лежали. Во дворе стали укладывать свеженьких, на первый снежок. Некоторые тут же и помирали. Помнишь, Анна? Или ты появилась, когда уже палатки стояли? Вспомнила, вспомнила — ты меня вызвала на крыльцо, потом, чтоб глаза не мозолить, мы пошли во двор, а там как раз политрук госпиталя Шестаков. Как крикнет: «Санитарки, ко мне!» Подбежали. «Подсобляйте палатки ставить». Взялись мы с тобой за дело, потом ещё подошли Аня Гусева, Дуся Дорофеева. Так вот и пошло у Анны. Утром — у нас, вечером — в своей библиотеке, да ещё ночью частенько дежурить приходила. На двух работах успевала и не жаловалась.

…Степаныч, Яковлев и Маунумяки уже заждались их. Они сидели, обнявшись, на пыльной траве и выводили одну и ту же скучную строчку:

Слышно хлопанье пробок от пива
И табачного дыма угар…

Перед тем, как залезть в кузов, Степаныч, смущаясь, протянул Марийке большой треугольный флакон, на котором была нарисована жгучая испанка с розой в чёрных волосах.

— Эту Кармен, — сказал медленно Степаныч, — мы с Алёшей дарим нашим молодым спутницам. Не жалейте, душитесь от души. Как раз должно хватить до взлёта.

А взлёт откладывался и откладывался. Яковлев и Маунумяки зло косились на лётчиков, в столовой ели без всякого интереса одну и ту же «кирзовую» кашу, валялись, одетые, на койках, заросли щетиной.

Девушки снова пошли на луг, прошмыгнув под колючкой так ловко, что часовой у зенитного орудия даже присвистнул.

Вокруг желтели балаболки, одуванчики, медуница, и луг казался золотым. Летели тяжёлые пчёлы, высоко в небо лесенкой взмывали жаворонки. Аня, раскинув руки, упала в траву и, замерев, лежала, вдыхая запахи разнотравья.

— Анна, я начинаю, — заторопилась, расшнуровывая

ботинки, Мария. — Ты слышишь, девушка? Повернись на спину, открой глазёночки. Сниму-ка я кофточку да позагораю как следует. Ну, а если лётчики бинокль наведут, пусть глядят, какая Марийка ладная невеста. Руки у неё сильные, ножки стройные, плечи крепкие. На такие плечи можно и опереться в случае чего. Как думаешь, сильное у меня плечико, вот хотя бы это, с родинкой? Молчишь. Тихоня тихоней, а парня у меня отбила. И что ты в нём такого нашла? Делаешь вид, что не слышишь, и правильно — другая уж давно бы обиделась, третья глаза царапать бы бросилась, а ты всё терпишь. Нехорошо у подруг, девушка дорогая, кавалеров сманивать. И что он в тебе нашёл — ножки тоненькие, шея тростиночка, голос, как у комарика. Не обиделась, можно ещё накручивать или хватит? Как, как? Мели, Емеля — твоя неделя? В какой книжке такую мудрость вычитала? Подумаешь, лётчик, крылышки начистил на петлицах, усики шнурочком, бровки чёрненькие, очи карие. А руки, между прочим, в масле, тоже мне штурман называется, копается с технарями в моторе. Да не надо мне никого, есть у меня Василёк, мы с ним и поссоримся, и помиримся в одночасье, характер у него, конечно, будь здоров сделался — не человек, а спичка, крепко надо дуть, чтобы погасить.

Герр обер-лейтенант, можно рассказать вам легенду бедной девушки-крестьянки? Разрешите приступить? Слушаюсь, не паясничать, правда, слово нам не оченно понятное, но где уж нам, пастухам неотёсанным из города Пряжи. Ну ладно, не сердись, Аннушка, можно, я тебя поцелую нежненько-нежненько в щёчку? Ты этому охальнику с усиками не разрешай целоваться, держи себя в руках. Ах, он уже хороший, а кто от него личико воротил всего неделю назад? То-то же. Ну, поладили — пусть он будет хороший, добрый, умный. Мне от этого ни холодно, ни жарко. Итак, я начинаю, занавес!

«Я родилась в 1924 году в семье сапожника Куликова в городе Ки-неш-ма» — Правильно сказала? Похвалить надо, товарищ командир. Слушай, а кто такой этот Куликов, откуда он взялся на мою голову? Думаешь, не спрашивала, побоялась, как же, Могикан сказал, чтобы я не волновалась — такой человек вроде бы существует. Но как же он существует, если у него имя и отчество моего настоящего отца? Чудеса в решете. Есть не отвлекаться по пустякам! Продолжаю.

«Вскоре наша семья переехала жить в деревню Нестерово Луховского района Зобинского сельского совета. — Хоть бы не брякнуть „Лоухского“. Так, дальше. — Там начали заниматься сельским хозяйством. Хозяйство в умелых руках отца давало хорошие доходы. В 1931 году началась коллективизация, папа в

колхоз вступать не захотел и не вступил. Все в селе были очень злы на него, и когда в 1932 году началось раскулачивание, его выслали в Карелию, в Пудожский район на каменные разработки».

Аня, а ты помнишь, что мой папка председателем колхоза был? Хорошо, хорошо, не буду больше отвлекаться. Так, ну и в Пудожском районе в 1934 году умерла мама. Мамочка-то моя родная жива-здорова. Ну, да ладно, пошли-поехали дальше. «Папа после её смерти стал пьянствовать и часто оставлял нас одних с братом, уходил неизвестно куда. В начале 1935 года отца перебросили в Пряжинский район на лесозаготовки, там он работал до 1937 года. Я училась в школе с 1932 по 1939 год. В 1937 году начались репрессии, и папу моего арестовали, с тех пор я не знаю, где он.

После ареста отца брат начал выпивать. Однажды он, будучи выпившим, попал в круг товарищей, которые избили его и на него же подали в суд. Его судили за хулиганство, дали 5 лет, хотя он ни в чём не был виновен. Это произошло в 1938 году, когда я училась в 7 классе. В 1939 году я окончила семилетку и поступила счетоводом в контору лесопункта. Там я проработала до 1941 года. В мае 1941 года я узнала, что открываются курсы педагогов, подала заявление, но, не выдержав испытаний, не была принята. Домой возвращаться не захотела, осталась в Петрозаводске, устроилась на работу кондукторшей. Там я и проработала до начала войны. Жила я на проспекте Урицкого, дом 12.

Во время войны меня взяли на оборонные работы. Работала в Матросах, в Лососинном. 29—30 августа почти всё население уходило по Кондопожской дороге. Мы с подругой шли тоже, но ввиду того, что она была больна… — Слышишь, Аня, ты была больна. Постой, ты часом не дрыхнешь? Есть продолжать. — Я осталась с ней, с подругой, так как она меня очень просила. Мы жили в Петрозаводске, но о нашем существовании почти никто не знал, и только 10 октября нас позвали в полицию, которая разместилась в доме Верховного Совета. Там нас спрашивали, почему мы остались, где наши родители, почему мы не ушли с Красной Армией. И вообще спрашивали обо всём, что их интересовало. Потом нас вызывали ещё пару раз, всё это время мы жили на шоссе 1 Мая, дом 59-А. Я ходила по дворам, копала картошку на огородах людям, с этого и питались с подругой, которая в это время была ещё слаба после болезни. Вскоре нас мобилизовали на работу восстанавливать Суоярвскую железную дорогу, там мы проработали до начала декабря.

После этого мы пришли на работу в Дом инвалидов, который

помещался… — Где ж это он был, чёрт бы его взял? Спасибо за помощь, товарищ командир. Дом инвалидов был на Бараньем берегу. Господи милостивый, ни разу там не была. Ну, ладно. — Так пролетел весь декабрь. Начиная с января, мы занимались чем попало: стирали бельё, мыли полы, пилили дрова. Последнее время продавали солдатам разные вещи, которые нам давали люди за работу, продали остатки своих вещей.

Когда моя подруга Аня Лисицина узнала, что её родители не эвакуировались, она предложила мне поехать к ним. Я это предложение приняла, конечно, с радостью. Так мы и решили добираться к её родителям в Шелтозерский район, в деревню Житно-Ручей».

Вот и сказочке конец, я сегодня молодец. Правда молодец, Аннушка? Один разочек всего заминочка вышла. А вообще какая у нас богатая биография — родители злодеи, братья пьяницы. Да ведь яблочко от яблони недалеко падает — мы-то тоже хороши: вещички из оставленных домов таскаем, с финскими солдатами якшаемся, в полиции паспорта нам выдали, беседу с нами водили. Слушай, а ты не забыла, что сегодня вечером танцы? Чувствую, мы с тобой будем нарасхват. Свою легенду будешь сейчас повторять или завтра? Ну, позже так позже, я девушка покладистая. Что б такое придумать на вечер, цветок в волосы заплести, что ли? Видела, как у Кармен, мировецки получается. Розочку бы красную! Одеколон у нас есть, мелом носики припудрим, вишь, как загорел, словно свеколка, и полетим.

В последний раз на смертный бой
Летит стальная эскадрилья.

Ты со своим штурманом, конечно, будешь. Ну и ладно, ну и пусть. Слушай, а может и вправду у вас любовь настоящая, ну, такая, как в книгах? Да чего там, парень он славный, это я так, дурачилась. Он-то ведь теперь совсем другой стал — добрый, заботливый. А сначала крылья распускал, словно кочет, думал, тут девки оторви да брось.

На танцах было шумно, дымно. Баянист играл неважно, пальцы то и дело спотыкались, но этого никто не замечал, и когда принесли патефон, все дружно запротестовали — пусть играет баян. Танцевали фокстрот «Рио-Риту», задорно толкая друг друга, потом танго «Утомлённое солнце», «Огонёк», подпевая: «И пока за туманами видеть мог паренёк, на окошке на девичьем всё горел огонёк…»

Марийка оказалась права — девушек пришло немного: столовские, с узла связи, с метеостанции, и поэтому кавалеры

устремлялись к ним, как бабочки на цветок. Лётчики подшили белые подворотнички, крепко надраили мелом пуговицы, не пожалели ваксы на сапоги. Все были в фуражках, у каждого на боку тяжело колыхалась кобура пистолета. Рука Анны горела в Алёшиной руке, дыхание сбивалось, ей было приятно, что его рука нежно обнимает её, что его грудь находится рядом, и если она захочет, то может прикоснуться к ней вымытыми перед танцами пушистыми волосами и даже робко прислониться к ней.

Марийка, окружённая летчиками, всё время хохотала, обмахивалась платочком из парашютного шёлка, ей подарили большой кусок, хватило бы на пару портянок, и она успела сделать платочки себе и Анне, даже вышить ромашечку в уголке синими нитками, распустив крепкую стропу из старого парашюта. Маша не пропустила ни одного танца, сама радостно бросалась навстречу подходившему кавалеру, хотя Анна уловила, как она то и дело бросала быстрые взгляды в дальний угол зала, где стоял среди товарищей высокий, светлоглазый лейтенант со звездой Героя на новенькой гимнастёрке. Как только объявили дамский вальс, Маша понеслась к нему. Лётчик рассеянно посмотрел на невысокую девушку со взлохмаченной газетными папильотками головой, с задиристым напудренным носиком, с раскосыми глазами и, не сказав ни слова, пожал плечами.

Марийка, закусив нижнюю пухлую губу, резко повернулась и, тряхнув кудрями, пошла назад, но на полпути свернула к баянисту, подождала, пока тот закончит играть, стала шептаться с ним. И тот, путаясь в перламутровых пуговичках, заиграл цыганочку.

— С морским выходом! — крикнула Марийка, развела руками, лётчики расступились, и она, словно жаркий ветер, полетела по залу. Сделала один круг, второй. Анне вдруг подумалось, что её гибкая фигурка в беленькой кофточке, эти точёные изящные ножки только и созданы для удалой пляски. Марийка ударила каблуками раз, другой. Все вокруг стали бить в ладоши, помогать ей. Застучала дробь чечётки. Марийка, вскинув руки, подплыла к Герою, ребята, загораживавшие его, расступились, и они остались один на один. Краска пятнами залила её щеки, огромные голубые глаза смеялись. Все поняли, кого она вызывает, некоторые стали подзадоривать лётчика, подталкивать в круг. Лейтенант, побледнев, бычился, отмахивался, упирался. Тогда Марийка крикнула баянисту:

— Цыганочку ему не осилить, слишком большие обороты! Давай барыню!

Марийка, подбоченясь, стала против Героя, вызывающе глянула ему прямо в глаза, потом, снисходительно улыбнувшись,

не торопясь вынула из-под манжета кофточки беленький платочек с ромашкой, плавно взмахнула им и медленно, важно поплыла по кругу. Она глянула на баяниста, засмеялась, сверкнув ровными, как чесночинки, зубами, пошла снова по кругу, вглядывалась в восторженные лица лётчиков, зная, что вот сейчас появится тот, с насмешливым взглядом. Баянист, сам поддавшись танцу, склонив голову к баяну, вёл мелодию на удивление чётко, убыстряя её с каждым кругом.

Анна не увидела, вышел ли сам Герой, или его вытолкнули силой, увидела только, как он неловко ударил об пол каблуками щегольских брезентовых сапожек, пошёл вокруг Маруси, плывшей царственной лебёдушкой, затем хлестнул пятернёй по голенищам, по рту и пустился вприсядку. Что тут началось! Зал застонал, загудел. Лихо писал коленца лейтенант, ничего не скажешь, и лишь под конец сплоховал, споткнулся и повалился кулем прямо к ногам Марийки, но мигом вышел из положения — став картинно на одно колено, выбросил высоко к Марийкиным неистовым глазам руки. Ане показалось, что сейчас от аплодисментов рухнет потолок столовой. Она гордо глянула на Алёшу, приблизила губы к его уху.

— Вот какие карельские девушки! Запоминайте!

Алёша, серьёзный и сосредоточенный, улыбался краешками губ. Встретив взгляд Анны, показал кивком головы на широкие окна, за которыми сгущался вечер. Они протолкались к выходу и пошли на своё любимое место к реке.

— Бывало, прихожу в госпиталь на дежурство, Маша тут как тут, — взяв Алёшу под руку, стала рассказывать Аня. — «Бери гитару! — кричит, — Дуся уже с балалайкой в палате. Идём нынче к тяжёлым, там двоим совсем худо». Тумбочки раздвинет с шуткой-прибауткой, подушку подобьёт, кивнёт нам, мы эту «цыганочку» и заводим. «С морским выходом! Кто со мной? Ходи, черноголовая!» Играю я не шибко, хоть и целый год в кружок ходила в Ленинграде, да, видать, бог не дал таланту. Чуть стало получаться, так наш кружок распался, руководителя нашего в армию взяли, на финскую войну.

Аня замолчала, задумалась. Алёша внимательно посмотрел на неё.

— Как я завидую Маше, — очнувшись, продолжала Аня. — Вот так взять и выйти перед сотней незнакомых людей. Я бы тут же умерла от страха. Сказал бы кто: надо ради жизни чьей-то, — не смогла бы, просто ноги бы отнялись. И откуда во мне эта робость проклятая? Бывало, раненые просят — спой, сестрица, под гитару. Начну, им-то отказать нельзя, а в горле комок, стыдно, да и голос у меня слабый. Говорят, робость — сестра

трусости?

Алёша не ответил, но крепко пожал её руку.

— В Ленинград приехала, вышла на морском вокзале, улицу Моховую, дом 37 спрашиваю, где наш техникум, тогда ещё политпросветшкола. Спрашиваю у людей, а голоса как бы нет, никто меня не слышит. Говорю, говорю вам, а интересно ли, Алёша? Только правду! Мне почему-то так хочется рассказать вам всю свою жизнь. Сама не знаю почему. Странно, так ещё никогда у меня не было. Проснусь и всё про вас думаю. Затем начну вспоминать мирные годы. Было ли всё это со мной? За что мне, обыкновенной девушке из далёкого вепсского села, выпало счастье жить в Ленинграде? И вот теперь мой Ленинград при смерти, — прошептала Аня. — Может быть, то, что я должна буду скоро сделать, поможет ему.

— Чувствуется по всему, что готовится большое наступление, — отозвался Алёша. — Вот и вас посылают. Не зря, видно. Мы сверху усиленную разведку ведём, ищем слабые места в обороне противника. «Важна каждая немецкая пушка, каждый блиндаж», — сказал нашей эскадрилье две недели назад командир полка. Скорее бы людей вызволить из блокады, накормить, обогреть.

— Мы в Сегеже зимой много раз ходили дрова грузить для ленинградцев. Придут из райкома комсомола: девушки, надо, — вот мы после работы и спешим. Раз меня бревном придавило, в товарняке, сверху как покатилось на меня! Ничего, отлежалась, только нога с тех пор по ночам ноет. Спрашиваю у машиниста паровоза — можно что из продуктов принести? Тот смеётся: по озеру, говорит, поезда не ходят. Довезём до Ладоги, а там по льду на трёхтонках. Сказал, что рыбу от нас возят, оленье и лосиное мясо. Вроде даже оленей живых перегоняли. Премию надо дать тем, кто придумал такое.

— Расскажи, как ты училась, как жила. И давай на «ты» будем. Не обижаешься? А то, что у меня два кубика в петлицах, так и у тебя, наверное, не меньше.

Аня улыбнулась, протянула Алёше руку, да так и оставила её в его ладонях.

— Приехала я в Ленинград, иду по улице, чемодан тяжёлый, а сесть в трамвай боюсь, уж больно он громыхает и раскачивается. Дома большие, вдруг упадёт какой, людей много, и никто ни с кем не здоровается. У нас в деревне свой или чужой — всегда здороваемся. Пришла на Моховую, сил уже нет. Выясняется, что общежитие на другой улице. Выписали мне направление, пошла снова искать — улица Кирочная, дом 30, квартира 23. Нашла, дом большой, красивый, фигуры женские балкон подпирают. Дверь огромная, стеклянная — как открыть, вдруг стёкла выбью?

Ну, вошла я, женщина меня встретила такая добрая, ласковая. Елена Петровна, комендант общежития. Чаем напоила, в комнату провела. Я упала на койку, отвернулась к стене, думаю, вот сейчас умру от одиночества. Вечером девушки пришли, стали знакомиться. Нас в комнате было девять человек, комната-то во какая, хоть в футбол играй, окна огромные, рама фигурная.

Назывался наш техникум тогда «Карело-финская политпросветшкола», зачислили меня на библиотечное отделение, и должны мы были учиться два года. Позже нас переименовали в техникум, ввели трёхгодичное обучение. Стали мы жить-поживать. Сестра мне помогала, папа немножко денег посылал — понимали, что тут и театры, и кино, а мороженого-то как мне всё время хотелось! Стыдно сказать, иду по улице и глаза кошу: приглядываюсь, где шарики разноцветные тётя из ручной формочки выталкивает. Ах, была не была, останусь без обеда, да зато мороженого наемся. В театр пошли, в антракте выйдем — я мороженое беру, такие треугольные пирамидки в шоколаде. Последнюю неделю перед стипендией на макаронах сижу или на молоке с хлебом. Живем — не тужим. Скучала крепко первый год по дому, а приехала в Рыбреку на каникулы, через неделю мамушке говорю — в Ленинград хочется, снится еженощно.

Училась я справно, легко у меня шла математика, геометрия. Подружкам помогала. В редколлегию меня выбрали, газету выпускала — я маленько рисовала.

В Эрмитаже много раз бывали всей комнатой, да потом я одна ходить стала. Девушки всё бегом, бегом. Уж Валя Клещова на что сердечная подружка, а и с той поссорились, как стала меня донимать: ну что ты в каждую картину нос тычешь, столбом стоишь? Любила я галерею 1812 года. Какие лица там! Одной хорошо, стоишь, глядишь и чего только не передумаешь. Прошлую жизнь представляешь, радуешься, что Россия таких людей вырастила. Спасли страну от нашествия Наполеона, людей от рабства избавили, от разоренья.

Много картин мне нравилось, да не все понимала. Очень сердце моё тронула большая такая картина «Возвращение блудного сына». И сын состарился в дальних странах, и отец ослеп от слёз, ожидая, а он вернулся бедный, больной, и всё ему простилось. Вот и я приезжаю на каникулы, мама не знает, куда меня посадить, других детей, ни Настеньки, ни Любы, для неё уже не существует. Странно как, правда? Я к мамушке на ферму бегу, она дояркой работает, начинаю ей помогать, она подойник вырвет, сердится — ты устала, ты гостья, отдыхай. А когда я с малых лет тут с ней пропадала — и сено тяну, и навоз чищу — ничего, так и надо, не уставала, выходит.

В Русском музее у нас уроки были. Нас водил преподаватель литературы. Сколько знал! Бывают же такие люди. О ком ни спроси, про какое произведение ни заговори, — он на память сразу начинает. Два месяца ходили — он как-то договорился, и с нас платы не брали. Потом раза два в Эрмитаж водил и так рассказывал, что у меня с глаз словно пелена спала. Мне до этого стыдно было глядеть на голых, которые на картинах, а как он тонко объяснил и про красоту тела, и про мифы, про легенды. Я-то думала, что это старые художники озорничали или для толстопузых буржуев старались, по их заказу… Водил он нас и по тем улицам, где ступала нога Пушкина, показывал дом, где жил бедный страдалец, ездили мы и на место, где поэта ранил француз. Погоревали мы там с Валей Клещовой в сторонке, жену его пожурили за то, что не уберегла гордость России. Сказывают, ветреная она была, а он в ней души не чаял. Вот и станешь думать, как жить. Может, надо не пускать любовь в сердце, пусть она уголёчком тлеет, а не пожаром полыхает?

Анна осторожно вытянула руку из Алёшиной ладони, поправила отсыревшие волосы, глянула на него долгим пристальным взглядом.

— Зябко, может пойдём? — спросила она и, не ожидая ответа, продолжала. — Так люблю на лодке кататься, я тут утречком, когда плавала, присмотрела на том берегу челнок, да неведомо, чей он. Без вёсел, воду вычерпаем, а погрести можно и дощечкой какой, нам рекорды не ставить. В Пушкине на царском пруду катались. Страшно подумать — каких-то всего тридцать лет назад царские дочки с кавалерами развлекались, а теперь мы хозяйничаем, прионежские девушки. Нас из Шелтозерского района было человек пять, на следующий год приехали ещё Маша Анхимова, Катя Андрушова. Уже я их водила по музеям да по театрам. Билеты на спектакли нам давали в учебной части, иногда профком платил.

Помнить буду всю жизнь драму «Мария Стюарт», очень переживала я после того, как побывала в Летнем саду на постановке «Сожжение Джордано Бруно». Ходили и на весёлые, смотрела «Свадьбу в Малиновке», все хохочут, а мне не смешно чего-то. И на фильмах Чарли Чаплина мне было стыдно, хотелось крикнуть — ну над чем вы смеётесь, над горем людским смеётесь, над бедностью обездоленных! Валентину мою словно кто щекочет, я её одергиваю, а она своё заладила — посмотри, весь зал корчится от смеха.

Кинофильмов не пересчитать, сколько пересмотрено: «Ущелье Аламасов», «Истребители», «Горный марш» — там один вражина из маузера свои инициалы выбивал, выстреливал пулями

на стенке вагона. Я потом тоже из мелкашки пыталась на стрельбище, да не очень вышло, хотя в Ленинграде я получила уже взрослый большой значок «Ворошиловского стрелка». К маме увезла, там оставила.

Однажды был у нас культпоход в кинотеатр на Невском проспекте, показывали «Ленин в 1918 году». Ильича играл замечательный артист Борис Щукин. Так здорово у него всё выходило — ну, прямо живой Ленин. Закончился фильм, и вдруг в зале перед экраном появился этот самый Щукин, уже без грима, в другом, конечно, костюме. Что тут сотворилось, мы все ладони отбили, еле он нас успокоил. Рассказывал, как всё узнавал про Ленина, как изучал его походку, жесты, как голову тот любил наклонять, как учился картавить, кепку носить под Ленина. Уж так интересно говорил, так говорил! Я маме рассказывала, да она не всё понимает, ей кажется, что кино — так это всё взаправду, там настоящие те самые люди, а не актёры.

Ну, да ладно. Рядом с нами на Моховой был ТЮЗ — театр для детей. Актеры там молодые, весёлые. Мы с ними подружились, и они над нами шефство взяли — приглашали бесплатно на премьеры, драмкружок у нас вели, струнный оркестр затеяли. Вот я туда и записалась. Ходила, ходила — не столько из-за гитары, сколько из-за руководителя. Олегом его звали, высокий, глаза синие, как незабудки, русые волосы волнами.

Он мне объясняет, на какие лады пальцы класть, а я ничего не понимаю, оглохла, краснею, взглянуть на него боюсь.

По воскресеньям были танцы, Олег там всегда пропадал. Танцы я не люблю. Смешно, ей-богу. Обнимаются при всех, ну где такое есть в природе? Мне не нравилось, и всё тут, не переубедить меня. Топчутся, хихикают. Вот пляска — иное дело, как Марийка наша, тут удаль, азарт, кураж, тут характер как на ладони виден. И всё же кружилась я на танцах, было. Странно, неужто это я бегу по Кирочной белой ночью, белое платьице, белые прорезиненные балеточки, начищенные зубным порошком. Бегу на танцы, опаздываю, и жарко мне, потно, душно. Неужто это я стою, а Олег хочет обнять меня при всех, а я не знаю, куда руки деть, и упираюсь ему в грудь, а глаза мои всё вниз да вниз?

Потом началась финская война, Олег ушел добровольцем. Убили его под Выборгом. Так что не вышло у меня с первой любовью.

6

Утром Аня встала как всегда первой, прибежала на берег реки, на любимый сухой пригорок и засмеялась — внизу на песочке сушилась лодка, та самая, о которой она говорила Алёше. Её вытащили где-то час назад, она уже успела подсохнуть. Аня искупалась, растёрлась полотенцем и подалась прямиком в столовую. Алёша и Степаныч только что позавтракали, Алексей веселил собравшихся официанток, вынимая длинными узкими пальцами то у одной, то у другой из-за уха белый целлулоидный шарик. Затем он щёлкал себя по надутой щеке и доставал шарик изо рта. Увидев Анну, Алексей поперхнулся, шарик выскочил у него из рук и, мелко пританцовывая, покатился под столами, за которыми сидело несколько глазевших техников в замасленных комбинезонах.

— Дело идёт к концу, Анна, — обрадовал её Степаныч. — Сегодня будем опробовать мотор. Завтра — прощай, Вологда!

Анна попыталась улыбнуться, но улыбка не получилась, она несколько раз кивнула головой, подвинула к себе тарелку, взяла алюминиевую ложку и стала нехотя ковырять ячневую кашу, политую коричневой мясной подливой.

Мария, Яковлев, Маунумяки оживлённо переговаривались. Аня прислушалась — они собирались снова на попутной ехать в город смотреть фильм «Весёлые ребята». Этот фильм Анна не любила, не считала его смешным, хотя музыка, песни ей нравились, и когда Яковлев стал приглашать её ехать со всей компанией, она наотрез отказалась.

До обеда Анна сходила в штаб аэродрома, договорилась, что завтра от неё примут радиограмму в Беломорск, после помогала чистить картошку на кухне, там же наскоро пообедала и заспешила к реке. Солнце нестерпимо ярко сияло над аэродромом, с юга накатился душный суховей. По пути она зашла к техникам, взяла у них небольшую охапку ветоши. У реки сбросила пьексы, сняла жакетку, закатав рукава кофточки, принялась конопатить лодку, забивая в щели ветошь крепким финским ножом.

Стащить плоскодонку в воду сначала ей показалось не под силу, но, зайдя с горы, приподняв лодку и подставив под неё колено, Аня изогнулась, поднатужилась, толкнула, затем ещё и ещё раз.

Кое-где в днище всё же пробивалась вода, но эти щёлочки Аня заткнула быстро. Затем неподалеку нашла старую доску от забора, стала строгать финкой то с одной, то с другой стороны.

Получилось некое подобие домашней лопаты, которой сажают в печь хлебы.

Алёша прибежал тоже с самодельным веслом, расплылся в улыбке, увидев, что в лодке уже копошится Анна. Он похвалил её за весло, а прыгнув в лодку и заметив торчащую из щелей ветошь, только причмокнул губами. Без слов вытащил из кармана гимнастёрки плитку шоколада, высоко поднял над головой.

— Гранд приз от имени командования за образцовую подготовку понтонной техники. Получено как добпаёк перед полётом. Прошу принять, сударыня.

— Весьма польщена, товарищ лейтенант. Разрешите доложить: «Наутилус» к плаванию готов. Сей момент отчаливаем. Даю сигнал. У-у-у!

Анна побросала на нос лодки одежду, оттолкнулась, пружинисто села, вытянув босые ноги и, не торопясь, умело провела веслом с одной стороны, потом, поменяв руку, с другой. Шоколадка лежала рядом, и она искоса поглядывала на неё.

— Награда — лучше не придумаешь. Премиями меня не обходили, мне везло в жизни. Самая первая — сарафан, сестра Люба подарила, когда я малолеткой её дочечку пестовала. В школу пошла, за хорошую учёбу сумочку дали, да её не носила, стеснялась, всё думала — подрасту, потом. Опять же за учёбу платьем наградили, бельём постельным и валенками. Очень я радовалась валенкам — ноги у меня всегда мёрзли, а тут на тебе — печка, и дров не надо. В общежитие на Кирочной у нас девушки разные слетелись, дом далеко, грозного слова некому сказать, иногда наша Елена Петровна пожурит, любимое своё словечко скажет — «манеж» — и уйдёт, махнув рукой, а я поначалу не понимала, что манеж — это кавалерийская конюшня. Стала я сама убирать, одна за всех, девушки мои посмеиваются, а я молчу, неделю убираю одна, вторую, и всё молчком песенку мурлыкаю. Полы вымою, их туфельки от грязи оботру, с фотографий на всех тумбочках чистой ветошкой пыль смахну, постели перестелю. Наконец, одна стала помогать, за ней другая, третья. Пошло у нас дело, да так, что к концу года заняла наша комната первое место по всему общежитию. Зажили мы дружно, куда одна, туда и все — в кино, в театр. Живём, хлеб жуём, науку постигаем, и вдруг премия как снег на голову. Сто рублей нам дали! За порядок и чистоту. Огромные деньги, считай сам, коль стипендия сорок рублей в месяц. Стали думать, как тут быть, как рубли употребить. Много разных идей витало, но приняли мы предложение Розы Лисиной — устраивать по вечерам чай с тортом и с шоколадными конфетами. Вот была жизнь — целый месяц сладкое лопали! Столько мне уж не съесть никогда. И

отчего это я так люблю сладкое? В лес пойдём за ягодами, одну в туесок, другую в рот. Кисло, уж скулы сводит, а я никак не могу оторваться. Ну, беда, и стыд и грех, кому сказать. Спасибо, Алёшенька, за гостинец. Передаю тебе весло, греби куда глаза глядят, а я — кусочек тебе, кусочек мне. У нас тоже есть в вещмешках, только это НЗ, понимаешь? О, да тут орешки толчёные! И всё же, и всё же Магэдэмб бабармод ейля нимида![2]

Алексей вслушался в непонятные слова, спросил Аню:

— Ты хорошо знаешь свой язык?

— А как же иначе? Разве ты украинский забыл?

— Мы дома чаще говорили по-русски. Хотя я учился в украинской школе, и мои бабушки пели мне песни на рідній мові.

— А мы дома всегда по-вепсски. И в Ленинграде, в комнате своей, тоже, других девушек учили, карелок. Языки наши хотя и из одной семьи, и много слов одинаковых, но различие есть. Зимними вечерами мы с Валей Клещовой такие курсы вели. Как-то я по истории отвечала и решила рассказать про свой народ. Посидела в библиотеке, вспомнила, как тата про старину рассказывал, набралась храбрости и выступила. Преподаватель признался после урока, что сам о вепсах мало знает.

— Постой, постой, а кто такой тата?

— Отец, батюшка.

— Вот здорово! По-украински «отец» тоже «тата». Слушай, Аннушка, а ты не забыла эту свою лекцию, свой рассказ? Меня это всё очень интересует, я ведь карельский язык учу самым серьёзным образом, и всё мне в этом крае любо и дорого.

Анна пристально поглядела на Алексея, не отводя глаз, нашла его руку, положила на свою ладошку, прихлопнула сверху другой, засмеялась радостно и звонко.

— Слушай, коли так. Только я не знаю, где тут правда, где вымысел. Старые люди сравнивали наш народ со стрелой, пущенной из лука, пущенной у далёких синих гор и прилетевшей на зелёный берег Онего-моря.

Арабские купцы звали наш народ «визу», потом дали имя «чудь», потом «весь», потом «вепсы». Поселились вепсы по обе стороны Свири, широкой и красивой реки. Ловили упругого лосося, видимо-невидимо его водилось, сеяли хлеб — земли вокруг богатые, тучные стада паслись на травянистых лугах.

Жили мирно, воевать не любили, кровь людскую пролить считалось самым тяжким грехом. Вот почему на стрелецкую службу сынов своих посылать не спешили, в тёмных, непроходимых борах прятали рекрутов.

Проплывал однажды царь Пётр по Свири. Видит, деревни стоят, дома большие, крепко срубленные, осиновые маковки

церквей серебрятся на солнышке, коровушки сытые чистую воду пьют у плеса, петухи задорные горло дерут.

— Что за люди обретаются в таком богатом месте? — спрашивает царь у стариков белобородых, причалив ладью к берегу.

— Весь перекатная, вепсы, батюшка.

— Христиане аль идолам поклоняетесь?

— Православные, царь-батюшка, молитвы все знаем, все великодни справляем честь по чести.

— Подать справно платите?

— Не отлыниваем.

— Ну, ежели так, живите с богом, — сказал царь Пётр.

Да тут кто-то из его подручных понаушничал, дескать, вепсы рекрутов скрывают, не дают на войну со шведом. Рассвирепел в момент царь-государь, молнии глазами мечет, сапогом кованым по камню ударяет. Повелел он тогда переселить вепсов на тридцать вёрст с южной стороны реки и с северной, отлучил от рыбной Свири.

Пороптали, покручинились вепсы, да куда денешься — царёва воля. Обжили новые места, но с тех пор разделились на два больших племени. Одни вепсы и сейчас живут в Ленинградской области, а мы — в Карелии. Рядом с нами селились русские, карелы. Народ наш смешивался, но язык не исчез, не погиб. Есть у нас свои песни, сказки, былины.

В царские времена никому до нас дела не было. Но вот прогремел Октябрь над землёю, началась и у вепсов новая жизнь. Составили умные люди алфавит, буквы у нас латинские, напечатали букварь, сочинили для детишек и для взрослых книги, стихотворения.

Tariz teta, tariz mahtta,
Tariz miile opetas,
Mise edelespei astta,
Udes elos borcuidas.

Это самое-самое первое стихотворение, которое я выучила в своей жизни. Сейчас, сейчас, Алёшенька, переведу. Значит, так: «Надо знать, надо много делать, надо нам учиться, чтобы шагать вперёд, за новую жизнь бороться».

Конечно, у нас свой уклад, свои обычаи, но многое взято у русского народа, а как же иначе — столько веков рядом. Кленовое корыто, в котором наши бабушки рыжики рубили секачом, потеснили белые кастрюли, остановили женщины кангас — ткацкий станок — привезли в кооперацию из города ситец

цветастый, крепдешин. Кто всю жизнь лапти носил, в сапоги юфтевые обулся. Лет десять назад пришли в Шелтозерье стальные кони — первые пять тракторов с трёхкорпусными плугами. Тата запряг лошадку, посадил меня с Настенькой на телегу, поехали смотреть на чудо-юдо. Мне и страшно, и весело было — зубья на колёсах большие, острые, от брюха стального дух прёт горячий, бесовский. А как закашлял синим дымом — все врассыпную. Маме я рассказала, так она весь вечер поклоны перед иконой била. После уж поняли, какая выгода, привыкли. Сеялки появились, привезли из Петрозаводска конные молотилки, людей на жатве не хватало — маму с фермы забрали на уборку ржи, я с ней увязалась. Как пойдём на ток — день враз пролетит, уже домой пора идти, конец работе, а я не хочу уходить, в соломе раз спряталась, думаю, дождусь утра, тут и буду самая первая, да поздно вечером есть захотелось, картошечки горячей со свеженькой ряпушкой, знаю, тата сети вечером пойдёт похожать.

Одним словом, жить стало лучше, жить стало веселей. Расправили вепсы плечи, шире шаг стали делать — своя власть в совете заседает, свои колхозы дружным трудом людей объединили. Песни запоют в Шелтозере, а в Рыбреке подхватывают.

У меня тоже сил прибавилось, семилетку хорошо закончила. Думала на учителя пойти, и вдруг в Шелтозеро приходит разнарядка: отправить трёх человек в культпросветшколу, на библиотечное отделение. Вызвали меня с отцом в сельсовет, предложили поехать в Ленинград. Тата человек молчаливый, твёрдый, жизнь его трудная, а тут не выдержал, слезу уронил, вот, говорит, и для нас, вепсов, солнце всходит, поезжай, доча, наберись уму-разуму, будешь людям не божью свечку зажигать, а костёр целый запалишь, чтоб тьма наша вековечная отступилась.

Посадили меня на пароход, поехала. Учусь, а всё время думаю — скорее бы домой, да за работу. На третьем курсе неожиданно дело с институтом затеялось, чтоб мне художницей стать, ткани расписывать. Преподавателю литературы рисунки мои понравились, взялся он хлопотать…

История меня тоже интересует. Откуда люди пошли на земле, почему войны возгораются, когда и откуда наш вепсский народ появился, кто предки были? Книг-то сколько надо перечитать! Да ничего — вся жизнь впереди. Я лишь только на первую ступеньку широкой и светлой лестницы поднялась.

Учитель литературы в одну сторону кивает, Валя Клещова — в другую тянет, давай, говорит, в Прибалтику поедем — там народ европейский, культуры наберёмся. Как быть?

Вскоре сменили и эту пластинку — решили чуть не всей

комнатой ехать в Комсомольск-на-Амуре. Письмо написали туда, и вдруг война. Все наши планы вверх тормашками полетели. Вале повезло всё же — её вначале в Сортавалу назначили, а там уже бои полыхнули, она тогда в Рыбреку подалась, там и работала библиотекарем, хоть два месяца, да своим людям послужила. Теперь вот не знаю, что с ней, уехала на восток или в оккупации осталась. Подруга моя самая сердечная, ближе не было. Клятву мы дали никогда не забывать друг дружку, выручать в беде. Знаешь, Алёша, вот сёстры у меня есть, трое, все славные, добрые, а Валя, может, и некрасиво так говорить, ближе, она меня сердцем чует. Всё время о ней думаю. Как бы я хотела выручить её из неволи, забрать с собою в Беломорск. Может быть, свидимся скоро.

Последние слова Анна сказала шепотом, и Алексей скорее угадал их, чем расслышал. Лодка зашуршала по тростнику, и они въехали в зелёную метельчатую ограду. Ане показалось, что они одни во всём белом свете и что вокруг нет и не было никакой войны. Так они сидели долго-долго, не шевелясь.

Анна зажмурила, глаза, лицо её просветлело, а сбоку на шее быстро-быстро забилась выпуклая жилка.

— Кайкед хювад, ведэхийне[3], — чуть слышно сказала Аня, и снова наступила тишина. — Наш народ всегда кормило и поило Онего-море, — стала медленно и напевно рассказывать Анна, не отрывая глаз от воды. — Богато наше озеро: серебристые лососи, губастые важные налимы, горбатые чёрные окуни, быстрые, как молния, хариусы. Летают над водой резвые ветры, поднимают крутую волну, играют лодкой, словно утиным пёрышком. Всё это царство дедушки-водяного.

Отправляясь на рыбалку, в лодку первым должен садиться её хозяин. Ходить у самого берега надо с оглядкой, нельзя наступать на зелёную тину — это волосы водяного. Подняли парус, загулял в нём ветер, поплыли. Вышли на простор, и рыбак кланяется водяному: «Абута, ведэхийне»[4].

На озере всё время надо быть ласковым, плохие слова забыть, нельзя ругать водяного, иначе придёшь домой с пустыми руками, а может ещё и так случиться, что только лодку одну через день, через два волны выбросят к берегу.

Водяной страх как не любит хмельных, потому и карает их пуще всего. А вот добрые сердцем люди, те, кто говорят о водяном хорошо, могут увидеть его в ясную погоду у самого дна, он там плавает.

За рыбацкую удачу обязательно надо поблагодарить водяного, сказать тихонько: «Спасибо, ведэхийне», — и бросить в воду что-нибудь вкусное — ржаную калитку, овсяную лепёшечку.

Вот и я сказала ему спасибо, что привёл он нас в свой сказочный сад, отгороженный от всего мира. Водяной меня давно знает и любит, и за это мы ему дадим кусочек вкусненькой шоколадки.

— Не обиделся, что мало? Авой, дедушка?

Аня еле слышно засмеялась, нагнулась к самой воде, отвела с уха прядку волос. Слушала долго-долго, и лицо её постепенно становилось серьёзным, печальным.

— Молчит, — прошептала Анна.

7

Ночью ударила гроза. Марийка проснулась, подхватилась, прильнула к окну. Чёрное небо вспарывали белые молнии. Силуэты самолётов казались маленькими, беззащитными, вот-вот они не выдержат напора рьяного ветра, косых упругих струй.

Марийка толкнула Аню, та открыла глаза, увидела в озарённой на мгновенье комнате спящих ребят, их вещи, аккуратно разложенные на табуретках. Подбив подушку под грудь, Анна стала глядеть в окно, на котором при сполохах молнии чётко пропечатывался красивый профиль подруги. Так она и заснула под удаляющиеся раскаты грома, под убаюкивающий шорох за окном.

Утром ливень перешёл в нудный, монотонный дождь.

Весь день они просидели в комнате, парни то спали, то играли в «морской бой». Вечером зачем-то, уже в который раз, чистили пистолеты.

Аня незаметно сунула руку в свой вещевой мешок — её браунинг лежал там же, в шерстяном носке.

Марийка дала Анне два куска парашютного шёлка, и они принялись вышивать платки розовыми нитками. Гроздь рябины, которую вышила Аня, была изящной и нежной, а то, что цвет не совсем подходящий, так это не её вина, и она объяснит словами, какой бывает ветка рябины, когда с неё слетят листья и вокруг упадёт первый чистый снежок.

Двигатель проверили, но «добро» на вылет не получили, и связь с Беломорском Аня перенесла на завтра, на день отлёта. Алёша уезжал в Вологду по своим делам, вечером, после ужина, они посидели в коридоре, на том самом месте, где он сидел когда-то с Марийкой. Алёша молчал, за окном постукивал дождь, так же на стене шептались мухи.

— Расставаться надо весело, — говорила, через силу улыбаясь, Аня, — с надеждой на скорую встречу. Вторник и пятница, в семь часов, у кассы театра, в клубе лесопильного завода. Запомнил? Ну, а чтоб не забывал меня, возьми мой подарок, Алёшенька, платочек с рябинкой, горькой ягодой нашей.

Утром аэродром блестел от луж, рваные тучи то и дело набегали на солнце, и оно показалось Анне уставшим от этой бесконечной борьбы с грозой, с дождями.

На завтрак Степаныч опоздал, а садясь за стол, весело потирая руки, заявил, что через час они уже будут в воздухе.

Аня сходила на узел связи, оставила на имя Андропова радиограмму, в которой сообщала об отлёте в расположение

штаба отдельной 7-й армии.

Проводить их пришёл какой-то пожилой лётчик, пожал каждому руку, пошептался в сторонке о чём-то со Степанычем.

Когда садились в кабину, Аня вдруг увидела трусившего к самолету Слесаря, пошарив у себя в карманах, ничего не нашла и, соскочив с крыла, успела пару раз погладить его по грязной голове.

Разместились как прежде: Аня напротив Яковлева, Марийка упёрлась в колени Маунумяки. Последним в кабину втиснулся Жандорак в наглухо застёгнутой куртке, в тёплом кожаном шлеме, серьёзный, неразговорчивый. Он молча подал Маунумяки брезент, помог затолкать его за спину, внимательно посмотрел на Анну, сидевшую рядом.

— Будем лететь вблизи линии фронта! — прокричал Степаныч. — Могут возникнуть неожиданности. Народ вы боевой, как я себе уяснил, и всё же без паники. Алёша, подкинь что-либо весёленькое!

Жандорак помедлил всего секунду, сдвинул высоко на лоб очки, плутовато улыбнулся.

— Инструктор вместе с курсантами занимаются парашютной подготовкой. Сели в самолёт, поднялись, стали прыгать. Над каждым раскрылся парашют, курсанты летят, переговариваются. Один спрашивает: «Братцы, а где наш инструктор?» Вдруг что-то рядом пролетело со свистом, глядь, да это же инструктор! Один курсант вздохнул: «Опять наш-то отчубучил — вместо парашюта вещмешок на спину надел».

Марийка и Яковлев долго хохотали, а Жандорак продолжал:

— Такие дела, уважаемые товарищи пассажиры. Так что если будем падать, выпрыгивайте, не робея, со своими мешками. Вознеслись, Степаныч!

Прилетели перед полуднем. У самолёта как-то наскоро и неловко пожали лётчикам руки, стали осматриваться. На краю полевого аэродрома стояла новенькая полуторка с фанерным самодельным фургоном. Возле неё прохаживался высокий, затянутый «в рюмочку» военный в низко надвинутой на глаза фуражке. Он пошёл к ним навстречу, легко кинул руку к козырьку, негромко пробасил:

— Подполковник Сычов, заместитель начальника разведотдела армии. Прошу в машину. Заждались мы вас, товарищи…

Он что-то говорил ещё, но Анна не слышала, она шла точно слепая, потом резко повернулась и побежала назад. Подбежав, не говоря ни слова, быстро расцеловала лётчиков. Вытянув руки, отстраняясь от Алексея, прошептала:

— Если меня долго не будет, иди в ЦК комсомола, найди Могикана, он всё будет знать.

Затем, будто подхваченная ветром, она побежала по полю и ни разу не оглянулась.

— Вторник и пятница! Девятнадцать ноль-ноль! — кричал ей вслед Алексей, но полуторка затарахтела, рванулась и сразу исчезла в лесу.

…Сычов привёз их в штаб армии, там они пообедали и вскоре на той же машине поехали в Лямозеро, небольшое село, одним боком упиравшееся в реку, другим — в густой сосновый лес.

В Лямозере их встретил моложавый военный с танкистскими эмблемами на петлицах.

— Капитан Хаитов, — представил его Сычов. — Он отвечает за вашу переброску через линию фронта. Десять минут вам на размещение, затем короткое совещание и баня. Располагайтесь. Капитан, проводите наших коллег.

Капитан говорил быстро, восточный акцент не смущал его. Пока шли, он успел сообщить, что в их «сакле» уже жили две подобные группы, что линию фронта он знает лучше, чем горную тропинку к родному аулу, и что всё будет в лучшем виде, порукой тому его кавказская честь и былая доблесть старого танкиста.

Совещание устроили не в штабе батальона, а прямо на лесной полянке — там были вкопаны низенькие скамейки и стол из простых неструганых досок.

— Переход по определённым обстоятельствам мы отложим на два дня, — сказал Сычов. — Короче говоря, позавчера мы крепко нашумели там, удачно провели разведку боем. Пойдёте 15 июля. Всё это время вы пробудете здесь. Капитана Хаитова попрошу сократить всяческие контакты, знакомство членов группы может быть только с теми бойцами, которые пойдут через линию фронта. Теперь договоримся относительно вашего возвращения. Вам будет объявлен пароль, но это уже там, за Свирью. Если он устареет, вас всё равно гостеприимно встретит наше передовое охранение. Возвратясь в расположение любой нашей части, требуйте немедленного свидания с начальником штаба полка, в худшем случае — с командиром батальона. Прибыв на КП, требуйте связи с 32-м. 32-й — это я. Запомните — «товарищ 32-й». По телефону много говорить не следует — отдадите рапорт о возвращении, главное для нас, что вы вернулись живыми и невредимыми, остальное — мое дело. За вами приедут, доставят ко мне, и мы сразу же переправим вас в Беломорск.

Что вы там пишете, товарищ в кепке? Никаких записей, вы не на курсах счетоводов.

Яковлев стыдливо спрятал крохотный листок в патронную гильзу, заткнув её пулей.

— Разрешите сделать некоторые уточнения, товарищ подполковник? — спросил Хаитов и, уловив еле заметный кивок фуражки Сычова, продолжил: — Пойдёт, как всегда, группа сопровождения. Для операции отобраны лучшие наши разведчики. Народ бывалый, места знают. Предполагаемый район перехода линии фронта вот здесь, за деревней Аникиевская, переправа через Свирь левее Вознесенья, от Онежского озера это километров тридцать. Замечу — река патрулируется круглые сутки, особенно тщательно охраняется левый южный берег, со стороны нашей обороны. Остальные мелочи — по ходу действия. За успех операции я отвечаю головой, не беспокойтесь, всё пройдет гладко, как говорится, комар носа не подточит. Понимаете, на что я делаю намёк? Нам мало вас переправить, нам надо не наследить. Финны ни в коем случае не должны догадаться, что к ним прошли незваные гости. А они народ остроглазый, охотники, следопыты.

Сегодня отдых, завтра работа — поползаем, постреляем, попрячемся. Если будут здесь наши джигиты заводить знакомства — работайте по легенде: вы шефы, передовики производства из Беломорска, едете на передовую для встречи со знаменитым снайпером сибиряком Тимофеем Паршуткиным.

Баню разведчики натопили на славу и угощение тоже царское поставили: шашлык из молодого лося, тушённые в сметане сыроежки, консервы открыли вкусные: бычки в томате, золотистые шпроты, а на закуску — черника с сахаром и молоком. Всё это громоздилось на большом столе, посреди которого красовался жёлтый старинный самовар с причудливым краном в виде петушиной головы.

— Позвольте предложить первый тост за истинное украшение этого холостяцкого уголка, за тех, кому отведено самое почётное место за нашим скромным солдатским столом, за прекрасных девушек Анну и Марию, — нараспев произнёс Хаитов, обращаясь то к Сычову, то к двум смущённым лейтенантам, то к пожилому сержанту с прокопченными большими усами.

Аня пригубила кружку с обжигающим напитком, закрашенным чаем, Маша глотнула и поперхнулась, разведчики сдержанно засмеялись.

Сычов, извинившись, вскоре уехал, и за столом командовал, шутил, смеялся Хаитов. Он рассказывал невероятные истории о ведьмах и домовых, о том, как взяли в плен финского шофера и как тот помчал их на своём грузовике по минному полю, но ни одна мина не взорвалась, о том, как однажды разведчики

привезли прямо сюда, в Лямозеро, трофейную походную кухню с гороховым супом, и им накормили всё село.

…Назавтра, после позднего подъёма, девушкам принесли поношенную красноармейскую форму, чтобы можно было без оглядки ползать, пробираться через завалы.

Хаитова они не узнали — он был в пятнистом комбинезоне, на боку, оттягивая ремень, висела большая чёрная кобура с немецким парабеллумом, движения его стали мягкими, кошачьими. И когда он бросился под ноги Маунумяки, рванув его снизу сцепленными руками, и тут же, подхватившись, легко ударил ногой в живот стоявшего рядом удивлённого Яковлева, опрокинул и уже сидел на его спине, заламывая руки, все поняли, кто перед ними.

После этой разминки пошли в лес, и Хаитов с десятью разведчиками замаскировался за пять минут так, что Марийка обнаружила только двоих, за что капитан пообещал каждому из проштрафившихся по наряду вне очереди.

До полудня Хаитов показывал приёмы рукопашного боя, быстрого передвижения по-пластунски, коротких пятисекундных бросков-перекатов в сторону, когда по нему был «открыт» винтовочный огонь.

После обеда в небольшом овражке упражнялись в стрельбе из пистолета. Хаитов дал свой парабеллум девушкам, усатый сержант предложил парням револьвер, пистолет ТТ и полную каску патронов. Капитан по секундной стрелке засекал время от выхватывания пистолета из кармана до первого выстрела, затем до первого попадания в чёрный силуэт бумажной мишени. Стреляли сначала с места, потом Хаитов подавал команду «пли» на ходу. Следующее упражнение было ещё труднее: услышав, идя по тропинке, щелчок взводимого затвора карабина, надо было упасть, падая, выхватить пистолет и выстрелить в мишень.

Марийка обставила всех, она была сплошным клубком нервов, сжатой пружиной, все задания делала с азартом, с нетерпением.

Аня путалась, забывала сбить предохранитель, и выстрела не было, то ей мешали длинные рукава чужой гимнастерки, то слезились глаза.

— Надо всё предвидеть, надо всегда быть на секунду впереди врага, — поучал подпольщиков Хаитов, — секунда, всего одна секунда решает в нашем деле, быть или не быть. Действовать сразу, мгновенно, без раздумий. Кто задумался, тот получил пулю в живот.

Марийке нравился Хаитов, она стала тоже ходить, как он, вкрадчивой, неслышной походкой, слегка вжав в плечи голову,

держа всё время руки в карманах галифе, которые она носила с явным удовольствием.

Яковлев то и дело передёргивал плечами, видимо, неловко упал, когда его подсёк Хаитов, ворчал, уже в который раз доказывая капитану, что у них совершенно другие задачи и методы поведения, что они — подпольщики, действуют тихой сапой, что стрелять они должны лишь в крайнем случае, а все неожиданные встречи то ли с армейским патрулём, то ли с полицейским нарядом они должны вести миролюбиво, как этого требует легенда каждого из них.

Хаитов горячился и доказывал своё:

— А если ваш пропуск на передвижение по дороге Петрозаводск — Вознесенье уже прокис? Вы подали его патрулю, а он не видит в нём нужного условного типографского знака — чуть выдвинутой строки или запятой, и вот уже включён секундомер, сейчас вас будут брать, сейчас повяжут. Ну-ка, прорепетируем эту сцену из балета «Лебединое озеро». Сержант Ризин, ко мне с пятью красноармейцами. Вы, Яковлев, старший разведгруппы. Ваша задача упредить нас на секунду, но не пороть горячку. Понятно? Вот здесь мы и встретимся через десять минут. Пистолеты разрядить, ствол проверить и показать лично мне. Мы, сержант, оружия не применяем, наша задача взять их всех четверых живыми.

Хаитов внимательно заглядывал в патронник, для верности ещё совал туда палец, потом, возвратив всем оружие, ушёл со своей группой в лес.

Они встретились не на полянке, залитой солнцем, как намечал Хаитов, а перед ней, так задумал Яковлев.

— Seis! Partio. Papereiden tarkastus[5], — довольно чисто произнёс Хаитов, беззаботно улыбаясь.

Первым стоял Яковлев, чуть сзади Марийка, за ней, ближе к толстым соснам, Анна и Маунумяки, которые должны были спрятаться за деревьями и «открыть огонь».

Хаитов внимательно осмотрел финский паспорт Яковлева, Марии, передал их Ризину, тот полистал, почитал и вернул их владельцам.

— Ваши документы в порядке, — сказал весело уже по-русски Хаитов. — Можете идти в свою Матвееву Сельгу. Счастливо. На пути ничего подозрительного не видели, следов каких, кострища с обрывками русских газет?

Отделение Хаитова посторонилось, пропуская группу Яковлева, и пошло вперёд. Обескураженные Мария и Яковлев ничего не поняли в этой игре. Красноармейцы проходили равнодушно мимо, о чём-то переговариваясь между собой, будто

им не было дела до встречных, и когда двое последних поравнялись с Яковлевым, где-то сбоку совсем рядом заржала лошадь. Яковлев от неожиданности обернулся на звук, понимая с запозданием, что никаких лошадей здесь все эти дни не было, Мария, инстинктивно почуяв опасность, всё же успела выхватить из кармана пистолет, но «выстрелить» ей уже не дали — в одно мгновенье Яковлев и Анна лежали на земле, Маунумяки и Мария стояли с заломленными за спину руками.

— Видите, какие печки-лавочки, — пробурчал хмурый Хаитов, — а вы, небось, думали, армейская разведка — грубая работа, коновалы. Мы — ювелиры, комар носа не подточит.

Следующий день с утра до позднего вечера они снова провели в лесу и на стрельбище. Обмундирование истрепалось, руки исцарапались, Маунумяки рассёк себе лоб, а Марийка слегка подвернула ногу. Приплелись из лесу, умылись, наскоро поужинали и улеглись спать. В два часа ночи их разбудил Хаитов. Не зажигая лампу, быстро собрались, сели в грузовик, где уже было полно красноармейцев, и незаметно выехали из села.

С рассветом добрались до деревни Виница, остановились в крайней пустовавшей избе, замаскировав машину ветками.

Весь день Хаитов где-то пропадал, потом появился в сопровождении двух командиров с комиссарскими звёздами на рукавах. Взяв с собой Маунумяки, они опять ушли и вернулись лишь к ужину.

После захода солнца выехали дальше, петляли по каким-то глухим дорогам, три раза полуторку останавливали пикеты, и Хаитов показывал свои документы.

Проехав поле, углубились в лес и вскоре остановились. Выгрузились без шума и пошли дальше пешком. Комары звенели над головами, глухо стучали сапоги, вещмешки Ани и Марийки по приказу Хаитова несли красноармейцы, шедшие налегке, позже они отобрали сидоры и у парней.

Часа через полтора подошли к лесному завалу, где горбом выдавался блиндаж, у которого прохаживались двое часовых, сделали привал. Хаитов с Ризиным открыли скрипучую дверь и юркнули в блиндаж, пробыли там полчаса. Захватив с собой двух красноармейцев в плащ-палатках, вся группа поспешила дальше и вскоре вышла на мелколесье. Приняли вправо и, выстроившись цепочкой, двинулись по краю болота. Спереди передали команду Хаитова ступать след в след.

Марийка сосчитала: в отряде Хаитова было пятнадцать человек, шепнула об этом по-фински Анне, обе усмехнулись — какая сила их охраняет, у каждого автомат с четырьмя дисками, на поясе лимонки, в трёх вещмешках — противотанковые мины,

похожие на тяжеленные сковородки. Марийка не могла удержаться, чтобы не прощупать их, когда ещё сидели в кузове.

Болото кончилось. Пройдя густую хлёсткую траву, вышли в ельник. У огромной ели, поваленной бурей, повернули на север и пошли еле заметной стёжкой. Двигались ходко, кругом тишина — никто не кашлянёт, не звякнет автомат об гранату. Анне стало казаться, что на восходе уже посветлело. Только подумала, как наткнулась на спину красноармейца. Отряд остановился, разведчики присели кто где, а Хаитов и Ризин подошли к подпольщикам.

— Ну, вот и всё, — сказал бодро Хаитов, — зурна спела свою песню. Линия фронта позади. Слева старая дорога, по ней иногда ездят самокатчики, однажды мы видели обоз. Зачем берёшь свой сидор, Аннушка? Нехорошо думаете о нас. Мы вас не бросаем в этой ведьминой глуши. Мы ещё дадим вам спокойно поспать днём, а когда вечером солнце начнёт опускаться в свой винный подвал, тогда распростимся.

Отряд пересёк старую дорогу, свернул влево, потом вправо, впереди блеснуло тусклое озеро. Там на кряжике виднелась фронтовая прошлогодняя землянка, возле неё змеилась, уходя к ольховым кустам, траншея. Здесь, выставив часовых, улеглись спать. Комары и оводы мешались между собой, кружили, зудели, норовили ужалить в лицо, в ноги. Часовые дали свои плащ-палатки, и девушки, завернувшись в них с головой, уснули.

Вечером спала жара, свелись слепни. Умывшись в озере, кипевшем от резвой плотвы, поев тушёнки вприкуску с луком, стали прощаться.

— На север поедет один из нас, на Дальний Восток другой, — пропел Хаитов. — Мы должны ещё подарки закопать на дороге. Если повезёт, языка возьмём. Вперёд, заре навстречу. Давайте обнимемся по-кунацки, и по машинам.

Когда ушли далеко от землянки, подпольщики стали шепотком переговариваться, и все сошлись на том, что на душе стало спокойнее, сработало давнее охотничье чувство — чем меньше людей, тем проще укрыться в лесу.

— Главное в нашей ситуации что? — журчал Яковлев. — Забыть прошлое. Мы — местные жители, уже под финнами целый год, знаем мало-мальски их язык, их порядки. Следовательно, никакого испуга, никакой суеты. Разговариваем по-доброму, просим показать дорогу, девчата пусть попросят подвезти, коль те на телеге будут.

— Так тебя и подвезут, — хмыкнула Марийка, — держи карман шире. Легко сказать — привыкли к их порядкам, я живого финского солдата в глаза не видела. Сяду на телегу, а он цап за

сидор: ну-ка покажь, что у тебя там?

Они шли с передышками всю короткую ночь, осторожно пробираясь чащобой, вырубками. С первыми лучами солнца подошли к широкой укатанной дороге. По карте выходило, что это Архангельский тракт. Перейдя его, нашли укромное место в молодом березняке, остановились на дневку. Перекусив, Яковлев и Анна вернулись к тракту, замаскировались и до полудня вели наблюдение. Движение было большое: проехали грузовики, укрытые брезентом, пропыхтело два тягача с пушками, простучал конный обоз, прошуршал взвод самокатчиков, у половины из них за спиной тряслись кабельные катушки. Анна ловила запах сухой пыли, смолы, колёсной мази, конского пота, чужих сладковатых сигарет…

Вечером двинулись дальше, миновали луг, увидели загон, огороженный колючей проволокой, в загоне паслись кони. Марийка посчитала — 27 лошадей. Неподалеку виднелись брошенные бараки.

В полночь уткнулись в болото, которое заметили ещё издали, взяли вправо и шли до утра. С рассветом забились в густой ольшаник, спали по очереди.

Белой ночью снова шли на северо-восток, сверяясь то и дело с компасом. Наконец вышли на берег Свири. Передохнув, стали искать сухие валежины для плота. У Яковлева в его вместительном сидоре нашлась короткая ножовка. Накрыв пилу сверху пиджаком, чтобы заглушить шум, он потихоньку отпилил вершинку, затем, отмерив три шага, стал пилить бревно уже для плота.

Девушки обследовали берег, не вылезая из кустов лозы, приметили несколько топляков, но те были давно в воде и для плота, как авторитетно сказал пришедший по их зову Маунумяки, не годились.

Днём отдыхали, ведя наблюдение за берегами, за рекой. Марийка первой догадалась, что моторка, которая прошла с утра до полудня три раза вверх по реке и обратно, несёт патрульную службу.

Редко когда выпадали такие полчаса, чтобы не плыл буксир или тральщик, мотобот, простой катер. Ночью по широкой реке шныряли уже две патрульные моторки, они шли навстречу друг другу; когда встречались, солдаты, сидящие в них, громко переговаривались, смеялись, дразнили друг друга булькающими фляжками в суконных чехлах.

За две ночи подпольщики заготовили больше десятка брёвен, осторожно подтащили к берегу, спрятали в кустах. С сумерками тот же запасливый Яковлев вытащил гвозди, моток верёвки.

Забивать гвозди не решились — звук над рекой идёт широко, принялись связывать брёвна двумя кусками верёвки с одного боку и с другого.

Плот вышел прочным, широким и мог бы выдержать троих-четверых, но на него решили положить только тяжёлые вещмешки и одежду, самим плыть сзади, подталкивая его вперёд — так и быстрее, и менее заметно. Было ровно два часа ночи, когда патрульный катер прошёл мимо и скрылся за поворотом. Все четверо, раздевшись, быстро вытащили плот из кустов, спустили на воду и поплыли.

Сильное течение сносило лёгкий плот, и, как ни старались гребцы, вскоре место, откуда они начали переправу, осталось далеко позади. Яковлев успокоил их — всё шло так, как он и рассчитал накануне, разведывая место их вероятной высадки.

Вот ушла назад песчаная коса с красным бакеном, за ней створный знак — пирамидка из белых крашеных досок. Миновав середину реки, почувствовали, что течение стало ослабевать, это придало всем сил, все дружно заработали руками и ногами, отталкивая плот от себя и догоняя его двумя-тремя саженками.

Высокий Маунумяки первым нащупал дно. Марийка радостно засмеялась, Аня вышла на берег обессиленная, упала на холодный песок. Парни финками разрезали верёвки, и вскоре от плота ничего не осталось. Брёвна уплыли по течению, можно было уходить в лес. Только поднялись по откосу, как вдалеке затарахтела моторка патруля.

Шли почти без остановок, мешки гнули к земле, а тут ещё заморосил дождь, сначала мелкий, потом посильнее. Волей-неволей пришлось искать место для дневки. Выбрали большую ель с опущенными до самой земли ветвями, прижались спиной тесно друг к дружке, согрелись, затем позавтракали всё теми же сухарями с консервами, погрызли сахар.

— Хорошо бы чаю сейчас, — вздохнула Маша, зарывая в землю пустую консервную банку, — ароматного, коричневого, с плавающими чаинками, такого, чтобы кружку нельзя было держать в руках.

…Анна проснулась от грома, низко, над самой головой расколовшего небо, рука тревожно рванулась в карман жакетки, где лежал браунинг. Марийка спала беспробудным сном, поджав под себя ноги в порванных коричневых чулках. Яковлев сидел, прислонившись спиной к ели, выставив перед собой кружку, в которую ударяли тяжёлые капли.

Дождь утих к вечеру, они прошли немного, быстро намокли от веток, хлеставших по груди, по ногам, а тут снова ударил гром, начался ливень. Удачливый Маунумяки отыскал вывороченную

давним ураганом ель с огромным корневищем, нависшим козырьком, быстро нарубил веток, сделал настоящий шалаш, низ застлали лапником, укрыли плащ-палаткой, отжали одежду. Всё это делали молча, быстро, с одного взгляда понимая друг дружку. Так же без слов улеглись «ложками», как любила называть Марийка, — грудь — спина, грудь — спина, один повернётся — все поворачиваются.

Двое суток пережидали дождь, изредка выходя на разведку и за водой — ручеёк нашла Марийка, она же увидела просеку с приземистым столбом, разобрала на нём потускневшие цифры, обозначающие квартал, вернулась весёлая: теперь они точно смогут определить по плану лесничества, который был у Яковлева, своё местонахождение.

По этой просеке группа пошла, взяв круто на север, изредка сверяя свой путь по компасу. Лес перешёл в болотце, за ним снова чащоба, они то теряли, то находили просеку. Неожиданно впереди послышался далёкий рокот мотора. Аня даже обрадовалась, что где-то есть живая душа, что наконец в этом бесконечном лесу они не одиноки. Пройдя немного вправо и увидев просвет, остановились. Яковлев и Марийка, сбросив мешки, пошли осторожно к дороге. Вернувшись через час, рассказали, что видели обоз, который вёз новые деревянные шпалы. На первой телеге и на замыкающей сидели финские солдаты, на девяти повозках посредине обоза — два старика, мальчонка и женщины.

На полях мятой финской газеты Аня сделала шифровкой заметку: «Возможно, идёт строительство железнодорожной ветки».

На следующую ночь к утру вышли на широкое поле с колосящейся рожью. Все взгляды были обращены к Анне, но она не узнавала эту местность. У неё вообще было такое чувство, что они заблудились и что Рыбрека, Шелтозеро находятся где-то совсем в противоположной стороне, а не справа, куда всё время вёл их Яковлев, глядя на компас.

К дальнему лесу они добрались обочиной поля, уже когда совсем было светло, шли пригибаясь, иногда даже бежали. Отдохнув на опушке, пошли дальше, нашли вырубку с густым берёзовым молодняком, замаскировались ветвями, легли спать. Мухи разбудили Анну, она толкнула Маунумяки, и они пошли вдвоём искать просеку, дорогу. Отходить далеко от своих боялись, чтобы не потеряться, шли кругами, то и дело делая зарубки, ломая ветки.

Просеку нашли скоро, нашли и квартальный столб, сверились по плану, и вышло, что справа за лесом должна быть деревенька

Качозеро, куда Аня не один раз ездила с отцом к дальним родственникам. От Качозера до Шелтозера было чуть больше десяти километров.

От этой новости все приободрились, повеселели, всем не терпелось поскорее отправиться в последний переход.

Вышли, не дождавшись полуночи, ещё засветло, зорко вглядываясь вперед, держась дороги. Когда до Шелтозера оставалось совсем немного, посоветовавшись, решили взять вправо и выйти на большак Петрозаводск — Вознесенье, понаблюдать. Все поспешно свернули за Анной и вскоре услышали рокот моторов. Даже ночью двигались на юг машины, подсвечивая себе путь ближним светом. За час Аня насчитала двенадцать машин, один трактор и три автобуса.

Короткая ночь уходила с неба, когда они увидели крайние избы Шелтозера. Над самой ближней уже подымался тоненький убогий дымок. Не снимая мешки, сели, помолчали, отмахиваясь от комаров.

— Комары жгут — к дождю, — сказал Маунумяки, позёвывая.

— Длинная дорога вышла, — вздохнул Яковлев. — Ты, часом, не ошиблась, Аня? Вдруг не в Шелтозеро притопали.

Анна усмехнулась. Как могла она ошибиться, если вон туда, в тот стройный соснячок, они с Женей Мякишевой и Валей Клещовой бегали за ландышами, а там, на кряжике, слетая зимой по крутому склону, она упала, и правая лыжа вместе с валенком улетела, словно пущенная из пращи, вниз, и пришлось к ним ползти на животе, задрав тоненькую ногу, и весь её шестой класс вместе с учительницей физкультуры Анастасией Михайловной Чесноковой смеялся так, будто не видел ничего смешнее на всём белом свете.

Прощаясь, Маунумяки долго жал руку Анне.

— Ты, я думаю, понимаешь, что у нас тоже важное задание и о нём мы ничего не можем вам сказать. Разве то, что нас тоже послал Могикан.

— Удачи тебе, Паули.

— Адрес бы тебе оставить мамин, да сам не знаю, где она. А отец мой посажен в 38-м. Но ты не думай плохо, меня в комсомол недавно приняли. За меня лично Андропов поручился. И Ваня Яковлев сам меня выбрал в спецшколе. С Андроповым они знакомы ещё до войны — Иван дома строил в Петрозаводске, десятником был. Могикан его Иваном Егорычем величает, старшим назначил…

— Ну будет, будет, — вмешался Яковлев. — Встретимся в Беломорске, устроим вечер воспоминаний. Спасибо, девушки, за компанию, дальше мы пойдём одни, дальше — наши заботы.

И они повернули не в село, а взяли круто к лесу, шли согнувшись, «похудевшие» за дорогу вещевые мешки всё равно были большими и делали их фигуры неуклюжими и печальными.

Мария и Анна стояли долго у двух молодых берёзок и смотрели вслед до тех пор, пока их молчаливые спутники не исчезли за кудрявыми кустами отцветшего шиповника.

8

Зайдя всего на полчаса в Шелтозеро и повидавшись наскоро с Марией Мартыновой — школьной подругой Анны, девушки, подгоняемые наступающим рассветом, поспешили убраться в лес. Выкатилось огромное малиновое солнце, начало припекать всё сильнее и сильнее. К полудню в лесу стало жарко, душно. Оводы и мухи не давали покоя. Не было даже лёгкого ветерка, дышалось трудно, как это часто бывает перед грозой.

Вечерело медленно, и вдруг с запада двинулась чёрная конница облаков, посыпался мелкий дождь, зашумел вверху ветер. Подруги, оставив свой шалашик, пошли назад на юг. Шли под дождём всю ночь и ранним утром, обойдя справа Рыбреку, вышли на её южную окраину. Это и был Житно-Ручей.

На небольшой горушке, где кончился лес и начинался густой ольшаник, они выбрали на опушке такое место, откуда хорошо был виден дом Лисициных. Впереди малинник, за ним лужок, за лужком — огород, а там и родное подворье. Совсем рядом, а пойти нельзя — вдруг на постое солдаты, или ещё кто чужой. Надо наблюдать, смотреть в оба, как поучал Могикан, не пропустить даже какую-либо мелочь.

Они нарубили ножами веток, легли на них, накрылись единственной плащ-палаткой. Сколько раз в этом походе пожалели, что не выпросили у разведчиков вторую! Хаитов запретил брать что-то армейское — серьёзная улика в случае обыска, но всё же Марийка уговорила молоденького разведчика, и тот, смущаясь и краснея, отдал ей этот невзрачный кусок брезента, который сослужил им хорошую службу. Марийка, выкрутив отяжелевший под дождём берет, чулки, намокшие от травы, стала задрёмывать под монотонный стук дождя по одеревеневшему брезенту.

Анна, подавшись вперед, не моргая, смотрела и смотрела на родительский дом. Вон там, с краю огорода, уже школьницей, окучивая картошку, она нашла маленький острый наконечник из странного нездешнего камня, похожего на загустевший мёд. Каким-то чутьём догадалась, что ровные сколы по бокам сделаны рукой человека. Как была она счастлива, когда её предположение подтвердил сам директор школы.

У сарая мокли под дождём те самые деревянные козлы, на которых они с Настей пилили дрова, их сколотил папа, когда ещё был совсем здоровым. Брат Кузьма рано начал самостоятельную жизнь, и девчонкам приходилось помогать отцу заготавливать топливо на зиму. Аня научилась колоть дрова, умело бросала

чурбан через голову на обух, знала, что сосновое полено с сучком на боку можно расколоть, только положив его на колоду и ударив топором точно по середине сучка. На всю жизнь запомнился светлый летний день, когда она рубила дрова, и топор, предательски соскользнув по мокрой коре, прорубил ей старый мамин сапог и рассёк большой палец на левой ноге.

На тёплой дощатой ступеньке крыльца Аня всегда чистила рыбу. Однажды, пригревшись на солнышке, она закрыла глаза и стала мечтать, как вечером побежит в кино смотреть «Чапаева», а тем временем их Васька вместе с соседским котом утянул двух самых крупных сигов…

А вот там, у навеса, кабанчик Рыжик, роясь в земле, отрыл змеиное гнездо и выбросил чушкой дюжину серебряных змеек величиной с карандаш, на которых мгновенно набросились куры и, давясь, поглотали их за несколько секунд. Это так поразило Аню, что на весь день она лишилась речи, не обедала, ушла рано спать, сославшись на головную боль. Гордая большая змея, которая схватилась с орлом, — это понятно, а тут домашние куры склевали грозных младенцев, приняв их за обычных земляных червей.

Тёплыми июльскими вечерами во дворе весело звенел подойник, косые тугие струи вспенивали молоко, а добрая, ласковая Мустикки вытягивала шею к Аннушке, которая нежно чесала её в пыльной ложбинке между рогов.

И словно в ответ на эти воспоминания, там, внизу, в хлеву замычала корова. Аня вздрогнула и тихонько заплакала. Слёзы успокоили её, мысли стали тускнеть, земля перед ней начала тихо покачиваться, и она задремала. Очнувшись, она разбудила Марийку.

— Не спи, слышишь, не спи.

Медленно, нехотя над крышей поднялся дым. Это встала мама, затопила печку. Звякнуло ведро, загорланил соседский петух в Фатеевском дворе, заржала лошадь у Смолиных.

Маму Аня увидела, уже когда совсем рассвело. Боже, как она изменилась — сухонькая, маленькая, сгорбившаяся. Мама принесла воды, открыла сарай, заговорила, и в ответ ей сразу замычала Мустикки. Потом на крыльцо вышла невестка Надя, жена брата Кузьмы, с ребёнком на руках, походила по двору, качая дитя, пяток минуток, но дождь загнал её в избу. Следом прошла в дом мама и тут же появилась с подойником — с тем же цинковым, довоенным — и направилась в хлев доить корову.

Большой дом Лисициных стоял у самой дороги, стоял, как и все дома в деревне, боком к дороге, эта сторона и считалась лицевой. Крыльцо выходило во двор, короткая дорожка вела к

калитке, а там шаг — и дорога: направо — Вознесенье, налево — Петрозаводск.

Как только поднялся день, машины с солдатами в кузове, с продолговатыми зелёными ящиками, с добротным пиловочником забегали в сторону Свири. Анна стала было считать их, но к полудню сбилась со счёта, сморила усталость. Немножко подремав, она очнулась и удивилась перемене, происшедшей с ней. Появилась уверенность в себе — ведь она дома, в своей деревне, на своей родной земле, среди своих. Пришла успокоенность, что в избе чужих нет, что мама здорова, правда, пока не видно отца, но он в последнее время часто болел и в дождь, в холода весь день просиживал у лежанки, подшивал валенки, тачал сапоги, а уж когда было совсем невмоготу, забирался на печку и тихонько вздыхал там.

Дождь поутих, Марийка спала, Аня укутала её палаткой, долго глядела, как она, раскрыв полные красивые губы, подложив грязную ладошку под щеку, дышала глубоко и спокойно. Вдруг Марийка вздрогнула, всё в ней сжалось — неподалеку по стёжке, громко разговаривая, прошли в лес с туесками мальчишки. Улыбнувшись, Аня тихонько провела ладошкой по щеке Марийки, и та враз успокоилась.

Пообедали поздно. Открыли банку рыбных консервов, заедали раскисшими сухарями, размокшими кусками сахара. Чтобы отогнать сон, Анна начала рассказывать про маму.

— Все годы моя Мария Ивановна на колхозной ферме. И меня сызмальства приучала: даст тихую коровушку, потом всегда проверит, чисто ли я выдоила. Попробует — чисто, не чиркнет ни разу струечка. Похвалит, дояркам скажет — мол, будет у меня смена.

Хорошо калитки умеет скать, тесто дрожжевое понимает, рыбник спечёт — не ела вкуснее, а куличи! Все к ней — Марь Ванна, подсоби, приди, глянь-кось, что-то хлебы с закалом вышли.

Вязать любила, у нас всегда две-четыре овцы жило, шерсть под рукой, вот и крутит мамушка веретено по вечерам. Мы, детвора, уляжемся, она фитилёк в лампе прикрутит, согнётся вся, а веретено так и летает, так и летает. Лён выращивала, сколько сижено с куделью вон у того окошка на кухне. А как вышивала! Приходят подружки её по девичеству — ну-ка, Марь Ванна, научи, уважительно так все её звали. Много её рученьки работы переделали. Была она и конюхом, и птичницей, и на поле работала, да дояркой ей больше всего нравилось.

На нас, малышню, никогда не кричала. Иногда папе доставалось, когда тот много денег тратил на подарки нам.

Посчитай: Люба, Кузьма, Настя, Дуся и я, младшая. Тринадцать детей мамушка наша родила, да пятеро только выжили…

Отец раньше всё в будёновке ходил, дали ему, когда ездил с продотрядом. Путь их был неблизкий — Симбирск, Самара, оттуда везли хлеб для Карелии. Трудовую жизнь начал мальчонкой, кирпич подносил, глину месил, после сам стал печником, работал в Петрозаводске у подрядчика Миккоева, на Александровском заводе печи клал.

Когда я родилась, папа как раз служил в городе — строил Советский мост, ну знаешь, тот, что в центре. Затем его пригласили на Кондострой — возводить Кондопожскую электростанцию. А уж когда возобновилась добыча диабаза, вернулся в родную Рыбреку.

Поплыли от нас по Онежскому озеру через Свирь, через Ладогу баржи с диабазовыми плитами. Одевали ими берега Невы в Ленинграде, а особая крупная брусчатка шла в Москву для Красной площади.

Тяжёлую работу выбрал отец, да и не искал он никогда лёгких дорог. Зимой холод идёт от камня, молоток да зубило пальцы скрючивают, механизмов тогда не было для подъёма глыб. Однажды камень качнулся, на подмастерье поехал — мальчонка был из Каскес-Ручья, папа плечо подставил, думал, сойдёт, как раньше бывало, да нет, не сошло, взял у него силу тот камень, и стал он хворать с тех пор. А вскорости и ногу сломал в карьере.

Стоп, машина. Марийка, видишь, что на дороге показалось? Вот это пушка! К Свири везут, а может, у нас тут на горе поставят, так же, как там, с севера, перед Рыбрекой, чтоб озеро держать под прицелом. Сделаем заметочку.

Аня стала чирикать карандашом в той же финской газете, не закончив, зашлась долгим нудным кашлем, уткнувшись в мокрый рукав жакетки.

Мучительно медленно текло время. Хотелось в тепло, попариться в баньке, похлебать горячей ушицы, поесть, перекидывая из руки в руку, картошечки в мундирах, макая в подсолнечное масло, посыпая тёмной крупчатой солью. Неужели это будет сегодня? Скорее бы темнело, и тогда ползком по меже…

Дождь снова зашуршал по листьям, застучал по брезенту. Жакетка промокла, в пьексах сыро, мокрые чулки щиплют ноги.

Вечером, когда в селе всё утихло, подруги осторожно перебрались в баню Смолиных. Тут было сухо и тепло. Но пришлось приоткрыть дверь, чтобы видеть избу. Вдруг вдали скрипнула калитка, и в дом вошли две женщины, Аня увидела их уже на крыльце за пеленой дождя и не узнала. Чужие? Может,

гости, ведь сегодня воскресенье, но откуда, кто?

До самых сумерек Аня не сводила глаз с родного дома, где так зазывно светилось окошко. В сердце заползла тревога, а вдруг эти двое на постое или ночевать гостей мама оставит, не принято в их доме отправлять в непогодь доброго человека.

Как же облегчённо вздохнули они, увидев два тёмных силуэта в дверном проёме, услышав, как эти двое, хлопнув калиткой, зашлёпали по дороге.

Близилась полночь. На кухне, там, где всегда стояла мамина кровать, ещё краснела лампа, и вот она погасла.

Анна выскользнула из бани, пригнувшись, добежала к кустам малинника, прислушалась, огляделась. Затем заскользила ползком по огородной меже. У дома постояла, пытаясь унять стук сердца, прижимаясь к стене, пошла к кухонному окну, взобралась на дрова, тихонько постучала раз, другой.

За окном появилась тень.

— Кто есть? — спросили по-вепсски.

— Мама, это твоя Аня пришла.

Окошко распахнулось, из него выглянула Настенька.

— Ты ли это, сестрица?

— Я, милая, я, только тише и лампу не зажигайте.

Анна вошла в сени, путаясь в половиках, бросилась к Насте, а за ней уже различила протянутые мамины руки.

— Аня, моя Аня! — запричитала мама.

— Мамушка, тише, тише. Не надо плакать, я живая. Вот я тут вся. Мы пришли ненадолго, побудем, да и пойдём.

— Куда ты пойдёшь? — застонала мама и вдруг повалилась с табуретки мягким кулем.

Аня с Настей положили её на кровать, взбили повыше подушку.

— Сомлела от радости. Так ты не одна, Аннушка? — спросила Настя.

— Со мной подружка из Пряжи. В бане она. Я за ней сбегаю. Можно, мама?

— Да что спрашивать-то, Аннушка!

Когда девушки вошли в кухню, мама уже суетилась у стола, но снова потянулась к дочери, обняла.

— Авой, ты же мокрая, доченька, хоть выжми всё на тебе.

Стали готовить им одёжку на смену, какая была. Мокрую девушки быстро сняли, повесили у тёплой печки, переобулись. Всё в темноте, в суматохе. Настенька впопыхах рассказала, что приехала на выходной, работает по распоряжению старосты Смолина то в Педасельге, то в Вознесенье — роет укрепления для финнов, согнали людей с окрестных деревень, молодых баб-

солдаток да девушек…

Мама вынула воды тёплой из печи, маленько помылись, ноги парили сразу обе в одном корыте. Проснулась сестра Люба, за ней отец, а потом в комнату проскользнула и Надя.

— А я думала, финны с проверкой, — испуганно шептала Люба.

— Часто проверяют? — спросила быстро Марийка.

— Ходят, чего им. Партизан боятся, — ответила Надя.

— А кто в доме у нас?

— Да вот Люба с детьми, она в своём доме боится одна жить, невестка Надя с парнишечкой — в одночасье родились, сегодня у Нади, назавтра у Любы появился, в конце сентября прошлого года, за два дня до прихода финнов. Семеро в избе, спим там, в светлице, на кроватях, на полу. Тата на печи, мама и я на кухне.

Настеньку перебила мама.

— Давайте к столу, чаю пейте. Покушайте, что бог послал.

— Вы одни, доченька, пришли? — спросил отец.

— Нельзя нам этого сказывать, папа. Дело военное, секретное.

— Так вы как бы разведчики будете? — продолжал отец, не поняв ответа дочери.

— Правильно мыслите, папаша, — гордо сказала Марийка. — Большими людьми нам сюда боевое задание дадено. Вам как бывшему сознательному бойцу и красногвардейцу можно доверительно сообщить — пришли мы сюда из партизанского отряда, сам товарищ Куприянов задание нам такое подписал, крепко руку жал, успеха желал.

— Выходит, живой Геннадий Николаевич, а финны брехали, будто убитый, когда самолично Петрозаводск взрывал при отходе. И где ж он нынче обретается? В Москве?

— Дай ты людям поесть, — набросилась на Михаила Петровича Мария Ивановна.

Анна отодвинула чашку, рыбник, села рядом с отцом, положила руки на его покалеченную ногу и стала рассказывать, что столица республики теперь в Беломорске, что там всё правительство и все организации, что Куприянов и Куусинен живы и здоровы, что повсюду на заводах, в леспромхозах, в колхозах люди трудятся, не жалея сил, что войска на Карельском фронте уже давно стоят твёрдо, занимая могучую оборону, что в тылу у финнов сражаются десятки партизанских отрядов, что настроение у людей боевое и весёлое, работают театры, показывают кинофильмы, выступают артисты.

После этого Аня подробно рассказала о разгроме немцев под Москвой, о том, как тыл помогает фронту, как храбро сражаются

на суше, на море и в воздухе наши бойцы, как уверенно держится Ленинград, как смело воюют партизаны Украины, Белоруссии, о первомайском обращении к народу Верховного Главнокомандующего.

— Земля горит под ногами у захватчиков, — подхватила гневно Мария, — куда бы ни ступили фашисты, их ожидает презрение и ненависть всех людей. История показывает, что наш народ всегда сбрасывал угнетателей.

— Знаете, какой сейчас там у нас лозунг? — перебила её Анна. — Враг будет разбит, победа будет за нами! А какую песню поём, знаете?

И Анна тихонько запела, Марийка тут же подхватила, взмахнула рукой.

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой!

— Поём ещё «Синий платочек», «Огонёк»…

— Коли так, — сказал, улыбаясь, отец, — наладьте им на чердаке мягкую-премягкую постель, там сенцо есть свежее, старые тулупы поднимите, одеяло моё ватное дать им, два рядна, чтоб сено застелить, подушки, надо, чтоб согрелись, успокоились. Вы, поди, и не спамши-то? Пусть идут, завтра наговоримся.

— Дождь-то льёт, будто из ведра, все дни, как же вы, милые, не захворали, где хоронились? — опять заплакала мама.

— Мы привычные, такая у нас работа, — ответила Марийка. — Война закалила, мы теперь как сталь. Целый месяц к вам добирались. Только никому про нас не говорите, ни своим, ни чужим.

— Укладывайтесь все, а мы с Настенькой посидим, — твёрдо сказала Анна. — Тебе на окопах когда надо быть?

— Завтра. Да я задержусь, если пользу вам сослужу, а там совру, придумаю.

Плотно занавесив окно на кухне, прикрутив до самой малости фитиль лампы, они устроились под столом, раскинув на полу два полушубка, которые молча принёс отец из кладовки. Аня расспрашивала, Марийка записывала карандашом меж строк газеты условными обозначениями, потом записи делала Аня. Сон как рукой отогнало, удивлялись, откуда брались силы.

— Сведения-то какие достаём! — то и дело вырывалось у Маши. — Красная Армия тебе огромное спасибо скажет, Анастасия Михайловна. Любушка ты наша, дорогая, ненаглядная.

— Ты больно спешишь, Настенька, — говорила Анна. — Вспоминай всё точно. Вознесенье наших командиров крепко интересует, давай ещё раз всё повторим — где орудия, где блиндажи, где на поле мины поставлены, где какие укрепления, где сколько солдат стоит в сёлах. Только не ошибись, сестрица.

До самого утра расспрашивали они Настю. Прощаясь, собирая вещички, Настенька, махнув рукой — была не была! — отдала им свой пропуск на проезд от Вознесенья до Петрозаводска.

— Чую, вам пригодится, а я выкручусь. Потеряла — и весь сказ. Ну, в карцер посадят, так ничего — молодая, вытерплю.

…Впервые за многие дни они спали спокойно. Проспали весь день до вечера, тормошила их Мария Ивановна обедать, да так и не разбудила. Отсыпались за все дни лесных скитаний.

На следующий день Мария Ивановна, истопив печку, нагрела воды, и девушки помылись. Хотелось в баньку, попариться, понежиться на полках, да отец сказал веско — нельзя, вдруг кто заприметит. Аня помылась-то быстро, а вот ноги парила долго. Мама, как увидела, так всплеснула руками. Ноги опухшие, красные, левая растёрта до крови — теперь Марийка поняла, почему последние дни Аня прихрамывала, старалась идти позади, почему во сне постанывала и подтягивала под себя левую ногу.

Мама смазала широкую рану свежим коровьим маслом, обмотала щиколотку куском стираной наволочки, помогла натянуть новые отцовские шерстяные носки, связанные зимой.

Вымылись и — снова на чердак. Ане очень хотелось понянчить племянников, но это она оставила на потом, когда будут уходить.

Мария Ивановна взбиралась к ним по лестнице и шепотом медленно рассказывала о пережитом.

Финны ворвались в Рыбреку на мотоциклах и, хотя наши ушли давно, принялись палить из автоматов. В Шелтозере тоже стреляли, куда глаза глядят, подожгли несколько изб.

В Житно-Ручье спалили школу, клуб, три дома. Деревня Роп-Ручей почти вся сгорела, кирпичные заводы разрушены. Но кирпич нужен финнам для оборонных работ, и заводы эти они быстро восстановили. Ремонтируют дороги, мосты. Из Педасельги в Петрозаводск строится новая дорога, на запад от старой. На дорогу согнали множество народу. Всех русских, что жили в районе, вывезли после регистрации в Петрозаводск и Вознесенье, поместили за проволоку в концлагеря, гоняют на непосильные работы, а это все женщины, дети, старики.

Финское начальство находится в Шелтозере, командует всем в районе начальник штаба полиции. Ему подчиняются все

коменданты и старосты в деревнях. В Житно-Ручье старостой финны назначили Петра Смолина, бывшего пастуха, пьяницу и дебошира. Он выдал властям местных активистов, взял на учёт семьи красноармейцев, бражничает с финскими солдатами, по праздникам надевает финскую военную форму, ходит по деревне с плёткой и грозится расправиться со всеми, кто ему скажет что-нибудь поперёк. Останавливает старого и малого, заставляет снимать шапку, ругает последними словами советскую власть, рассказывает, что немцы заняли Москву и Ленинград.

У всех теперь новые паспорта. Русским паспорт — розового цвета, для финнов, карелов, вепсов — зеленоватый. Ходить по селу можно лишь с семи утра до восьми вечера, а чтобы пойти в соседнюю деревню, надо получить пропуск у коменданта.

Выдали хлебные и промтоварные карточки, да в магазинах пусто, а в кошельке совсем ветер гуляет — денег за работу финны платят мало. Вся надежда на свой огород.

Вначале финны рассказывали всем, как хорошо станут жить теперь вепсы, как много добротных вещей будет в магазинах. Открыли лавку в Рыбреке, и точно — красивые платья, кожаные туфли, мануфактура всякая. Начали брать люди, хоть и цену финны завернули будь здоров, принесли домой, разглядели, а это всё советское, — награблено у населения да из оставленных складов взято.

Колхозы в районе финны распустили, хотя лошадей держат в общей конюшне. Заставляли сельчан пахать и сеять на полях, а урожай весь повезут в Финляндию. Если надо вспахать огород, можешь взять лошадь, но заплати четыре марки за час. А где их взять, эти марки? Денежные бумажки грех в руки брать, срамота одна: голые бабы задницами светят, а с ними тут же и мужики голые кучей стоят. Охальники, керенки бесовские придумали.

А кино ещё похлеще привозят, молодухи ходили — так плевались целую неделю, стыдоба сущая.

Солдаты пристают к сельским девушкам безо всякой совести, заманивают на танцы, в кино. Обещают жениться, увезти в Финляндию, сделать богатой хозяйкой хутора. Есть такие, что верят. Да что из того выйдет, время покажет, а пока один срам.

— Думала, говорить — не говорить, да тебе ведь надо всё знать, доченька, — вздохнула мать. — Валентина-то Клещова, твоя первая подружка, по кривой дорожке пошла, завела себе ухажёра — финского унтера, это уже второй у неё, на свиданку к нему бегает, по-фински лопочет, платок он ей цветастый подарил, так с плеч не снимает. Плохо о ней в деревне люди говорят, мне когда попадётся на улице, в глаза не глядит, отворачивается, а поди в этой избе у нас-то и выросла. «Лапушка Аня, помоги, Аня,

как мне написать грамотно, как задачку верно решить?» Комсомолка была, а стала, прости господи, не придумать кем. Ну, что ты так опечалилась, доча, может, она ещё выправится — молодая, глупая.

— Вот те на, — пропела Марийка, — а мы на неё виды имели, думали, помощницей нам станет.

Анна легла на подушку, отвернулась, закрыла глаза. Мама погладила её по щеке истончившимися от бесконечной пряжи пальцами, надолго замолкла, а затем, поняв, что Анна никого не хочет видеть и слышать, спустилась в избу готовить нехитрую снедь.

Маленькое чердачное окно, затянутое старым вязаным платком, выходило прямо на дорогу, до неё было рукой подать, и когда рядом проползали тяжело груженные тупорылые грузовики, накрытые брезентом, или машины с бензиновыми бочками, Марийка в первый день прямо не могла найти себе места. Она вскакивала, падала на сено, стучала кулаками по толстой подушке.

— Гранату б мне противотанковую! Разъезжают, как у себя дома, а рожи-то, рожи-то какие нахальные! Ты погляди, как вон тот белобрысый с дедушкой разговаривает. Сапоги надраил, медаль повесил, и уже он царь и бог.

Анна молча считала, сколько машин с солдатами, с техникой проходит на Вознесенье, а мысли были одни и те же — о Валентине. Вспомнилось всё до мельчайших подробностей, как сидели на экзаменах по финскому языку, как сунула ей шпаргалку, как бегали в ТЮЗ, как дежурили по столовой, и им дали бесплатно большую тарелку макарон с молотым мясом, как Валя, промочив осенью ноги — бегали смотреть наводнение, — тяжело заболела, металась в бреду, и Аня три ночи не отходила от её постели, поила чаем из сухой малины, отваром шиповника. Но больше давило на сердце другое — Вале она поверяла самые сокровенные свои тайны, с ней провела бессонную ночь 9 мая 1939 года перед тем, как идти на бюро Дзержинского райкома комсомола, где их должны были принимать в комсомол. Тогда она горячечным быстрым шёпотом говорила Вале, какой должна стать новой её жизнь, что хочет она от этой жизни, как думает служить людям до конца своих дней. Это были мысли, которые Аня не говорила даже маме, такие слова вырываются только тёмной ночью и, может быть, раз в жизни.

Валентина слышала эти слова! Вот сейчас она выйдет там из своего дома с голубыми наличниками, пройдёт мимо, не оглядываясь, а вдруг что-то толкнет её к этому занавешенному пыльному оконцу, и она станет глядеть на него, не отрываясь,

пока будет идти, ведь есть же какая-то внутренняя, неподконтрольная тебе сила, которая заставляет человека оглянуться, когда ты очень этого хочешь.

Еду на чердак подавала Надя. Покормив подружек, она рассказывала о том, что происходит окрест, что говорят и думают люди. Но всё время Надя сбивалась на своё: а как там жизнь в Беломорске, скоро ли придут наши, что в Москве, не слыхать ли что-либо о её Кузьме?

— Намедни ходили на пожню и нашли наши свежие листовки, — шептала она, блестя глазами, — бабы как ошалели, прячут, смеются. Бабка Степанида, ты её, Аннушка, знаешь, говорит: «Я хоть читать не умею, зато душою чую — правда там великая писана». И к сердцу ту листовку прижимает.

Смолин, как пёс, вынюхивал, стал по избам шнырять, грозился, просил, чтоб отдали крамолу. Да всё мимо: уходя с пожни, сговорились — ничего не знаем, никаких листовок в глаза не видели.

Финны опосля два раза ночью приходили, тоже листовки требовали, грозились, что в Петрозаводск сошлют в лагеря. Пусть поищут, я их так спрятала, что никакая овчарка не сыщет, целых пять штук имею, в Шелтозеро поеду, повезу, пусть правду люди узнают. Одни говорят — самолёт те листовки сбросил, другие — партизаны принесли. Все говорят у нас про партизан. С озера приходили они несколько раз. Финны их страсть как боятся. Берег онежский колючкой отгораживают, мины тайно ставят, на горки пушки длинноствольные взгромоздили. Я всё вам в точности расскажу, где да что, а пушки эти должны бить по катерам, когда партизаны поплывут к нам из Пудожа.

«Вы, вепсы, наши меньшие братья, — говорил финский начальник, когда согнали нас перед Первомаем, — у вас ничего нет общего с русскими большевиками, те надели вам хомут в колхозе, а мы принесли вам цветы свободы. Мы вам и хлеба даём больше, чем русским, по карточкам, даём даже сахар для кофия». Смешно сказать — 250 грамм хлеба на день и полкило сахару в месяц. Да ещё деньги дерут, а где их заработать, когда мы с Любой сидим с детьми, как привязанные, старики наши хилые, немощные. Летом хоть огород кормит, а что зимой кушать будем?

Нога Ани заживала медленно, мама меняла повязку, сделала мазь на отваре трав, выпросила йоду у Щербаковых, прижигала там, где гноилось.

— Мамушка, хочу с тобой первой совет держать о самом главном деле нашем, — заговорила Анна. — Надо нам такую квартиру найти, чтобы хороших людей прятать. Давай подумаем, всех наших родичей переберём по пальцам. Хорошо бы, чтоб

подпол имелся…

Мария Ивановна думала недолго.

— Коль люди хорошие, можно и у нас, я с дедкой поговорю.

— У вас в доме дети малые, тётя Маша, — сказала Марийка, — обнаружат финны, беда будет.

— Авой, беды не боимся, девушка, у всех нынче одна беда. Надо ж пособлять Красной Армии. Мы откажемся, другие отговорятся, так и будут сидеть у нас финны на спине. Можно у бабки Зины Ефремовой, подпол у неё просторный.

— А Люба наша не согласится, свой дом-то у неё почти пустует? — спросила Анна.

— Отчего не согласится, муж в Красной Армии, вот и пускай мужу подсобит. А то придет её Левоев, красный командир, спросит, как жила-поживала? Тут и будет ей что ответить.

Поздним вечером, когда подруги спустились с чердака, перво-наперво снова завели разговор о явочной квартире. Люба, когда узнала про такое, не таясь заплакала.

— Они придут да и уйдут, а вдруг кто донесёт? Ну-ка, Смолин полицию вызовет — расстреляют и меня, и Толика. Или в концлагерь за колючку посадят на брюквенную баланду. Так там голодной смертью помрём…

— Авой, Любка, не о себе одной думай, — погрозила ей пальцем мать. — Слепые, и те дальше видят.

— Пусть она успокоится, мама, — тихо сказала Аня, — мальчонка у неё больной, карточек не дают, как жене красноармейца. Трудно ей, вот и надломилась.

— В Другой Реке люди партизанам помогали, — вздохнула Надя, — так финны обозлились и стали без разбору людей хватать, запугивать. Кто-то из своих, видимо, и указал на Алёшу Кочергина, солдаты его и застрелили, а жене присудили каторгу, в концлагерь отвезли. Работящий был мужик, в колхозе уважали его. Ну, все и напугались, теперь боятся чужому человеку воды дать напиться.

Аня с Марийкой переглянулись.

— Не удержаться фашистам, — сказала Аня, — скоро Красная Армия начнёт крушить их на всех фронтах. Скоро придём сюда уже не таясь, потерпите маленько.

— Нешто не потерпим? Потерпим, только вы Москву супостату не отдавайте, — поднялась с лавки Мария Ивановна, протянула к божнице руку. — Послал злой ворог-ворожина огневу стрелу, и летит она за солнцем с захода на восход, чтоб ударить в самое сердце русское, в город Москву, в белокаменную красоту…

— Не быть тому, мама! Москва была и будет нашей.

— Народу-то пало видимо-невидимо, — вздохнул Михаил

Петрович.

— За великое дело, тата, сложили голову.

— Много людей закопано, а места ещё, авой, сколько на земле…

Вечером, ночью — разговоры, днём — сон урывками на душном чердаке. Мама всё у печи: то калитки с картошечкой состряпает, то рыбник испечёт — Михаила Петровича два раза выталкивала сети ставить с Надей. Мелочь, правда, всё попадалась. Зато почти каждый день с ухой.

На пятые сутки поздним вечером спустились с чердака, только сели чай пить, как стук в дверь в сенцах, стучали требовательно сапогом, потом прикладом.

— Кто есть? — спросила Мария Ивановна. — Мы уже спать улеглись.

— Откройте, яиц хотим купить! — ответили по-фински со двора.

— Не бойтесь, доченьки, я его выпровожу, а вы под кровать мигом. Чашки со стола на полку, рыбник в печку.

Снова стук в дверь, но Мария Ивановна, пока не одёрнула подзор на кровати, пока не вытерла стол, пока в третий раз всё не оглядела — не пошла в сенцы.

— Лампу дай зажечь, леший! — крикнула она.

Солдат был один, с винтовкой на плече, молодой, приземистый парень. Зашёл на кухню, не поверив, что нет куриц в хозяйстве, самолично заглянул в шкафчик, сначала в один, затем в другой. Всюду хоть шаром покати. Лишь краюха хлеба да соль в берестяной, почерневшей от давности солонке. Фонариком-динамкой чиркнул по русской печке, заглянул к Михаилу Петровичу.

Хотел было отодвинуть заслонку в печи, да Мария Ивановна стала перед ним. Выпрямилась, будто выросла вдруг, распрямились плечи, голова гордо поднята.

— Нету там яиц. Там рыбья юшка для детей, вон спят, хочешь глянуть? Неужто чугунок с собой захватишь? Только сначала попробуй, отыми!

Солдат потянул носом, поправил ремень винтовки, искоса глянул на Любу, вертевшую веретено, и, застучав коваными ботинками, пошёл вон, вжикая фонариком.

Мария Ивановна открыла дверь в горницу. Девушки вылезли из-под кровати. Аня молчала, белая как мел, а Марийка залилась звонким смехом.

— Ой, как здорово вы его отбрили, тётя Марусенька! «Попробуй, отыми!» Дайте я вас расцелую. Берём вас в разведку!

Бледность не сходила с лица Ани, закусив губу, онемев,

сидела Люба — обе понимали, что грозило этому дому минуту назад.

А мама, словно ничего не случилось, нарочно не замечая ни Ани, ни Любы, тихонько пересмеивалась с Марийкой, грозя той пальцем, чтоб хохотала не слишком громко.

На следующий день мама понесла обед на чердак, Надя помогла подать и вскоре ушла с Любой стоговать сено, благо погода установилась.

— Авой, девушки, есть у меня добрая новость, — стала рассказывать Мария Ивановна. — Я к бабушке нашей Зинаиде сходила. Про вас ничего не поведала, а насчёт дома с ней договорилась, если кого спрятать понадобится. Избёнка у неё маленькая, на отшибе, финны к ней, одинокой, совсем не заходят. Сладились с ней сразу, согласная она помогать.

Маша радовалась, но быстро отвлеклась — принялась читать финские газеты, целую кипу принесла Мария Ивановна.

— Какая ты у меня славная, — зашептала Аня и уткнулась в материнское плечо. — Как мне покойно с тобой, как душа согрелась, мамушка милая. Хорошо дома, да надо нам в обратный путь собираться. Домашним никому не говори пока, а уйдём мы завтра к полуночи. Пора, семь дней прошло, там ждут нас.

— Как же это завтра? Аннушка, что ты? Неужто ещё нельзя погостить? Отчего так солнышко наше быстро закатилось? И не поговорили мы с тобой, доченька, и прошлое не вспомнили наше радостное, счастливое. Не уйду я от тебя теперь все эти часочки, все минуточки…

И стала Мария Ивановна сначала сбивчиво, затем плавно и раздумчиво перебирать зарубки памяти, как ранним солнечным утречком родилась Аня, как первое словечко сказала, как в школу пошла, как книжку по-вепсски про Ленина читала, как первую Похвальную грамоту принесла за первый класс, как пришла из школы в красном галстуке, как сорок рублей прислала в конце июля 41-го из первого своего заработка, когда была в Сегеже библиотекарем.

Потом она вдруг придвинулась совсем близко к Ане, зашептала по-вепсски, так, чтоб Мария не разобрала.

— Пусть она одна уйдет, снарядим, как самого дорогого родича, калиток напеку, сущику дадим. А ты со мной будешь. Сама же говоришь, что война скоро кончится.

— Мама, мамушка, — перебила её Аня, — как ты додумалась? Как можно такое сказать?

— Так ведь убьют тебя вороги окаянные! Дело-то у тебя вон какое нешуточное.

— А погибну, так знаю, за что. За счастье наше, может, хоть

на мизинец помогу своим, и то хорошо.

— Ой, Аня, убьют тебя.

— А пусть лучше меня убьют, чем мужика какого женатого, от него детишки остались, а я что — одна. Надо, мама, Родину защищать. От такого дела прятаться нельзя. Не я одна такая. Хочешь, расскажу тебе про девушку одну, москвичку? Зоя её имя, училась в школе, комсомолка, как и я, и лет ей столько же, как мне. Пошла она добровольно в армию, попросилась тоже в разведчики. Послали её на задание. Выследила Зоя, где у немцев склад, где конюшня. Стала поджигать, а её фашисты тут и схватили. Мучили они её всю ночь, спрашивали, кто послал, где товарищи её. Ничего она им не сказала, пошла босыми ножками по снегу к своей смерти. За ночь немцы виселицу соорудили, утром людей согнали. Крикнула она тогда сельчанам, что немцам капут под Москвой, что никогда гитлеровцы не победят наш народ. Немцы испугались её слов, выбили из-под ног подставочку. Не велели снимать девушку, чтоб страху на людей нагнать, да тут наши ворвались, перешли в наступление красные бойцы. Отомстили они за Зою, и теперь про неё люди песни поют, стихи слагают. Да такие душевные, без слёз нельзя читать. У неё тоже мама есть где-то, тоже, видать, на войну не пускала, а Зоя сказала — надо, мамушка, и пошла.

Аня помолчала, прижалась щекой к материной щеке.

— Теперь запомни, мама, пароль, слово заветное, крепко-накрепко запомни. Когда придут к вам в дом, постучат и скажут то ли по-вепсски, то ли по-русски: «Хозяюшка, дайте прохожему напиться». Это значит — наши, от нас, от меня пришли. Тогда ты должна, если всё в порядке, ответить: «Погодите минуточку, прохожий, сейчас принесу». А дальше сами смотрите — маленько пусть у нас побудут, после сведёшь к бабушке Зине. Не запомнила, поди, сразу, ну, да ничего, слова-то эти мы с тобой ещё много раз повторим.

Так-то, мамушка, не горюнься. испеки нам кой-чего на дорогу, много нам брать нельзя, тяжело идти, а мы ходко пойдём, короткой дорогой. Теперь про другое — надо мне с Надей сегодня поговорить, пошли её сразу к нам, как с пожни вернётся. Изменилась она, серьёзная стала, рассудительная, надёжная. Не то, что раньше, хи-хи да ха-ха…

Марийка, прочитав газеты и сделав на них еле заметные пометки острым ноготком, всё глядела и глядела через дырочки платка на странную жизнь, проходившую на улице.

Проехали в сторону Вознесенья дружным табуном на тяжёлых зелёных велосипедах самокатчики, прополз трактор с узким прицепом, на котором лежали большущие мотки колючей

проволоки, прошли две женщины с котомками, похожие на монахинь, проплёлся обоз, груженный песком, остановился у колодца, и солдаты стали поить лошадей прямо из общественного ведра, хотя рядом для этого лежало долбленое корыто.

Анна не могла так подолгу лежать у окошка, всё в ней закипало, но Марийке она ничего не говорила и молча уходила к противоположному окошку, смотрела на лес, казавшийся бескрайним, который совсем скоро снова надёжно укроет их.

Вечером Люба подоила корову, а Надя, придя с пожни, тут же, захватив крынку с чашками, полезла на чердак.

— Вот то, чего хотелось все эти военные месяцы, — засмеялась Аня, — тёплого молока от нашей Мустикки. Пить из щербатенькой детской чашечки, и чтоб тата сидел по правую руку, а мама по левую, и сумерки ложились в кухне, и чтоб долго-долго лампу не зажигать…

Надя рассказала, что в селе всё как обычно, отцовский дом не вызывает любопытства.

— У меня к тебе, Надежда, три дела, три разговора, и все очень секретные, — тихонько сказала посерьёзневшая Анна. — Сначала дело первое. Перед тем, как идти сюда, мы побывали в Шелтозере, там я повидалась со своей школьной подружкой Марией Мартыновой. А интересовала нас Женя Мякишева, ты её должна помнить, она перед войной работала председателем районного комитета по физкультуре и спорту. Отец у неё большевик, славный такой дядечка, все его любили в селе. Так вот, Женя хорошо знает финский язык, не хуже, чем я, и работает у финнов, да не где-нибудь, а в полиции, выписывает паспорта, хлебные карточки. Теперь слушай внимательно: если вдруг по какой-то там причине мы не доберёмся к своим, ты должна знать: Мякишева — наш человек. Это и тебе важно, но особенно важно для тех, кто придёт к вам сюда после нас. Скажешь нашим, что Женя знает пароль, к ней можно обращаться за документами, она всё сделает.

Теперь второе. В Шелтозере у нас сначала всё шло путём, а потом откуда ни возьмись — собаки. Набросились, как на чужих, а вслед за ними вынырнула какая-то любопытная старушенция, стала пялиться, разглядывать. Юркнули мы в кусты с Марией Мартыновой, а потом в лесок побежали. Одним словом, помешала бабка нам с Женей свидеться. Думала я отсюда ночью сходить к Жене в Шелтозеро, да нельзя рисковать, а нам очень нужен образец паспорта, хлебные карточки. Пропуск у нас уже имеется, Настенька дала. Я все дни голову ломаю: где мне их достать?

— Чего тут думать, Аннушка, карточки июльские я тебе дам. Что могла, выкупила, а на большее денег нет. А с паспортом не

знаю, давай вместе пораскинем умом, у кого просить…

Думали, думали и ничего не придумали.

— А теперь дело третье, — сказала совсем тихо Анна. — Мы завтра уходим. Вечером в одиннадцать.

…Когда стемнело, девушки, как обычно, спустились вниз. Мария Ивановна согрела воды, Надя внесла большое корыто, в него по очереди, как маленьких, посадили Машу, а потом Аню, мыли, тёрли мочалкой. Тут Аня и заговорила о паспорте. Недолго думала Мария Ивановна, махнув рукой, сказала:

— Семь бед — один ответ. Отговорюсь, скажу, память не та стала, куда сунула, не ведаю. Да и паспорт-то — одна видимость, четвертинка зелёной бумажки.

— Зато написано, какой рост, какие глаза, цвет волос, — поддакнула Надя.

— Ой, тётя Марусенька, дайте я ещё разок вас поцелую, — засмеялась Марийка, расчёсывая мокрые волосы. — Как всё у нас удачно, какие сведения имеем! Не стыдно будет самому товарищу Куприянову докладывать, правда, Анна?

Аня улыбнулась и ничего не ответила. После уж, когда наговорились, когда отец подал с печи голос, что пора всем на боковую, Аня попросила Надю и Любу поднять к ней завтра после полудня на сеновал детишек, поглядеть на них, попестовать хоть минуточку.

— Уже не завтра, доча, а сегодня, — смахнув слезу, вздохнула мама. — Ноженька-то твоя не ноет ли? Ты подорожник полагай ещё и сегодня, пусть, вреда не будет, рана совсем затянется.

Пообедав щавелевым борщом со сметаной, жареными плотичками с молодой картошкой, чуть больше фасолины, — Люба подкопала с десяток кустов, — запив черничным киселём, подруги стали укладывать вещи.

Мария Ивановна принесла выстиранные маечки, дала каждой по паре шерстяных носков — зимой пригодятся.

Финские газеты, листовки сунула в свой сидор Маша. Аня взяла документы, два плаката, несколько разных объявлений, которые незаметно ночами срывала с заборов, со стен Надя. У каждой ещё оставалось по три банки консервов, их положила к себе Марийка — брала, что потяжелее, нагребли ещё кулёк коричневой смеси: сахар, шоколад, сухари, всё это подсохло и превратилось в неприглядные крошки. Аня хотела было угостить этим «деликатесом» племянников, но Марийка отсоветовала — ещё животики заболят.

Отец с Анной уточнил ещё раз, по какой дороге можно побыстрее добраться до Свири, потом собрал десятка два гвоздей,

пусть ржавые, старые — других в хозяйстве не было, не пожалел новую верёвку — всё, что надо для сооружения плота. Говорил отец, как всегда, мало, больше слушал, изредка улыбался, и Марийка, наконец, поняла, от кого эта черта передалась Ане.

— Оставим-ка мы себе, Анна, три банки, а три отдадим старичкам, — сказала Марийка, решительно выкладывая консервы из своего рюкзака. — Поделимся по-братски, хоть какой-то гостинец. Пусть приберегут на чёрный день, а нам тут ходу пустяк, в случае чего, на ягодах продержимся.

Только пали сумерки, Мария Ивановна поставила самовар, вынула калитки, рыбу, запеченную в молоке. Отец вышел к гостям в новой ситцевой рубашке, причёсанный, с подстриженной бородой. Стол поставили посреди кухни, подальше от окна, чтоб не так разговор был слышен, сели вокруг: Мария Ивановна, Люба, Аня, Михаил Петрович, Марийка, Надя.

Беседа не налаживалась, время тянулось долго. Надя рассказала, что финны привезли новую кинокартину «Золотой город», но пошли на неё лишь молодые.

— Два дня от стыда никто друг дружке в глаза не мог глянуть, а солдаты гоготали, как жеребцы, вы, говорят, дикие и необученные, далеко, мол, вам ещё до западной культуры.

— Чулки я тебе, Аннушка, заштопала, жакетку подлатала, — бормотала, думая о своём, Мария Ивановна.

— Дело давнее, да не идёт всё из головы, — тихо перебил жену Михаил Петрович. — Думал, когда замуж будешь идти, тогда прощения у тебя, Аннушка, попросить. Не ведаешь, за что? Любила ты на гору Уорд взбираться. Ну, это ладно, а там на горе ещё башня была. Вот Аня и лазала туда, храбрость испытывала. А за ней и другие повадились, пока беда не стряслась. Помнишь, Клава свалилась, руку сломала? Ну, я тебя тогда, доча, первый раз в жизни вицей отстегал. Так ты, значит, того, не серчай на старого, не держи зла в душе.

— Что вы, папа! Я уж и забыла, — смутилась Аня. — А мы чего туда, Марийка, карабкались? Оттуда в ясную погоду Заонежье видать, дома различали иной раз. Другой мир, другая жизнь.

— И ещё, Аннушка, про гостей, ежели придут к нам. Старая мне давеча сказала про твою просьбу. Пусть приходят, чем богаты, тем и рады, такое моё слово. Так и передай нашим, а сама не беспокойся — примем, обогреем, накормим.

Попили чаю, перевернули чашки вверх дном, первой из-за стола поднялась Надя.

— Пойду погляжу, что на улице делается, — сказала она неопределённо и, слегка толкнув Аню в плечо, вышла из дому.

Стали надевать мешки и выяснилось, что мама незаметно положила и сущика, и банку с толчёной черникой, и топлёного молока налила в бутылку.

Аня запротестовала, но, чтоб не обижать хозяев, Марийка сунула кое-что в свой мешок.

Марийка, попрощавшись со всеми, пошла к двери.

— Постойте, вот что ещё скажу, — остановила её Люба. — Пусть приходят наши, я спрячу. Не серчай, сестра.

Она бросилась к Анне, прижалась к ней, сдерживая рыдания. Аня обнялась с отцом, потом с мамой. У той опять зажало сердце, и она осела на кровать.

— Аня, моя Аня, — шептала она одно и то же.

9

Глаза привыкли к темноте, и подруги шли быстро, не разговаривая.

Дорога знакома Анне с малых лет, сколько раз по ней бегали в Нилое за ягодами, за грибами.

Аня шагала первой, зорко вглядываясь вперёд, Марийка за ней, то и дело оборачиваясь назад. Правая рука в отяжелевшем кармане, левая даёт отмашку или поддерживает лямку сидора.

Дорога была глухая, можно сказать, заброшенная, и всё же мало ли что. Договорились так: если опасность впереди, сразу бросок влево и назад, затем замереть и ждать.

Начало сереть, а до поворота к реке Мундукса ещё идти и идти. Прибавили шагу. Мешок у Ани словно живой подпрыгивал на спине, и это смешило Марийку, ей хотелось поговорить, перекинуться хотя бы двумя словами, но понимала — нельзя, нужно идти бесшумно, чтоб ничто не звякнуло, чтоб не зацепиться за корень на выбитой колее.

Дойдя до Мундуксы, пошли тропой, которую подсказал отец Ани, и шли до самого восхода солнца.

Сошли с тропы, повалились отдыхать.

— Видела, там развилка ушла влево? — спросила Аня. — Поехали как-то давно-давно за брусникой на двух возах мы с папой и с мамой и родители Наташи Кабаковой, моей подружки. Приехали мы сюда, свернули на ту развилку, нашли старые вырубки, остановились. Нас, детей, оставили поближе к телегам, сами подались вперёд. На всякий случай спички нам оставили. Собираем мы ягоды, на воз носим, веселимся, вдруг что-то рядом как хрустнет, как затрещит! Кто-то из девчат в крик: «Медведь шастает!», ребятня малая заплакала, Наташка ко мне. Я тут спичку чирк, хворост подожгла, мы кулеш собрались варить к обеду, ребятишки ко мне сбежались, повеселели, теперь пусть сунется. Так и неясно, кто приходил — мохнатый хозяин тайги поглядеть на нас, или просто почудилось. Хотя кони храпели сильно.

Снова шли по дороге, потом длинной просекой, тропкой, иногда сверялись с компасом. Забившись в густой молодняк, поспали, дежуря по очереди.

Снова шли всю ночь и в шесть утра под холодным моросящим дождем неожиданно уткнулись в Свирь. Оглядевшись и поняв, что место тут всюду открытое, хоженое, свернули в лес и пошли, держась берега реки. Миновали брошенные бараки, обогнули какое-то небольшое село, прилепившееся у реки, дважды

переходили накатанную автомобильную дорогу, слышали урчание трактора в лесу, финский говор.

Шли долго, пока не свалила усталость. Отдохнув, прошли ещё километров десять, подошли к берегу, огляделись. Он показался пустынным, финских солдат не видно было ни с этой, ни с той стороны. Река поворачивала, и подруги рассудили, что течение на изгибе должно быть меньше.

Перекусив и спрятав мешки, пошли по лесу, приглядываясь к валежинам, но все деревья валялись большие, а пилы у них не было.

Повернули к берегу, в лозняке приметили два старых топляка, попытались выкатить на сухой песок. Брёвна были сырые и толстые, но всё же девушки подтянули их вверх, приободрились — начало есть.

В лесу отыскали сухую вершинку, приволокли к берегу, спрятали в кустах, увидели близ старой дороги хороший, кем-то давно спиленный кругляш, стали катить, да сил не хватило, бросили. Решили — трёх брёвен хватит для плота, чтоб держаться за него да одежду с сидорами положить.

Отдыхали до сумерек, а потом пошли мастерить плот. Брёвна, в отличие от тех, которые заготовил когда-то Маунумяки, были скользкие, длинные, а главное — без сучков, и верёвке не за что было зацепиться, она давала слабину, ёрзала по топляку.

За одной бедой — другая: на противоположном берегу в километре друг от друга вдруг ярко зажглись сторожевые костры. Патрульная моторка проходила регулярно раз в час — Марийка засекла время, но патруля они опасались не очень, больше растревожили костры. При вспышке пламени отчётливо видны были силуэты солдат, подчас казалось, что слышен их смех, разговор.

— Вечная несправедливость, — ворчала Марийка, — где этот дождь, который мочил нас неделю назад, пусть бы он пролился на эти дьявольские фейерверки.

— Течение быстрое, и нас отнесёт вон туда, за поворот, костров там не видно. Выплывем за милую душу, — утешала Анна.

— А вдруг у них прожектор?

— Уж давно бы елозили им по воде. От костра света мало, не увидят. Меня беспокоит другое — вода уж больно похолодала, ну да за плот уцепимся и айда, одно удовольствие. С детства я любила на лодке кататься, сплю и вижу — вёслами гребу, капли беленькие скатываются. Верхом на лошади страшновато, потом на велосипеде научилась. Едешь, а мысли всё заняты, как бы не свалиться да в столб не шарахнуться. В лодочке совсем иной

коленкор — о чём только не передумаешь, и мысли на воде светлые, чистые. Петь мне всегда хочется в лодочке. Говорят, и у других так. Алёша то же самое сказал, как мысли мои подслушал.

Раз, правда, в детстве я чуть не утонула. Ребята завезли меня с Наташкой Кабаковой далеко на лодке и столкнули во всей одежде. Мы поплыли, умучились, у самого бережка начали уж воду глотать. Выбрались всё же, потом смеялись. Позже без мальчишек стали кататься, чтоб снова баловства не вышло.

Плот кое-как связали, гвозди выбросили — стучать нельзя было — услышат. Из вещмешков вынули финские газеты с записями, документы, листовки.

— Всё ценное возьмёшь ты, Мария, — твёрдо сказала Анна.

Марийка вложила паспорт Марии Ивановны, карточки, пропуск в непромокаемый пакет, взятый ещё в Беломорске, завязала, затянув бечёвку зубами. Газеты обернула тонкой клеёнкой и всё это аккуратно спрятала под оторванную подкладку берета. Для надёжности поверх берета повязала косынку, крепко затянула её под подбородком. Аня улыбалась, увидев, каким грибом торчал на её голове берет. Марийка побегала по берегу у кустов тальника, попрыгала — всё в порядке: берет сидел надёжно. Потом, подумав, развязала косынку и туда же, в берет, положила браунинг и часы.

— Всё свое ношу с собой, — пропела она, помогая Анне засунуть в её беретик финские листовки, плакаты, оба паспорта, выданные им в Беломорске. Анна по примеру Марийки туда положила пистолет.

Привязав косынками береты, сняли жакетки, юбки, обувь, связав их в два узелка, положили всё это на плот, туда, где уже лежали вещмешки, оттолкнулись и поплыли.

С первых же минут плот стал почти не управляемым, длинные брёвна задвигались, он никак не хотел плыть на середину реки. Девушки толкали его изо всех сил, потом, уцепившись левой рукой, гребли правой, помогали ногами.

Под конец, когда до середины Свири оставалось совсем немного, какое-то новое течение подхватило плот, верёвка от бесконечных толчков ослабла, и среднее бревно выскользнуло из верёвочной петли, за ним другое, сидоры оказались в воде.

— Поворачиваем назад, — прошептала Анна. — Леший с ними, с мешками. Берём узелки с одеждой. Поплыли.

— А может, дальше, Аня? Рванём как следует…

— Мы с плотом долго возились. Время потеряно, поплывём вперёд — наскочим на патруль. Назад. Я приказываю.

На берегу отдохнули минут десять, растёрли друг дружке спины, чуток согрелись. И тут за поворотом застрекотала

патрульная моторка.

— Молодец, командир, — шлёпнула Аню по голому плечу Марийка. — Чутьё времени у тебя классное. Гляди-кось, уже заря зарозовела, полоска аленькая пошла.

— Комары-то, комары-то как взъелись, господи милостивый, — махала Аня веткой тальника по ногам, по спине.

Моторка прошла мимо, с того берега ей крикнули по-фински, что кругом всё в порядке. Это Аня и Маша слышали, уже входя в воду.

— Скорее, Аннушка, рассвет наступает.

До середины реки они гребли одной рукой, во второй держали свёртки с одеждой — выплывут, сразу переоденутся в сухое, да и плыть без одежды легче. Всё чаще и чаще Анна меняла руку, и, наконец поняв, что деваться некуда, тихонько положила свою одежду на лёгкую волну. Вскоре и Марийка оттолкнула свой узелок.

Вот уже остались позади костры, вот уже можно различить крутой песчаный берег. Холодное течение вдруг мощным водоворотом поднялось из глубины, и вмиг от него заныло в груди, одеревенели ноги.

— Марийка, как ты?

— Держусь.

Проплыли ещё немного, и Аня почувствовала грызущую, ноющую боль в левой ноге. Сначала подумалось, что это заныла рана, натёртая пьексом, потом с ужасом холодный пот выступил на лбу — поняла: судорога!

Ноги опустились вертикально и, словно чугунные, потянули всё тело вниз. Анна лихорадочно замолотила руками, уже не саженками, а просто так, перед собой. Стало тяжело дышать, каждый удар отдавался в висках. Аня изо всех сил работала руками, хотя умом понимала, что нужно не торопиться, успокоиться, перейти на редкие взмахи, может быть, лечь на спину, отдохнуть. Легла и тут же перевернулась — бумаги, намокнут бумаги в берете! Ноги снова потянуло вниз.

Впереди взлетела белая ракета и медленно осела в реку. Анна глянула на гаснущий огонёк и ушла под воду. Когда вынырнула, увидела рядом Марийку, протянула к ней руку. Марийка подставила плечо, и они, тяжело дыша, поплыли дальше к левому берегу.

Каждый метр давался с невероятным трудом.

— Аннушка, вон уже травку вижу. Ещё немножечко. Ну, греби, милая, греби.

— Всё кончено. Нет сил. Ногу свело.

— Не смей! Не вешай нос!

Впереди закраснел ещё один сторожевой костёр. Марийка увидела его, сжала зубы, собрав остаток сил, рванулась к берегу. Ещё рывок, ещё два, ещё десять, ну, двадцать гребков — и всё. Попыталась пощупать дно, дна не было, а рука Анны на плече ослабла. Вдруг она разжалась совсем. Марийка оглянулась — Ани не было рядом.

Обмерев, она рванулась назад, пошарила руками под водой, наткнулась на безжизненную Анну, подтолкнула её наверх, и та, будто проснувшись, клещами вцепилась в руку Марийки, чуть выше запястья.

Обезумев от страха, схватившись свободной рукой за свой берет, Мария ногами оттолкнула Анну. Пальцы Ани разжались, голова повернулась к Марии, глаза были широко открыты, в горле клокотала вода.

— Прощай, мамочка… Сейчас закричу. Не хочу умирать, не хочу…

Анна прильнула к своей правой руке. Потом, уже на берегу, Маша поняла — она закусила руку, чтобы не крикнуть, чтобы не всполошить часовых, чтобы уберечь её, Марийку.

Мария, шатаясь, вышла на мягкий травянистый берег, долго-долго, не чувствуя холода, стояла и вглядывалась до боли в тёмную реку, над которой тихо занимался красноватый рассвет.

Она ходила по берегу, пока совсем не рассвело. Дважды в обе стороны прошли моторки, в них сидело по трое солдат с автоматами, потом сипло прогудел чёрный закопченный буксир, ведя за собой небольшую гонку с лесом.

Мария поднялась на обрыв, обернулась на засиявшую под восходящим солнцем Свирь, упала на колени и беззвучно зарыдала.

Солнце подсказало путь, и она пошла на юг, продираясь через мелколесье, сквозь густой сосновый молодняк. Сама не зная зачем, Мария вынула браунинг, отвела затвор, загнала патрон.

Комары вились тучей, жаля беззащитное тело. Мария нацепила на себя берёзовые ветки, несколько штук заткнула за пояс, но это не спасло от звонкоголосой, пискливой тучи.

До вечера Мария пережидала на вырубке, соорудив в мелколесье кургузый шалашик, забываясь в тяжком тревожном сне. Разбудил её мягкий шелест дождика, от этого шороха стало вдруг уютно, и никуда не хотелось идти. Но она поднялась, опоясалась косынкой, затем, немного поколебавшись, вдела косынку в скобу пистолета, поставив его на предохранитель, поглубже надвинула на лоб драгоценный берет и тронулась в путь.

Шла всю ночь, пересекла две дороги, к утру, напоровшись

босыми ногами на кусты дикой малины, поняла, что хочет есть. Малина не совсем поспела, но Марийка этого не замечала. Неподалёку стояли ещё бо**о**льшие заросли малинника. Натаскав туда мха, прикрывшись берёзовыми ветками, Мария заснула.

Проснулась, снова поела малины, пока не заныли от кислого зубы, стала думать, куда идти. Серые тучи накрыли солнце, но мох на старых елях чётко показывал, где север, и Марийка снова двинулась вперёд.

Минул ещё один день, и ещё. Время стало путаться, в голове был туман, потом она долго не могла заснуть, её знобило, она залезала под ветки, но никак не могла согреться, сжималась комочком, подогнув к подбородку ноги, уже не обращала внимания на злых вечерних комаров и жалящих дневных слепней. Зубы мелко стучали, расцарапанное ветками, сучками тело покрылось гусиными пупырышками. Мария стала впадать в забытье, а однажды проснулась, тронула горячий липкий лоб и поняла, что заболела.

Гоня прочь чёрные мысли, она поднималась и шла на юг, твердя про себя одно и то же: «Я должна, я должна. Я не имею права умереть. Наши близко, наши рядом. Ведь от Свири до линии фронта всего тридцать километров. Надо терпеть. Уже скоро, совсем скоро, ещё час, ещё полчаса…»

Всё чаще и чаще она спотыкалась, падала. Окровавленные, опухшие ноги отказывались повиноваться. Тогда Мария поползла. Сто метров, двести, пятьсот. Труднее всего давались валежины, обходить их сил не было, и она карабкалась по сухим колючим ветвям, падала животом на острые сучья, сползала вниз, отлёживалась и ползла дальше.

Уже на теле не было места, где бы не темнел синяк, где бы не запеклась кровь. Лицо набрякло, левая рука то и дело хваталась за голову — на месте ли берет, правая судорожно сжимала рифлёную рукоятку браунинга.

Молодой, чернобровый красноармеец, поставив меж колен винтовку, сидел по-хозяйски в траншее и покуривал самокрутку. Сладко затянувшись и пустив дымок вверх, он вдруг сквозь птичье многоголосье услыхал то ли женский стон, то ли смех. Решив, что это ему померещилось, он докурил «козью ножку», стал подниматься и тут же осел назад — к брустверу подползало странное существо с пистолетом в маленькой руке. Перебежав в дальний угол траншеи, боец, клацнув затвором, осторожно выставил винтовку, а затем выглянул сам — слева, тяжело и часто дыша, лежала лицом вниз девушка в чёрном берете, глубоко надвинутом на лоб.

— Стой! Кто идёт? — заорал боец.

Девушка слегка подняла голову, подтянула руку с пистолетом, сузив воспалённые глаза, вгляделась в расплывающуюся фигуру с трёхлинейкой, увидела малиновую звёздочку на пилотке, и голова её снова упала.

Очнулась Мария в мрачном длинном блиндаже оттого, что ей вливали в рот тёплый сладкий чай. Она попыталась подняться с топчана, увидела, что лежит, укрытая шинелью. У небольшого окошка за столиком тихо переговаривались военные. Один из них, взглянув колюче на Марию, спросил по-фински:

— Montako teitä on? Missä ovat loput? Mikä oli teidän tulonne tarkoitus meidän sotajoukkojemme asemiin?[6]

У неё всё снова поплыло перед глазами, но она всё же дотронулась до головы. Берет был на месте. Марийка подтянула его под щёку и снова потеряла сознание.

Опять её поили чаем, трясли за плечи, повторяли всё те же финские фразы.

— Нечего с ней нянчиться! Пошевелите как следует! — крикнул от окна звонкий голос по-русски. — Здесь каждая минута дорога, может, эта «Святая Лотта» где-то уже финками в нашем госпитале орудует. Они мастаки по таким тихим делам. Или ты забыл, Фёдор, Петровский Ям? А вы, младший лейтенант Вигонен, продолжайте допрос, да поживее.

— Kuulutko sinä Lotta Svärd järjestöön?[7]

— Пошёл ты к чёрту, — прошептала по-русски Марийка и, улыбаясь запекшимся ртом, начала подниматься с топчана.

— Мне нужен командир батальона или начальник штаба, — сказала она, медленно разлепляя губы.

— Кто ты такая? — спросил Вигонен по-русски.

— Я всё скажу командиру батальона.

— Ты русская?

— Да. Возвращаюсь с задания. Прошу вас, ну пожалуйста, позовите командира. Мне плохо, я пять дней ничего не ела, у меня жар. Поскорее, товарищи.

Военные пошептались и, оставив около Марии Вигонена, быстро вышли из блиндажа. Минут через десять ей принесли тёплой гречневой каши и чашку компота. Марийка набросилась на еду, но вскоре ложка выпала из рук — не было сил, и Вигонен стал кормить её, как маленькую.

Марийка допивала компот, когда дверь блиндажа стукнула, и к ней шагнул плотный, широкоплечий военный.

— Командир батальона Буханец, — сказал он, взяв табуретку и подсаживаясь к Марийке. — Вы свободны, Вигонен.

— Извините, но покажите ваш документ, — прошептала Мария.

Буханец вытащил небольшую книжечку, поднёс её к глазам Марии.

— Я разведчица. Соедините меня с 32-м. Как можно скорее.

— Вас понял. Идти можете? Телефон совсем рядом, в соседнем блиндаже. Я помогу вам.

Буханец надел на Марийку шинель, застегнул пуговицы, взял под руку, повёл по ступенькам вверх. Толстыми, окровавленными ногами она медленно ступала по аккуратной дорожке, усыпанной чистым белым песочком. Прошли мимо часового, который испуганно оглядел их и, отдавая честь комбату, так и остался с поднятой к пилотке пятернёй.

Связист крутнул ручку полевого телефона, скороговоркой выпалил позывной, протянул трубку комбату.

— Мне 32-го. Хорошо, подожду. Товарищ 32-й, на проводе капитан Буханец, комбат-3, 1065 полка. У меня здесь девушка. Да, да, оттуда. Слушаюсь, передаю.

— Товарищ 32-й, — прошептала Мария. — Товарищ 32-й, это я, Мария. Помните? Товарищ Сычов, задание выполнено. Рады? Погодите. Аня погибла, моя подруга, мой командир. Утонула, когда переправлялись через Свирь. Пять дней назад. Доложите, пожалуйста, Могикану в Беломорск. Срочно. Кончаю связь. Мне плохо, я заболела. Спасибо, буду ждать. Хорошо, передаю телефон.

Сычов распорядился коротко и понятно.

— Слушай внимательно, Буханец. Девушку эту одеть, умыть, накормить и спать положить. Я тотчас высылаю машину. С ней — никаких разговоров, не задавать никаких вопросов. Контакт ограничить до минимума. Вигонен у вас? А Логинов — переводчик из штаба корпуса? Пусть Логинов и сопровождает её. Выделите двух автоматчиков. Девушку в кабину, автоматчиков в кузов. До связи.

…Вечером Марийка уже была у Сычова. Он посадил её рядом, пошутил, что ей очень идёт военная форма. Зазвонил телефон.

— Это Беломорск, уже шестой раз. Говорите, Маша, на проводе Могикан.

Марийка встала, медленно поднесла тяжёлую трубку и услышала вдали такой непохожий голос Андропова, который повторял одно и то же:

— Марийка, держись. Слышишь меня? Держись, Марийка, держись. Я всё знаю, всё, поняла? Мне Сычов сказал. Жди самолёт. Жди самолёт.

— Юрий Владимирович, Аня умерла. Аннушка наша утонула…

Трубка замолчала. Марийка сильнее прижала её к уху. Линия

щёлкала, гудела, потрескивала.

— Анна Лисицина погибла за Советскую Родину, за наше бессмертное дело, Мария.

10

Утро выдалось такое погожее, что казалось, лето вновь вернулось в Беломорье. Лучи солнца ласково пригревали уже местами пожухлую траву, быстро сушили широкие ступени крыльца, которые только что протёрла шваброй уборщица.

Андропов увидел тётю Дашу с конца улицы и порадовался, что он не первый пришёл в свой уютный деревянный, пусть тесный, домик. Ему всегда нравилось, как тётя Даша неторопливо переставляла на столах чернильницы, протирала косточки счётов в бухгалтерии, ловко шаркала шваброй.

В коридоре пахло вымытыми полами, свежий ветерок гулял в комнате инструкторов.

— Вы сегодня какой-то нарядный, Юра, — тётя Даша пристально оглядела Андропова, его отутюженные брюки, серый старенький пиджак, белую рубашку, до блеска начищенные чёрные туфли.

— Солнечное утро в Беломорске всегда праздник, тётя Даша, — весело сказал Андропов, приглаживая короткий ёжик волос, и мельком глянул в осколок разбитого зеркала, перед которым всегда охорашивались девочки-инструкторы. На висках седина, у глаз, у рта резче обозначились печальные морщинки.

Он вошёл в свою комнатку, сел за стол, посмотрел в окно. Улица была пустынной, лишь вдалеке, еле видимый, подпрыгивал на ухабах грузовик.

Андропов открыл сейф, перебрал стопку папок, выбрав из них две, одна совсем тоненькая, другая потолще. На первой, тоненькой, справа вверху стоял, как обычно, гриф «совершенно секретно», внизу посередине чётко его рукой было выведено: «Лисицина Анна Михайловна». Документов в папке лежало совсем немного: анкета, автобиография. *«Семилетку окончила с Похвальной грамотой, восемь месяцев работала библиотекарем. Отозвана в распоряжение ЦК комсомола республики»,* — прочитал Андропов. Дальше шли: рекомендация Медвежьегорского райкома комсомола, куда входил посёлок Сегежа, заявление Лисициной с просьбой отправить её на фронт. Почерк строгий, чёткий, высокие буквы с небольшим наклоном влево. Здесь же в папке была подшита машинописная копия «Плана работы ЦК ЛКСМ К-ФССР по подготовке и созданию РК ЛКСМ и первичных комсомольских организаций на территории, временно занятой противником».

Андропов пробежал первый лист, быстро перевернул его, нашёл четвёртый раздел, стал читать:

4. Организовать ходку в Шелтозерский район для проверки явочной квартиры в деревнях: Ржаное Озеро, Житно-Ручей. Подготовку начать с 7-го мая. Срок выброски 20—25 мая 1942 года. /Лисицина, Новожилов. С разведотделом штаба фронта/

Секретарь ЦК ЛКСМ К-ФССР Андропов

25.04.42 года.

Прочитав ещё раз этот раздел, Андропов подчеркнул карандашом фамилии. Да, он был прав, настояв на посылке Мелентьевой вместо Новожилова, тот вскоре пригодился в другом важном деле. Перекинув два листика, на третьем увидел абзац, дописанный своей рукой.

Подготовлена Лисицина. Имеет задание проникнуть в деревню Житно-Ручей Шелтозерского района, где в доме своей матери подготовит квартиру для секретаря РК ЛКСМ и радиста, после чего возвращается, имея финский паспорт.

Далее шли страницы «Оперативного плана», легенда Лисициной.

Последним лежал его черновик.

3 августа 42 года в тыл врага готовится секретарь подпольного Шелтозерского РК ЛКСМ Догоняева Ульяна Родионовна, 1919 года, карелка. Из Тунгудского района, муж в РККА.

Идёт в Шокшу. Оседает в доме Бошакова на один-два месяца. Помощники — Мякишева Евгения и Курганова Мария из Шелтозера.

Установить связь с работниками ЦК ЛКСМ Лисициной и Мелентьевой в Житно-Ручье. Пароль:

«Хозяева, дайте прохожему напиться.»

Андропов перевернул последнюю страницу и увидел комсомольский билет Лисициной, который она отдала ему перед отправкой группы в Шелтозерье. Он поднёс билет близко к

глазам, будто видел его в первый раз, стал вчитываться в каждое слово.

> «Комсомольский билет № 6062372. Время вступления в ВЛКСМ — апрель 1939 года. Наименование организации, выдавшей билет — Дзержинский РК комсомола г. Ленинграда. 15 июня 1939 года».

Расписалась Аня большими длинными буквами, тщательно выписывая каждую.

Солнышко весело светило в окно. Андропов распахнул створки, и свежий ветерок осторожно шевельнул листки, подшитые в папке. Замурзанным замшевым лоскутком Андропов тщательно вытер перо, достал чистый лист бумаги и медленно вывел: «Погибла при выполнении боевого задания 4 августа 1942 года».

Отодвинув от себя этот лист, он подпёр голову двумя руками, закрыл глаза и сидел так долго-долго, пока не услышал, что его кто-то окликает с улицы. Хитровато посмеиваясь, у окна стоял Власов, ровный пробор светился средь влажных, тщательно причёсанных волос.

— Какую думу думаешь, секретарь? Три раза окликал, а он даже не дрогнул.

— Можешь зайти на минутку, Иван Владимыч?

— Некогда, дорогой Могикан, сегодня у меня три совещания. Так что ещё увидимся, наговоримся. Что с Мелентьевой?

— В госпитале она, там, за Свирью. Воспаление лёгких. Спасибо Сычову, лекарства хорошие достал. Бредила два дня, так он своего часового у палаты посадил. Врачи обещают дней через десять поставить на ноги.

— Скорее бы увидеть, что там они раздобыли.

— Я тоже жду с нетерпением, Иван Владимирович. Сычов намекает — сведения дельные. А коли так, надо девушек наградить. Если ты не против, я поговорю с Куприяновым, с Куусиненым.

— Добро. Представлять к ордену надо, но давай всё же дождёмся Мелентьеву, получим её донесение, взвесим его со всех сторон.

Власов зашагал дальше по улице Северной к ЦК партии. Андропов глядел ему вслед и думал, что судьба щедра была к нему на хороших людей.

Во второй папке лежали документы Мелентьевой. Анкета одна, затем другая, специальная, на нескольких плотных листах. Взгляд Андропова задержался на автобиографии. Он невольно улыбнулся — школьный почерк, упрощенная конструкция фраз,

слово «безвыездно» написала раздельно.

Я родилась в 1924 году 25 марта в К.Ф.С.С.Р. в Пряжинском р-не, село Пряжа в семье крестьянина Мелентьева Владимира Аверьяновича. Родители до революции и после революции занимались крестьянством. В 1931 году они поступили в колхоз «Красная Пряжа». Родители жили безвыездно в Пряже до 1942 года…

…В 1931 году я поступила в пионеры, а в 1939 году в члены В. Л. К. С. М.

С первого дня Отечественной войны я работала в госпитале 2232, а затем по отношению ЦК Л.К.С.М. была откомандирована на работу в госпиталь 2213, где и работала до 28 марта 1942 года.

Внизу стояла чёткая разборчивая подпись и дата — 8.04.42 г.

Андропов вспомнил, как здесь, в этой комнатке, дал Марийке лист бумаги, и она, склонив набок голову и чуть высунув кончик языка, старательно писала свою биографию. Написала быстро, потому что нечего было писать — родилась, пошла в школу, приняли в комсомол, работала в госпитале. Биография только начиналась, так же, как и у Анны. И так же вдруг могла оборваться.

На небольшом листке с чернильным штампом слева была напечатана характеристика.

Прибыла в Полевой Подвижной госпиталь 2213 23 августа 1941 года для работы в перевязочно-питательном пункте.

Проявила себя исключительно дисциплинированной, инициативной, энергичной комсомолкой. Работая добросовестно и чётко, изучила ряд медпроцедур, которые успешно выполняла под руководством медицинской сестры.

Проводила систематически читки газет и беседы среди раненых и больных. За хорошую работу имела ряд благодарностей от бойцов и командиров.

Хорошую работу т. Мелентьевой командование госпиталя отметило в приказе.

Вследствие семейных обстоятельств т. Мелентьева откомандирована из госпиталя 27 марта 1942 года.

Начальник ППГ 2213 военврач 3-го ранга Лебеденко.
Военком ППГ 2213 политрук Шестаков.

— По семейным обстоятельствам, — прошептал Андропов, и снова еле заметная улыбка проскользнула в уголке рта. Он вспомнил, как через два дня Мария уже сидела на его лекции по истории партии в классе спецшколы. Была она в гимнастёрке, коротко подстрижена, сидела не шелохнувшись, иногда быстро делала записи в тетради.

Отмечая её старательность, дисциплинированность, тягу к военному делу, умение сплотить вокруг себя товарищей, Андропов сразу же стал подумывать о том, как лучше использовать Мелентьеву после окончания короткого курса спецшколы. Поговорив с Фёдором Кузнецовым и услышав от него, что Мелентьева действительно девушка боевая, инициативная, окончательно утвердился в мысли — Мелентьеву можно рекомендовать секретарём Олонецкого подпольного райкома комсомола.

Переговорив с Марией и получив её согласие, Андропов заполнил особую справку для утверждения Мелентьевой в ЦК партии республики. Коротко изложив данные биографии, он дал своё заключение: «Тов. Мелентьева работала пионервожатой и секретарём первичной комсомольской организации. Владеет карельским, русским, финским языками. Имеет большое желание работать на комсомольской работе. Обладает смелым и решительным характером. Работая на фронте, в боевой обстановке показала себя смелой и энергичной».

Прошло совсем немного времени, и обстоятельства изменились. В Олонец было решено послать местную карелку, журналистку районной газеты «Колхозник» Анастасию Звездину.

Не называя фамилию Звездиной, Андропов сообщил об этом Марии, та огорчилась, но узнав, что ей вскоре будет предоставлена другая боевая работа, быстро успокоилась. Ему тогда так хотелось сказать, кто будет заброшен в Олонец, он знал, что Марийка и Настенька — давние знакомые, однако по законам конспирации пришлось воздержаться.

Жизнь подтвердила правильность его решения — с ценными сведениями возвращается Мелентьева, успешно действует Олонецкое подполье во главе с секретарём райкома партии Деляевым, его заместителем Звездиной и радисткой Филипповой.

Перекинув два листка, Андропов увидел копию списка, который он подавал Куприянову.

Совершенно секретно.

Список членов ВЛКСМ, посланных на подпольную работу в тыл врага в с. Шелтозеро.

1. Лисицина А. М. 1922 г. — зав. клубом.

2. Мелентьева М. В. 1924 г. — санитарка полевого госпиталя.

29.06.42 г. Секретарь ЦК ЛКСМ К-ФССР Андропов.

Далее следовал «Оперативный план» действий в Шелтозерском районе, легенда Мелентьевой.

В конце папки лежал комсомольский билет. Андропов раскрыл серую книжечку. «№ 17014334. Время вступления в ВЛКСМ — февраль 1939 года. Наименование организации, выдавшей билет, — Пряжинский РК ЛКСМ».

Андропов взял ручку, подвинул к себе лист бумаги.

Заведующему организационно-инструкторским отделом ЦК КП(б) К-ФССР тов. Власову И. В.

1-го июля 1942 года в Шелтозерский район были направлены связные ЦК партии А. М. Лисицына и М. В. Мелентьева. Проделав нелёгкий путь, они достигли д. Рыбрека, организовали там явочные квартиры для партийных работников, добыли ценные разведданные.

Возвращаясь назад, при переправе через р. Свирь, А. М. Лисицина утонула.

Тов. Мелентьева в течение пяти дней после переправы через реку Свирь бродила по лесу, по месту расположения вражеских войск без одежды, без пищи, ночами пробираясь к своим…

Андропов решил поправить последнюю фразу, она ему чем-то не понравилась, потом, подумав, отложил ручку, глянул на часы и позвонил Станиславу Пашкевичу, которому недавно поручили заниматься организацией радиосвязи.

— Уже на посту? Мы тоже, — сказал Андропов. В соседних комнатах захлопали двери, закашлял Петров — второй секретарь, засмеялись в инструкторской девушки. — Хочу тебя, Стась, обрадовать — передатчик, который мы с тобой присмотрели в пароходстве, нам отдают. Правда, отдают без восторга, но я их уговорил, убедил, что передатчик этот им без надобности. Теперь второе — скоро поедешь в Москву за маленькими рациями для

наших подпольщиков. Первый секретарь ЦК комсомола Михайлов вчера мне обещал посодействовать. Большое дело закрутим, будет у нас повседневная связь с нашими людьми. Хватит работать вслепую. И третье. Ты уж извини, Стась, что надоедаю каждый день, но у голодной курицы одно на уме — просо. Помоги мне, пожалуйста побыстрее поговорить с нашим другом Сычовым. Спасибо, буду ждать.

Андропов положил папки в сейф, достал оттуда свою походную планшетку, вынул из неё клеёнчатую тетрадь для заметок, быстро пробежал глазами записи, сделанные накануне вечером перед уходом домой.

1. Вариант нового пароля для Кайху Сало: «Сегодня на севере ярко светят звёзды». Отзыв: «На юге они должны светить ещё ярче».

2. На 9.20 встреча с М. В. Бультяковой. Отработка контактов. Пароли. Финские газеты, листовки. Пусть сделает перевод.

3. Лекарство для Нины Лебедевой!

4. Просьба командования фронтом — нужны сандружинницы. Обсудить со своими на бюро.

5. Взять 18-й том Ленина. Уточнить формулировку Ильича для лекции в спецшколе.

6. На 19.45 встреча с собкором «Комсомольской правды» Татьяной Смолянской. Обсудить, как можно дать в газету очерк об Анне и Марии. Скажем — другой район действий, другая река. Возможно, они пришли из партизанского отряда товарища А. или В.

Резко зазвонил телефон, Андропов схватил трубку.

— Да, да. Это снова я, товарищ Сычов. Как наша Марийка? Понятно, понятно. Температура нормальная? Радостная весть, спасибо! Передайте ей привет от всех нас. Ждём. Будем готовить самолёт. Наклёвывается оказия у Опрышко. Я с ним всё время в контакте. Спасибо ещё раз. Конец связи.

Андропов положил трубку, ласково поглядел на неё, встал, руки пошли по привычке разгонять складки гимнастёрки под ремнём, но, наткнувшись на пиджак, остановились. Стремительный, радостный, он вышел к инструкторам и, забыв поздороваться, громко сказал:

— Ребята, Маша Мелентьева поправляется, температуру сбили. На той неделе будет с нами!

11

Над Шелтозером голубели дымы, мирные, успокаивающие. Женя Мякишева шла по горбатой улочке, процокала каблучками по тесовому мосту, глубоко вдыхала свежий утренний воздух, и ей казалось, что никакой войны нет, что всё идёт своим прежним ходом.

Первый же встречный отведённым в сторону взглядом напомнил Жене, что происходит вокруг и кто есть она в этой новой жизни. Гляди-кось, и тётка Галя не поздоровалась, и дед Андрей будто закашлялся от махорки, закрыл глаза рукавом.

Женя усмехнулась, она уже привыкла, что одни не замечают её, а другие раскланиваются с ней, как с барыней, норовят пожать руку, умиляются, какое платье красивое сама себе пошила, какое кружево сплела к воротничку…

На небольшой площади районного Дома культуры, который финны переделали в церковь, стояли крытый брезентом грузовик и чёрная немецкая легковушка «BMW», рядом прохаживался часовой, сжимая в больших крестьянских руках автомат «Суоми».

В коридоре комендатуры сидел дежурный полицай, хромой Гришка, из своих, местных. Женя поздоровалась, показала головой назад, на улицу.

— Какая-то шишка, — ответил полицай. — Капитан Ориспяя прибежал только-только. Галетой хрустел на ходу, к себе в кабинет повёл. Видать, гость из Хельсинки, раньше не было у нас такого. Мундир военный, на кителе значок серебряный — рука рыцаря держит меч. Такую штучку я видел у одного пузана в полиции в Петрозаводске, тоже важный чин, может, генерал даже. Я этому гостю нашему под козырёк взял, а он — ноль внимания, сквозь меня глядит.

В большой комнате, где раньше был читальный зал библиотеки, они сидели втроём: Лена Захарова, Клава Мартынова и она — Евгения Мякишева. Все трое выписывали паспорта, а Женя как старшая паспортистка носила их на подпись к шефу — начальнику штаба полиции капитану Ориспяя, там же при нём ставила круглую печать. Паспортный учёт вели в специальных толстых книгах по деревням. В других амбарных книгах стояли фамилии тех сельчан, кому выдавались продовольственные и промтоварные карточки. Чтобы не создавать столпотворения, которого страсть как не любил Ориспяя, девушки шли выдавать карточки в назначенные дни в помещение школы.

Женя причесалась у зеркальца, влажной тряпочкой вытерла столы, полила цветы в консервных жестянках, которые Ориспяя

велел обклеить цветными бумагами, достала амбарные книги, взяла из шкафа квадратную бутылочку с тушью, привезённую из Финляндии специально для заполнения паспортов.

С нетерпением ожидала этот день Женя. Сегодня, 10 августа, её верная подруга Маша Мартынова, продавщица единственного в селе магазина, должна открыть ей вечером какую-то важную тайну.

Пришла Клава, тоже заинтересовалась приездом гостя в столь ранний час.

— Со стороны Вознесенья прикатил, охрана в грузовике, — шепнула Женя, — видела моя соседка. Может, уже началось?

— Слышно было бы, — тихонько ответила Клава. — Если пушки наши громыхнут, в штабе стёкла заиграют, — усмехнулась она и, уткнувшись в толстую тетрадь, заскрипела пером.

Ориспяя ценил красивый почерк Клавы, всегда находил повод похвалить её за это, но всё же чаще отмечал барышню Мяккинен, так он любил называть Женю, за то, что она меньше других ошибалась при заполнении паспортов, а значит, меньше уходило бланков.

Лишь через час вышел с гостем Ориспяя, услужливо открывая перед ним дверь и покорно склонив голову. Тихим и озабоченным он вернулся в свой кабинет. Таким его Женя ещё не видела. Все вокруг знали — Ориспяя ни перед кем шапку не ломает, ровен всегда со всеми, говорит, не повышая тона и не лебезя. Высокий, крепкий, словно влитый в серый офицерский френч, всегда в начищенных высоких сапогах, в фуражке, заломленной седлом на немецкий манер, он был здесь, в Шелтозере, хозяином, первым лицом. Часто местные люди, видя его силу, уверенность, называли капитана господином правителем, господином начальником, и Ориспяя не протестовал, понимая, что он ближе к сельчанам, чем другие его коллеги. Многих в своём районе он уже знал в лицо, знал по имени, по фамилии, не гнушался перекинуться парой слов, спросить, нет ли в чём нужды. Если надо было помочь, скажем, достать дефицитный красный стрептоцид или выделить лошадь для вспашки огорода, которую сельский староста почему-то никак не хотел давать, Ориспяя вмешивался в дело, иногда при людях делая внушение и даже разнос тому же старосте или полицейскому за чёрствое отношение к вепсам — младшим братьям финнов, как он любил говорить.

Ориспяя принял должность начальника штаба с большой внутренней радостью, и не потому, что получил беспредельную власть здесь, в маленьком княжестве вепсов, так он величал Шелтозерье, а потому, что видел свою высокую миссию в деле

слияния карел и вепсов в единый монолит дружбы и силы с последующим объединением под крылом Великой Финляндии от Балтики и Онего до далёкого Урала. Он видел перед собой серьёзную, длительную работу, понимая, как много преуспели большевики в сфере экономики, но более всего в идеологии. Это последнее занимало все его мысли, не давало покоя. Продумав до тонкости, как ему казалось, все модели поведения, Ориспяя выбрал давний метод, метод кнута и пряника, правда, поменяв их местами. В его тактике на первом месте был всегда пряник. Многое он прощал этим вепсам, делая вид, что что-то не понимает в национальных традициях, многое относя за счёт извечной нерадивости, о которой рассказывал ему, ещё гимназисту, его любимый учитель, в прошлом веке объездивший с купеческими обозами всё побережье Онежского озера.

Самое главное, и это Ориспяя часто повторял в минуты откровения, сидя за праздничным столом вместе с вепсами — старостами и полицаями или в банкетном зале Петрозаводска среди армейских офицеров разведки и высших чинов полиции, что он-де не питает зла к этому маленькому, неразвитому народу, что он глядит на вепсов как на заблудших овец, у которых был одно время умный, хозяйственный, но чужой пастух.

— Время уже делает своё великое дело, — любил говаривать Ориспяя, — в моём крае нет партизанских отрядов, нет подполья. Кстати, вепсы не трусы и могли бы придумать какую-либо заварушку, но они очень заняты — они примеряют на себя новое платье, как говорят русские, новый кафтан. И я могу свидетельствовать — этот кафтан, сшитый в нашей прекрасной Финляндии добротно и модно, им нравится.

Утренний гость не только поколебал эту устоявшуюся в душе формулу, но и вселил тёмную, неприятную смуту. Неужто за всё хорошее этот народ будет платить злом, как это уже происходит на севере и на западе, там, где живут карелы? Неужели они не понимают, что им несут высокую культуру и полную свободу? Ориспяя горько усмехнулся — откуда им, одураченным комиссарами, знать, что ещё в восемнадцатом году генерал Маннергейм поклялся не вкладывать меч в ножны, пока Восточная Карелия не будет свободной. В ответ на это — чёрная неблагодарность: карелы вознамерились сделать холодное, дождливое лето сорок второго жарким.

— Нет, — прошептал Ориспяя, — так решили сделать большевики, засевшие в Беломорске, народ тут ни при чём, карелы и вепсы не поддерживают их, они с любовью глядят на Финляндию, на её крепкий порядок.

А как же тогда понимать то, что сообщил высокий гость, —

повсюду начали возникать подпольные райкомы, советские лазутчики проникают в города и сёла, приносят газеты, листовки, а население расхватывает их, будто это конфеты?

Приезжий, пока не официально, но вполне ясно намекнул ему, начальнику штаба полиции, что факт отсутствия партизан и подпольщиков в Шелтозерье скорее говорит не о том, что их здесь нет, а о том, что глаз полиции притупился.

— Мой дружеский совет, — говорил высокий гость на прощанье, — пусть ваши люди в форме и без формы — а я надеюсь, что вы таких уже завербовали — меньше спят, меньше трескают самогона, меньше занимаются обменом стеклянных бус на древние иконы, а раскроют глаза и приглядятся вокруг. Щупальцы нашей полиции должны быть вездесущи, это нерв всей конторы, имя которой «Военное управление Восточной Карелии» и которой вы, мой капитан, обязаны служить верой и правдой, дабы поскорее стать полковником. Запомните, капитан, у большевиков в последнее время проснулся большой интерес к нашей обороне на Свири. Усилился интерес красных и к Вознесенью, к оборонительным сооружениям вдоль Онежского озера. Всё это очень тревожит наш генералитет в Хельсинки.

Уже сев в машину, гость надолго задержал руку Оришпяя в своей и, сменив начальственный тон, почти ласково сказал:

— Разумеется, мы стоим твёрдо, но, дорогой Лаури, Бог велел нам думать о счастье наших детей и внуков. Поэтому я хочу напомнить вам наш разговор, состоявшийся в начале года в столице, — ваша доля возросла и возрастёт ещё больше, если вы известными лишь вам одному способами хотя бы чуть-чуть увеличите заготовку деловой древесины во вверенном вам княжестве. Но не забывайте — лес нужен отборный, спелый, таков приказ акционерного общества «Вако». Желаю успеха и смею думать, что вы воспримите как руководство к действию все, именно все мои советы, дорогой друг и коллега.

Мысли Оришпяя прервал стук в дверь.

— Можно, господин капитан? — спросила Мякишева. — Ваше вчерашнее приказание выполнено. Паспорта на подпись готовы, но вы были заняты. Прикажете сейчас зайти или позже?

— У немцев есть пословица, которую можно перевести на наш язык так: завтра, завтра, не сегодня говорят только ленивцы. Подавайте ваши паспорта, барышня Евгения, и развлекайте меня этими странными русскими фамилиями.

— Козлова, — усмехнулась Женя, кладя на стол заполненный паспорт салатного цвета.

— Она вепс? Хорошо, хорошо, вижу по цвету бланка, но почему опять русская фамилия? Странные люди. Мы предлагаем

вам переделать фамилии на финский манер, а вы упрямитесь.

— Грошев, — сказала, как бы не слыша его, Женя и перевела на финский.

— Это уже почти смешно, — улыбнулся Ориспяя, обнажив крупные зубы. — Очевидно, из купцов. Давний человеческий порок — любовь к деньгам.

— Кукишева, — прочитала дальше Женя и сразу же попыталась перевести, но, не вспомнив, как по-фински кукиш, показала прямо в нос Ориспяя эту нехитрую комбинацию из трёх пальцев.

Ориспяя поморщился, потом, подумав, засмеялся, опустил глаза, а поднял другие: холодные, колючие.

— Скажите мне честно, барышня Евгения, — а я убедился, что вы человек прямой, — вы верите в то, что рюсся вернутся? Ну, разумеется, не сегодня и не завтра. Говорите, говорите, нас никто не слышит.

Женя подумала несколько секунд, придала голосу печальную искренность:

— К трудному ответу вы меня принуждаете, господин капитан, но если вам так интересно моё мнение — пожалуйста: я не верю, что наши — видите, как я говорю — наши вернутся. Слишком велики потери красных, слишком далеко зашли в Россию войска непобедимой немецкой армии.

Ориспяя не сводил с Мякишевой глаз, усмехнулся, опустив уголки тонких губ, протянул руку, взял глянцевые картонки паспортов, новую стопку, лежавшую около Жени, и, не читая, начал ставить свою подпись.

Картонки из-под руки капитана ложились веером. Женя, не отрываясь, глядела на них, и они стали расплываться в большое зеленоватое пятно. Зримо, чётко перед Женей встал тот памятный день.

…В полдень, когда возвращалась с обеда, на мосту её догнал неказистый мужичонка, шепнул, что он от отца, из Пудожа, что ему надо два пустых незаполненных паспорта, но с подписью и печатью. Договорились на вечерний час, в конце рабочего дня. Женя волновалась, и вдруг такое везенье — Ориспяя вызвал к себе двух нерадивых полицаев и принялся их распекать за пьянство. Женя бочком вошла к нему в кабинет, шепнула капитану, что надо срочно подписать паспорта, подсунула веером заполненные бланки, так, что виден был только низ, и Ориспяя, не прекращая своего монолога о высокой миссии полицейского, один за другим ставил свою подпись. Среди заполненных паспортов лежали два пустых. Холодные капли пота катились по спине у Жени. Вот сейчас капитан чуть-чуть отодвинет бланк,

глянет. Спасёт ли её тогда наивный лепет — случайно попали, не знаю, как так вышло, первый раз, извините…

Всё получилось — и печать, и подпись. Два драгоценных бланка получил вечером неизвестный, показав лишь загоревшимися глазами, как он рад.

— Между прочим, давно хотел спросить, где ваш отец? — донёсся как бы издалека голос Ориспяя.

— В эвакуации, — тут же ответила Мякишева.

— Да? Какие в Шелтозере лживые люди! Прямо ужас. Недавно мне одна почтенная вдова сказала, будто бы Михаил Мякишев тайно гостил здесь пару дней. Потом уплыл по Онего к Пудожскому берегу. Заходил ли он к вам, к себе домой? Не надо, не отвечайте. Вижу по глазам — не заходил, понимаю, что первый раз слышите. Всё верно — не заходил. За вашим домом было установлено наблюдение. Может быть, другой кто навещал вас, оттуда, как это красные говорят, с Большой земли?

— Господин капитан, я служу вам верой и правдой, и мне до слёз обидно такое слышать. В эти сказки я не верю — отец мой не велика шишка, кладовщик райпотребсоюза, в тридцать седьмом еле уцелел — под растрату его хотели подвести, мать все слёзы выплакала, бог услышал — спас отца. В эвакуацию он, чудак человек, добро кооперативное повёз — кули да рогожки, шило да мыло, я сама его до Вознесенья провожала, а вы говорите — партизан. Да он дед уже, и больной, и старый. Без таких большевики обойдутся, пелось в одной нашей песне. На пушку решили меня взять, в благодарность за честную службу? Спасибо вам! Да нам всем троим эта работа в вашей полиции знаете где, вот здесь, как кость в горле. На нас люди не глядят, не здороваются, вон Клаву на днях в магазине овчаркой немецкой обозвали. Я уж вам дважды говорила — отпустите. «Нет, Евгения, ты хорошо выучила в школе финский язык, ты…»

— Вы, Мяккинен, были районным начальством, — перебил её весело Ориспяя, — председателем физкультурного комитета. Вас знает молодёжь, вам верят — нам это очень важно, мы всегда им можем сказать — глядите, кто с нами сотрудничает. Мы ценим ваш патриотический шаг, направленный на службу Великой Финляндии, и если всё так хорошо у нас пойдёт, как было до этого, то я буду ходатайствовать, чтобы вас послали учиться в Хельсинки. Перед вами открывается отличная перспектива, девушка вы красивая, дородная, выйдете за добропорядочного финна замуж, сумеете сделать хорошую карьеру. И я ещё погуляю на вашей свадьбе.

— Вашими бы устами да мёд пить, — сказала Женя по-русски, потом, пошмыгав носом и смахнув невидимую слезу

ладонью, встала и изо всей силы начала бухать по картонкам печаткой с надписью «Sotapoliisin esikunta»[8].

— Не волнуйтесь, Евгения, давайте оба постараемся забыть этот досадный разговор. Мы действительно за вами наблюдаем уже давно, и я рад, что вы вне подозрений. И всё же не исключено, что вас попытаются втянуть в какую-нибудь преступную группу. Если такое случится, сразу ко мне. Договорились?

Женя кивнула, быстро собрала паспорта, вытянулась по-военному, она всегда делала так в конце разговора и видела, что это нравится капитану, спросила разрешения удалиться.

Придя к себе за стол, она взяла ручку и принялась медленно рисовать какие-то бессмысленные рожицы, лодки на озере, пасущихся коров.

Клава хотела к ней подступиться, но увидев, какой вернулась Женя от шефа, решила помолчать. Лена тоже не заговаривала, скрипела пером.

Женя и к вечеру «не отошла». Сгорбленная, постаревшая, пришла она к магазину, дождалась, пока Мария Мартынова отпустила последних покупателей, навесила новенький финский замок.

Они шли молча, и лишь когда повернули на свою улицу — жили они недалеко друг от дружки, Мария шепнула:

— Только не упади, Женечка. В прошлом месяце, в конце, Аня Лисицина приходила.

— Какая Аня? Рыборецкая? — выдохнула Женя. — Откуда приходила?

— Она самая. Не одна была, с подружкой. Говорит, пришли с партизанами в наши края, молодёжь, говорит, надо подымать.

— Почему же ко мне не зашла? Мы что с ней, чужие? Два года дружили, когда она тут с нами в Шелтозере училась.

— Вот, вот, и она вспоминала про учёбу, и как на лодке твоего отца под парусом ходили. Подкрались они было к вашей избе, да соседская собака набросилась. Утром ранёхонько приходили, в окошко стукнули. Я подхватилась, проводила к лесу. Рассказала им всё: что тебе на эту работу приказал устроиться директор МТС Александр Павлович Кярнонен, что он старый большевик и оставлен для подпольной работы и что ты сагитировала Клаву и Лену к себе в помощники, и что ты сумела сделать несколько чистых паспортов с печатью и подписью Ориспяя для человека оттуда…

Аня расспрашивала, куда ходим вечерами, — продолжала Мария, — о чём разговариваем, есть ли возможность слушать где-то радиоприёмник. Рассказала, как наши отогнали немцев от

Москвы, как держит оборону наш Карельский фронт. Рассказывает, рассказывает, а потом снова: как там Женя, как бы хотелось с ней повидаться. В конце передала тебе наказ — оставаться на этой должности, входить к финнам в доверие ещё больше, изучать оборону вдоль Онежского озера и при возможности побывать в Вознесенье, узнать, какие укрепления делают враги на этом берегу Свири. Прощаясь, просила передать тебе пароль, если кто придёт к тебе или ко мне от наших, уверена, говорит, что Женя поможет документами. Сказала, что им тоже очень нужны паспорта и карточки как образец, и что если не достанут, то придут снова из леса. Ну, и день назначила, когда тебе всё это надо будет рассказать — 10 августа. А сразу, говорит, не надо. Я спросила, отчего не сразу, а её подружка ответила — по закону конспирации. И ещё сказали, что мы должны создать комсомольскую группу из самых верных девушек, ты будешь, Женя, старшей. Списков не составлять, записей не делать, а собираться, будто на посиделки, с вязаньем там или с куделью. Сообщила — скоро в Шелтозерский район прибудут другие люди, а, может, и сама Аня снова объявится.

— Какой пароль Аня назвала?

— Подойдут, попросят: «Хозяюшка, дайте прохожему напиться». Ты должна ответить: «Погодите минуточку, прохожий, сейчас принесу».

— А если к нам в паспортный стол придут или в твой магазин, тоже водицы просить станут?

— Ну и что, пусть просят.

— Они в форме красноармейской были или как? С оружием?

— Что ты! Простенько так одеты, худые, бледные, чулки порваны, руки поцарапаны. Рюкзаки брезентовые за спиной. Оружие у них не было повешено, хотя та, вторая, с рысьими очами, руку всё время держала в правом кармане и глазками пилькала туда-сюда. Она и сказала — хватит мол, сидеть сложа руки, надо, говорит, помнить, кто вы есть на белом свете, комсомольский билет призывает мстить захватчикам.

— Ну что ж, Машенька, всё верно. Давно пора вспомнить про наши комсомольские билеты, запрятанные до поры до времени. Правильно, сколько можно сидеть пеньками трухлявыми и смотреть, как враги хозяйничают. Будем, Маша, создавать подпольную группу. Кого позовём туда, давай думать. Только без спешки, без шума и очень осторожно. У меня на это свои причины. Сегодня появились. Ах, как бы я хотела уйти с Аней!

12

С трудом «растолкав» дела, перекроив весь день, Андропов взял у Власова «эмку» и поехал на аэродром.

Беломорский аэродром считался гордостью всего Карельского фронта. Построен он был на осушенном болоте из толстых досок, уложенных не плашмя, а ребром. Решение, предложенное военными инженерами, было столь необычным, что вначале эту идею не приняли всерьёз. Когда же на полигоне все увидели вымощенный небольшой участок, где доски были установлены даже не сплошным покровом, а с промежутками в одну доску, что давало значительную экономию пиломатериалов, увидели, как по нему спокойно раскатывает гружённый кирпичом «ЗИС», мнение о таком изобретении было круто изменено, и форсированными темпами началось сооружение лётного поля. Построили его в рекордный срок, и на него садились теперь даже тяжёлые бомбардировщики.

Куприянов очень гордился этим сооружением, ходатайствовал о награждении изобретателей и строителей; ходили слухи, будто он лично докладывал о таком ценном опыте самому Верховному и что тот, заинтересовавшись новаторством, затребовал чертежи и поблагодарил карел за смекалку и находчивость.

Р-5 аккуратно коснулся ребристого дощатого поля, покатился и замер недалеко от «эмки». Марийка спрыгнула с крыла самолета, одёрнула юбку, легко забросила на правое плечо новенький армейский мешок и тут увидела Андропова. Она замерла на секунду, рванулась к нему, подбежала, на ходу поправляя беретик, кинула к виску руку.

— Товарищ первый секретарь, связная ЦК партии Карело-Финской ССР Мелентьева задание выполнила…

Андропов молча шагнул к ней, Марийка дрогнула, качнулась и, плача, прижалась к его груди.

— Ничего, Марийка, ничего. Мы ещё повоюем. А ты поплачь, тебе можно. Слышишь, тебе можно… Это мне не положено…

— Да я уж все глаза выплакала, Юрий Владимыч. Лягу спать, глаза закрою и вижу, как плывём, как Анна руку свою кусает, чтобы не закричать. Она меня спасала, а я её оттолкнула. Юрий Владимирович, я её оттолкнула, вы слышите?..

Тёмно-зелёная «эмка», быстро прошелестев по тихим вечерним улицам Беломорска, подкатила к двухэтажному зданию ЦК партии. Власов ждал их, нервно прохаживаясь по своему кабинету. Марийка хотела было отдать рапорт, но заворг

протянул руки, обнял её, крепко поцеловал толстыми губами в щёку, усадил напротив себя за небольшой стол, на котором была расстелена фронтовая карта-километровка юга Карелии.

— Как же ты добиралась до наших, горемычная?

— Добиралась как умела. Отчего пятеро суток брела, сама не пойму, видимо, температура сильная поднялась, горячка закружила. Всю меня жаром палило, направление я и потеряла. Финнов слышала трижды где-то недалеко. Живой бы я им не досталась. Собака какая-то за мной увязалась, вроде с финского переднего края. Подошла, обнюхала, посидела рядышком и ушла, не залаяв. У меня уж палец к курку примёрз от долгого ожидания. А как на наших наткнулась, убей, не помню. Боец в пилотке кричал, кричал, а я уже не слышала. Ну, да это мало интересно. По делу. Значит, так. Нам удалось создать три явочные квартиры, выяснить оборонные объекты у Вознесенья, вот здесь и ещё здесь. — Марийка быстрым намётанным взглядом глянула на карту и ткнула в неё мизинцем. — Уточнили наличие солдат в сёлах, выяснили, где на побережье Онего стоят орудия береговой обороны. Ну, паспорта, карточки, пропуск, газеты вы уже видели, я их сразу передала Сычову, он сказал, что вы так велели.

— Спасибо, Марийка, эти бесценные документы мы получили, и они уже в работе, — сказал Власов. — Теперь тебе надо сесть за стол, достать все твои шифрованные заметки и начать составлять подробное донесение. Составлять вдумчиво, чётко и как можно скорее, времени и так прошло ого сколько, дней двадцать будет, а тут каждые сутки дороги. Давай, Марийка, действуй. Юрий Владимирович, создай обстановку, чтоб ни один глаз, ни одно ухо…

— Я уже договорился — днём Маша будет писать в кабинете комиссара спецшколы Богданова, вечером — у меня. Я буду рядом, коли что. С жильём тоже всё в порядке, продуктовые карточки выписаны, зарплата твоя, Марийка, лежит у Гали Ростовской в сейфе. Поедем, я подброшу тебя домой, отдохни, выспись, навещать пока никого нельзя. Завтра утром подходи в спецшколу, все твои бумаги будут храниться в отдельной папке у меня. Иди в машину, я сейчас.

Андропов позвонил в ЦК комсомола, разыскал Лебедеву.

— Я сейчас отвезу Марийку на квартиру, — сказал он Нине, — а ты придёшь, как договорились, через часик. Скажу нарочито грубо — из неё должен выйти пар, понимаешь? Она хоть и успокоилась, но выплакаться, выговориться ей надо. Будь громоотводом, выведи из неё избыточные эмоции. Утром Мелентьева должна быть в рабочей форме.

В комнате, где стоял лишь крохотный столик и две железные

кровати, застеленные солдатскими одеялами, разговоры не утихали до самых сумерек.

— К Свири мы вышли так скоро, что даже сами себе не поверили, — рассказывала Марийка Нине. — Я воду тронула рукой у берега, будто ничего. А руке-то верить не годится, рука завсегда привыкшая к холоду. Разделись, зубы сразу зацокали. На середине реки вода прямо ледяная. Как брёвна стали выскакивать — не пойму, сама вязала изо всей силы, править ими надо было бы пяти мужикам, такие они тяжёлые, брёвна те силу у нас всю и взяли. Провозились мы с ними, вот-вот патруль появится. Я говорю: «Может, завтра поплывём, отдохнём, поспим, уморились-то как». Анна своё: «Сведения ждут, надо плыть. Вперёд, пока не рассвело». Плыли, плыли, как два утиных пёрышка, понесло нас течением. Костры, те, что горели против нас, уже вона где остались, а за поворотом, за леском новые горят, солдаты на гармошках губных пиликают, слышно, прямо как рядом, повели б прожектором — мы у них, считай, в кармане. Тут Аня и стала тонуть. Руками по воде бьёт, шею вытягивает. Как она глазами молила спасти! Схватила меня вот здесь, гляди, ещё не прошёл чёрный полукруг от пальцев. Ниночка, милая, я её ногой оттолкнула! С испугу сильно так толкнула и сама окунулась — темно, страшно под водой-то. Вынырнула, а она что-то шепчет рядом. Потом наклонилась к воде, руку свою поднесла и впилась в неё. Я сначала не поняла, испугалась. Потом уже на берегу дошло — она меня выручала. Закричит, застонет — финны услышат. Вода сомкнулась над ней — и всё. Как я вглядывалась! Назад поплыла, против волны, потом вперёд метнулась, и откуда только силы взялись! Гребу, гребу, за берет то и дело хватаюсь — на месте ли.

Нина, я её погубила! Ты понимаешь — оттолкнула, оттолкнула! Что она обо мне подумала в последнюю свою минуточку!

Марийка плакала, всхлипывая по-детски, упав лицом в колени Нины. Та гладила её густые волосы, осторожно касалась покрытых корочкой ссадин на шее и молчала.

Когда Марийка утихла, Нина прошептала:

— Как мы вас ждали! Могикан сам не свой. Каждое утро я к нему, он головой мотнёт, губы подтянет и ни слова. Однажды, видать, я его допекла, он как гаркнет: «Ты заботишься об одной Марийке, а у меня 28 Мариек и 100 Иванов здесь вот, на этой шее!»

После поутих, улыбнулся, показал поочерёдно на поседевшие виски. Это, говорит, Анна, а это — Марийка. Позавчера кликнул меня, смеётся: «Твоя Марийка летит, отвези постельное бельё на

квартиру, я выпросил новое на складе». И ещё добавил: «Приходил давеча молодой лётчик, спрашивал Анну, оставил свою фамилию, полевую почту. Я ему ничего не ответил, а тебя, Нина, прошу навести справки о нём — кто да что, откуда Лисицину знает».

Марийка подняла голову, проглотила комок слёз, застрявший в горле, прошептала:

— Это Алёша, Алексей Жандорак. Он Анну нашу любит.

…В восемь утра Марийка стояла уже в кабинете Богданова. Тот встретил её радостно, начал вспоминать какие-то эпизоды из той, такой далёкой для Марийки жизни, когда она здесь училась.

— Девка ты боевая, это мы все усвоили в школе. Но до сих пор мне не ясно вот что. Помнишь, привезли мы вас на парашютную подготовку. Первый и второй прыжок ты сделала, как все, — карабинчик на верёвку, шнур вытягивает парашют маленький, затем большой, хочешь ты этого или не хочешь, а летишь уже под куполом. Было утро, ты прыгала, как сейчас помню, во второй пятёрке. Прыгнула, а парашют не раскрывается. Летела, летела, и у самой земли, бац — купол вырос над тобой. Признайся, как было дело? Я знаю, ты нам тогда головы морочила, дескать, шнур был гнилой, оборвался, не вытянув парашютик.

— Морочила, верно, Николай Иванович, — вздохнула Марийка. — Не надела я эту защёлку на верёвку, прыгнула, да и всё, когда инструктор отвернулся. Захотелось узнать, что я значу. Мчусь, рука на кольце. Покувыркало меня, потом выравнялась, глянь, а земля уж вот она. Нет, думаю, ещё погожу; наконец, дёрнула за кольцо. Шмякнулась я хорошенько, конечно, но расчёт мой был верный. Напугала вас всех, теперь могу извиниться — понимаю, глупость сотворила. Не здесь надо храбрость показывать.

Богданов внимательно слушал её и постепенно прозревал — перед ним сидела не та прежняя беззаботная хохотунья, «парень в юбке», а взрослый, измученный человек…

…Пришёл Андропов, принёс в школьном портфельчике папку, чистую бумагу, посидел две минутки и ушёл с Богдановым, оставив Марийку одну. Покосившись на стопку чистой бумаги, она взяла верхний лист и аккуратно школьным неокрепшим почерком написала в правом углу:

Совершенно секретно
Секретарю ЦК Л.К.С.М. тов. Андропову

Оперативное донесение
о выполнении задания по краткосрочной ходке в Шелтозерский район, оккупированный белофиннами.

Из Беломорска мы выехали 1 июля в 4 часа ночи на поезде до станции Сосновец. Нас было четыре человека: Лисицина, Мелентьева, Яковлев, Маунумяки. Из Сосновца 1 июля в 9 часов утра на самолёте Р-5 полетели в Вологду, туда прилетели мы в 13.45, дальше улететь мы не смогли, потому что погода была очень плохая, там же в Вологде мы просидели 10 дней из-за неисправности самолёта и из-за погоды, жили в общежитии пилотов…

Ручка в пальцах замёрла, глаза Марийки широко раскрылись. Перед ней замелькали один за другим чёткие, ясные картины тех десяти дней. Смеющаяся Аня, раскинув руки, падает в траву, зарываясь с головой в высокие ромашки, Алёша, легко выносящий Аню из лодки на сильных руках, задорный фокстрот «Рио-Рита» и галантный Степаныч, приглашающий сконфуженную Аню, подрагивающая от нетерпения полуторка Сычова, высыхающие мокрые полосочки на щеках Ани, задремавшей в общежитии лётчиков, жёлто-белые сполохи молний над притихшим аэродромом…

Она не помнила, сколько так просидела, вглядываясь в те беззаботные дни — может, пять минут, может, полчаса. Сидела, пока не зазвонил телефон.

— Марийка, как пишется? — раздался бодрый голос Андропова. — Тебе никто не мешает?

Мария тихо ответила:

— Мешает. Совесть моя мешает.

Андропов принялся её успокаивать, говорил долго, но Марийка его не слушала. Положив трубку на листы чистой бумаги, склонившись на руки, она беззвучно плакала, почувствовав вдруг, что слёзы приносят ей облегчение только сейчас, сию минуту, почти через месяц после смерти Анны.

Макнув ручку в чернильницу, Мария быстро написала один абзац, другой:

Идя по дороге, мы старались наблюдать за всем тем, что там происходит и что делается вокруг. Перейдя линию фронта, на глубине 5—6 километров в тылу противника встречали финских солдат. Дальше шли по

лесу и до Архангельского тракта никого не встречали. По Архангельскому тракту движение очень большое — ездят грузовые машины, возят груз и солдат, ездят на лошадях верхом и на телегах, ходят солдаты группами и в одиночку (большинство вооружённые)…

У Шелтозера мы наблюдали за движением на трёх дорогах: по дороге из Петрозаводска в Вознесенье движение большое, ходят грузовые машины с грузом и с солдатами, так и с гражданскими, ходят автобусы, возят солдат, по дороге ездят велосипедисты, вооружённые автоматами, а также без оружия и с ножами.

По дороге Шелтозеро — Матвеева Сельга и Шелтозеро — Залесье движение небольшое…

Марийка прочитала написанное, и ей оно показалось каким-то легковесным, как школьное сочинение, не хватало чёткости формулировок, чеканного военного языка. Мысли её путались, а рука продолжала строчить уже новую страницу.

Сестра, конечно, сразу узнала Анну, пошла открывать двери, открыли ей двери, и она зашла в дом, но до этого она спросила, кто живёт в доме. а когда узнала, что кроме своих никто не живёт, она пошла за мной, и мы с ней вместе пошли в дом.

Придя в дом, я увидела немного растерявшихся и обрадовавшихся родных тов. Л. Они стали спрашивать, как и откуда мы пришли и на всё ли время пришли, мы им в свою очередь отвечали так: «Значит, мы пришли из партизанского отряда, пришли на выполнение боевого задания, если можно, то мы будем жить у вас дней 5—7». Они, конечно, приняли нас очень хорошо, устроили обеих на отдых на чердаке…

Отодвинув исписанные листы, Марийка походила по комнате, поглядела во двор, где отделение курсантов спецшколы занималось отработкой штыкового боя, присела к столу, расправила финскую газету с пометками Ани, перечитала свои записи между печатных строчек, понятные лишь ей, и принялась звонить по телефону.

— Юрий Владимыч, не получается. Чувствую сама, что-то не то, уводит меня куда-то, а остановиться не могу.

Андропов пришёл сразу, уселся напротив, прочитал всё, что сочинила Марийка.

— Вполне терпимо, подруга, — подбодрил он Марийку. — Для первого раза очень даже прилично. Любому понятно, что тебе хочется рассказать обо всём подробнее. Кое-где ты даже пытаешься передать чувства, которые вы испытывали. Вообще-то это может кому-то пригодиться, но для боевого оперативного донесения нужны факты, выводы.

— Я и сама понимаю, а вот как перейти к этому, не знаю.

— Очень просто. Пишешь: «За время пребывания удалось установить следующее». Ставишь двоеточие и начинаешь перечислять, вначале самое важное, затем более мелкие сведения. Фраза короткая, внятная, без всяких там иносказаний. Начало мы с тобой немножко сократим, уберём ненужные подробности. Писать донесения надо от третьего лица, как бы глядя на всё происшедшее со стороны — таков закон разведки. Всё надо учитывать: а вдруг потеряется листик, вдруг чужой глаз прочтёт.

— Но там же в конце будет моя подпись?

— И всё равно, таков порядок. Но чаще всего разведчикам дают вымышленные имена, фамилии, клички, номера. Так ты не против, если я слегка пройдусь пером редактора по твоей одиссее?

— Много-то не вычёркивайте, товарищ Могикан, там ведь все наши приключения расписаны по дням и по часам, — твёрдо попросила Марийка.

Андропов снова взял листки, поднёс их к глазам. В комнатке было мрачно, за окном нависли толстые тучи, крупные капли громко, хотя и изредка, застучали по стеклу.

— Донесение надо писать не на моё имя, а на имя Власова, вас ведь посылал ЦК партии.

— Поняла, — кивнула Мария и, пристально поглядев на еле заметные следы своего карандаша в финской газете, начала новую страницу.

Во время пребывания Мелентьевой и Лисициной в деревне Житно-Ручей удалось установить:

1. В районе координат 96—96, деревня Телаорга расположено орудие береговой батареи.

2. В координатах 00—02 у тригонометрического пункта на высоте Уорд находится орудие береговой охраны и зенитное орудие.

3. В координатах 04—02 в деревне Каккорово находится орудие береговой охраны.

В деревнях Житно-Ручей, Роп-Ручей, Другая Река находится гарнизон финских солдат численностью 250—300 человек. Гарнизон живёт не в самих деревнях, а в двух километрах от деревень (на запад) в лесу. Гарнизон обслуживает береговую артиллерию, патрулирует дорогу Петрозаводск — Вознесенье и побережье Онежского озера от деревни Каскес-Ручей до с. Шелтозеро.

У села Вознесенье и по всему правому берегу реки Свирь построены сильные укрепления.

4. У деревень Житно-Ручей, Роп-Ручей, Другая Река, Рыбрека на берегу Онежского озера никаких укреплений нет.

5. За всё время пребывания Мелентьевой и Лисициной в указанном районе отмечается большое движение по дороге Петрозаводск — Вознесенье. Из Петрозаводска на юг везут в большом количестве горючее, ящики со снарядами и патронами, продовольствие, главным образом, сухари в мешках (фанерный хлеб).

6. Южнее Каскес-Ручья, в районе Вознесенья находится аэродром истребительной авиации противника, самолёты патрулируют побережье Онежского озера и реку Свирь.

7. В деревне Житно-Ручей в здании бывшей столовой помещается военный госпиталь коек на 100—150. Раненых в госпитале мало, так как они вскоре по прибытии в госпиталь эвакуируются в Петрозаводск. Обслуживающий персонал госпиталя весь привезён из Финляндии.

Обедать Марийку Богданов пригласил в столовую спецшколы, и она этому обрадовалась, надеясь увидеть Васю Савоева. Ей почему-то не хотелось верить вчерашним словам Нины, сказанным как-то невнятно, скороговоркой: дескать, Вася ушёл недавно на секретное задание с группой ребят. За обеденными столами, когда они пришли, никого не было, дневальные убирали миски, ложки. Мария поняла — её не хотели показывать курсантам, тут ведь она знала многих, начнутся расспросы, хотя всех их всячески отучали от этого.

После обеда Мария снова заперлась в кабинете Богданова.

Село Шелтозеро и другие деревни района в основном сохранились. В Шелтозере сгорело несколько домов. В Житно-Ручье сожжена школа, клуб и три жилых дома.

Деревня Роп-Ручей, за исключением нескольких домов, сгорела целиком. В Житно-Ручье и деревне Розмега были разрушены кирпичные заводы. В настоящее время они восстановлены и работают. Финнами ремонтируются также жилые дома, дороги, мосты. Из деревни Педасельга на Петрозаводск строится дорога в глубину района (на запад от старой дороги). На строительстве работает местное население из разных деревень и солдаты.

Население в районе, в основном, осталось не эвакуированным. В деревнях Житно-Ручей, Роп-Ручей, Рыбрека насчитывается 100—120 человек населения. Всё русское население без исключения эвакуировано белофиннами в Петрозаводск и заключено в концлагеря. Из лагерей доходят вести о зверских издевательствах, глумлении над советскими гражданами. Заключённых в концлагерях людей морят голодом. Больные, старики, женщины, дети сгоняются на непосильные работы в лес, на строительство дорог. Очень высока смертность, в особенности среди детей. Нередко пьяные белофинские офицеры врываются в лагеря и творят насилие и бесчинство.

Управление районом находится в Шелтозере. Оно находится целиком в руках военных властей, возглавляемых комендантом.

В деревнях власть возглавляют военные и гражданские коменданты из финнов и старосты из местного населения. В деревне Житно-Ручей гражданским комендантом был спецпереселенец Салакко, который в настоящее время заменён присланным из Финляндии Коркка. Старостой деревни Житно-Ручей назначен предатель и дезертир Пётр Смолин. Смолин в прошлом пастух. Уроженец деревни Житно-Ручей. Беспринципный человек, хулиган. Дезертировал из Красной Армии. В настоящее время Смолин, являясь старостой деревни, выдаёт местных активистов, пьянствует с финскими солдатами. Иногда появляется на улице в форме финского солдата. Ведёт антисоветскую пропаганду…

Под вечер позвонил Андропов, поговорил о том, о сём, извинился, что не сможет зайти — вызван на заседание политуправления фронта, и что Марийке придётся поработать и после ужина там же, у Богданова, тот согласен и даже готов у кабинета поставить часового, самого серьёзного и самого

неразговорчивого.

Весь стол белел от исписанных листов. Марийка написала о порядке выдачи паспортов, хлебных карточек, пропусков для проезда по району и в Петрозаводск. Подробно остановилась на том, что можно купить по карточкам, что выменивают и покупают у населения финские солдаты. Далее сообщила цены на все продукты, на мануфактуру, на одежду, сообщила о том, как работает почта, что стало с колхозами, кому достанется урожай нынешнего лета.

Очень подробно Мария решила остановиться на идеологической обработке, которую ведут захватчики в Шелтозерье. Здесь целиком пригодились записи Анны, её переводы из финских газет, сделанные ещё там, на чердаке.

Несколько раз в район приезжала кинопередвижка. Населению показывали финские фильмы романтического содержания вроде «Шёлковые чулки». Население финского языка не понимает, содержание картин тоже. Поэтому в кино почти не ходят, не ходит даже молодёжь. Кино посещают только солдаты.

В Шелтозерском районе белофинны широко распространяют финские газеты «Vapaa Karjala» («Свободная Карелия»), «Раннее утро» и журнал.

Через эти газеты финны проводят антисоветскую пропаганду, сеют злобные клеветнические слухи, всячески пытаются убедить население, что Советский Союз войну проиграл, и т. д. Газета «Vapaa Karjala» пишет, что в СССР люди умирают от голода, что Ленинград взят и что через две недели будет взята Москва. В сводках публикуется всяческая брехня. В той же «Vapaa Karjala» за июль месяц сообщалось, что 2 немецких самолета сбили 92 самолёта советских.

Сообщалось, что взят Воронеж. От населения и солдат всячески скрывают договор между СССР и Англией. О втором фронте газета не написала ни слова. Во многих случаях финские газеты перепечатывают немецкую брехню на финский лад. Однако не только население, но даже финские солдаты мало верят этой хвастливой брехне. Финские солдаты прямо говорят населению, что если русские прорвут свирские укрепления, то дойдут до самой Финляндии, подготавливают население к эвакуации, заявляя, что расстреляют каждого, кто откажется идти с ними. Солдаты говорят,

что если они будут стоять на месте, а не наступать, Гитлер не даст хлеба, и тогда все перемрут с голоду. Финны, спасая свою шкуру, очень боятся Красной Армии и особенно партизан. За малейшее подозрение в сочувствии партизанам расстреливают или посылают в концлагерь. Так, по обвинению в участии в партизанском отряде был расстрелян колхозник деревни Другая Река Алексей Кочергин, а жена его присуждена к заключению в концлагерь.

Советские листовки попадают к населению и читаются на полевых работах и дома.

Товарищи Мелентьева и Лисицина видели наши листовки в квартире у Лисициных, которые они хранят и сейчас.

Мария писала, не разгибаясь, перечитывала написанное, исправляла, дополняла. Последний листок переписала заново.

Молодёжи в деревнях Житно-Ручей, Роп-Ручей, Другая Река есть человек пятнадцать. Это исключительно женщины. Детей много. Зимой 1941—42-го года были открыты в Шелтозере и Житно-Ручье школы, в которых обучалось много детей. Учёба велась только на финском языке. Введён Закон Божий. В школах есть финские попы. Введены телесные наказания. За малейшие проступки детей избивают. Так, в житно-ручейской школе был избит учителем 13-летний Валентин Полубелов за незнание уроков. Учеников ставят на колени, бьют линейками по рукам и по ушам. Старших детей финны пытаются взять под своё влияние. В ряде мест финны пытались крестить детей, но встретили недовольство населения. Сейчас этого не делают. Каждый же ребёнок получает железный крестик.

В настоящее время финны вербуют учителей из карелов и вепсов для посылки их на курсы в Финляндию. У молодёжи финны стараются воспитывать чувство любви к Финляндии, к финской культуре, ко всему финскому. Газета «Vapaa Karjala» публикует статьи для молодёжи, расхваливает финские школы и т. п.

Стараясь всячески популяризировать всё финское, белофинны доходят до глупостей.

В газете «Vapaa Karjala» финны опубликовали статью, в которой пишут, что рыба в Восточной Карелии

попадает в сети проще, чем в Финляндии. потому что в Восточной Карелии рыба «глупее финской».

В деревне Житно-Ручей финны велели разобрать русские печи и сложить новые по финскому образцу, заявив, что финские греют лучше.

Население Шелтозера в большинстве своём ждёт прихода Красной Армии. В районе есть немало преданных Советской власти женщин, не поддающихся финской агитации, готовых оказать любую помощь Красной Армии. Среди них комсомолки Женя Мякишева, Мария Курганова, Клава Максимова, Зоя Щербакова и другие.

Однако в районе есть и часть людей, поддавшихся на финскую провокацию, предавших интересы нашей Родины…

Мария встала, подошла к чёрному окну, за которым далеко на западе моргали маленькие изломанные молнии, сжала горячие кулаки, прислонила их к холодному забрызганному дождём стеклу, прошептала ненавистные фамилии, которые она вызубрила до тошноты.

Написав их чётко, крупно, Мария брезгливо отодвинула незаконченный лист в сторону. Было уже за полночь. Зашторив окно, придвинув поближе настольную лампу, она стала думать, как написать заключительные строки.

Собрав необходимые сведения и документы, мы выполнили задание по созданию явочных квартир. Квартиры созданы у Лисициной Марии Ивановны, у Левоевой Любови Михайловны, у Ефремовой Зинаиды. Указанные товарищи согласились на нас работать, и им даны пароли явок для наших работников…

И снова рука её замерла, мысли смешались. Марийка выключила лампу, в комнате стало темно. За шкафом заскреблась мышь. Марийка вздрогнула, напряглась, потом сняла с ноги сапог, стукнула им о шкаф. Мышь замолчала.

В наступившей тишине Марийка успокоилась, и перед ней, прямо рядом, стоит перегнуться через стол, протянуть руку, плавно и величаво возникла, потекла широкая полноводная река с красными отблесками от высоких костров.

Нажав на кнопку настольной лампы, Марийка охватила ручку и, забыв, от какого лица надо писать донесение, вывела

последние слова:

В 24.00, построив плот, начали переправу, но плот разбило течением, и мы вынуждены были вернуться на правый берег реки Свирь.

Решили форсировать реку вплавь. При переправе Лисицина Анна Михайловна утонула. Мелентьева, переплыв на левый берег реки Свирь, добралась в расположение части 272, откуда была доставлена в штаб 7-й армии.

Подумав несколько секунд, написала:

Ходок ЦК КП(б) К-ФССР Мелентьева

Расписалась, аккуратно выводя каждую буквочку, поставила дату нового, уже давно наступившего дня, — 31 августа 1942 года.

Ранним утром Андропов зашёл в спецшколу, отдал честь часовому, показал пропуск и заспешил к знакомой двери, постучал раз, другой, третий, услышав топот босых ног, улыбнулся.

Марийка, узнав по голосу Андропова, открыла дверь, потом кинулась к окну, подняла штору. На краю стола лежали исписанные листки, у стены стояли рядышком составленные четыре стула, застеленные шинелью Богданова, на крайнем возвышалась стопка книг, вынутых из шкафа.

— Понятно, — хмыкнул Андропов. — Знаешь, что будет начальнику караула за то, что на его объекте ночевал посторонний?

— Это я-то посторонняя, товарищ Могикан? — развеселилась Марийка — Пусть проверят, я где-то ещё значусь в списках нашей с вами спецшколы. Вот поглядите, написала всё, что мы раздобыли с Аней.

Андропов уже и сам взял листки, подошёл к окну, там, стоя, и прочитал их все до единого.

— Спасибо, Марийка. От лица комсомола Карелии благодарю тебя за службу, дорогая Мария Владимировна. Ты даже не представляешь, какие важные сведения вы раздобыли. ЦК партии республики давно ждёт такую зрелую политическую

информацию, командование фронта получит ценнейшие данные для бомбёжки объектов на Свири. Теперь мы смело можем посылать в Рыбреку, в Шелтозерье подпольный райком, над этим уже начали работать.

Славно ты потрудилась, даже всё переписала начисто. Молодец, иди домой, отдыхай. В полдень приходи ко мне, к этому времени твоё донесение перепечатают, ты его подпишешь, и я тотчас отнесу его в ЦК. Какую награду хочешь за свой подвиг?

Марийка встала, замерла и, покачав головой, сказала:

— Какой тут подвиг, Юрий Владимирович. Другие бы, наверное, лучше всё сделали.

— За такие сведения тебе орден могут дать.

— Не мне. Аннушку надо наградить.

— К награде представим обеих.

— А можно вместо ордена что-то другое попросить?

Андропов насторожился, оглядел быстро потупившуюся Марийку.

— Отпуск бы мне на недельку, к родителям съездить в Ивановскую область. Помочь по хозяйству, дело-то к зиме идёт.

— Добро. Постараюсь сделать нынче же проездные документы. Поезжай, повидайся, попей горячего молочка, подлечись. А когда вернешься…

— А когда вернусь, — перебила его Марийка, — прошу сразу же дать новое боевое задание. Я это твёрдо решила сегодня ночью. Товарищ первый секретарь, готова на любое дело, готова жизнь свою положить. Вы меня слышите? Вы же чуткий, добрый, вы должны понять, я не могу так больше жить, я хочу искупить свою вину!

— Твоей вины нет! — крикнул, приближаясь к ней вплотную, Андропов. — Ты спасала не себя, а ценнейшие документы. Раз и навсегда запомни это! И чтоб ни я, ни другие не слыхали этого больше никогда. Хватит истерики, ты комсомолка, подпольщица, чекистка! Приказываю взять себя в руки. Приказ понятен?

— Понятен, товарищ Могикан.

13

Первой, кого встретила утром Мария Мелентьева, придя на милую сердцу Северную улицу, дом 2, была Галя Ростовская — цветущая, жизнерадостная, чистенько одетая, аккуратно причёсанная.

— Марийка, приятные известия, — заворковала она. — Юрий Владимыч на бюро внёс вопрос о предоставлении тебе месячного отпуска. Предложение поддержано, ему удалось выпросить у военных литер на проезд, так что давай адрес твоих старичков, буду оформлять тебе бесплатный воинский билет. Ивановская область, дальше?

— Кинешемский район, деревня Решма.

— После обеда получишь проездные документы, отпускное удостоверение, зарплату инструктора за июль и август, в общем, сегодняшний день можешь посвятить сборам в дорогу, сходи купи гостинцев, подарки мамочке, вот тебе взаймы деньги. Бери, бери. А Юрий Владимыч просил тебя зайти под вечер, он подался на лесозавод, к авторемонтникам, к военным.

Марийка заглянула к инструкторам, поговорила с Федей Кузнецовым, Марией Ульяновой. Нина Лебедева задержалась на острове Ковжино и пришла чуток попозже. Марийка пошепталась с ней, поманила на веранду.

— У тебя есть адрес того лётчика, который приходил к Могикану?

— Полевая почта — наш аэродром, — ответила Нина, доставая записную книжку. — Эскадрилья временно базируется в Беломорске, но застать его трудно, я дважды пыталась дозвониться, и всякий раз пусто — выбыл, в полёте.

— У меня сегодня свободный день. Понимаешь, я его сама должна увидеть, сама всё рассказать. Если не встречусь, а он придёт сюда в ЦК — не говорите ему ничего, я из отпуска вернусь скоро, долго не засижусь, тут я нужнее. Я его разыщу, Нина, обязательно разыщу.

Полдня прождала Марийка на аэродроме, побывала у всех командиров, у самого главного — полноватого майора — была даже трижды, но все твердили одно и то же — Жандорак на задании, будет не скоро.

— Что значит не скоро? — язвительно спрашивала Марийка майора. — Завтра, послезавтра, после дождичка в четверг?

Первый раз майор просто отмахнулся от неё, второй — стал допытываться, кем она доводится летнабу Жандораку, да так дотошно, с такой ехидцей в голосе, что Марийка не выдержала и

выкрикнула:

— Невеста я его, невеста!

Когда Марийка снова зашла к нему без стука, резко отворив дверь, майор, что-то чертивший красным карандашом на карте, боднув головой в её сторону, хохотнул:

— Интересно знать, где такие настырные невесты произрастают?

— В Пряже. И не настырные, товарищ майор, а настойчивые.

— Цел и невредим твой Жандорак. Прилетит на той неделе, сейчас уточню. Во вторник прибудет.

Марийка улыбнулась, поднесла руку к беретику.

— Счастливо оставаться, товарищ майор. Алексею передайте — зайду через две недели. Не забудете?

На улице у штаба сидел на заведённом мотоцикле лётчик, словно дожидался Марийку. Он подкатил к ней, чиркая сапогами по земле, улыбаясь, сообщил, что держит путь в штаб фронта и готов подбросить её в город. Марийка, лихо закинув ногу, уселась сзади, обхватила незнакомца, и они помчались с ветерком.

Влетели на кривые улицы, прошмыгнули по мосту, и Марийка, сама не зная почему, попросила остановиться. Поблагодарив лётчика, который стал было назначать ей свидание вечером у кинотеатра, Марийка побежала назад и свернула к зданию спецшколы.

Богданова она нашла не сразу, а когда разыскала, не знала, с чего начать.

— Ну, что стряслось, Маруся? Скорее, мне некогда.

— Случилась вот какая штука, Николай Иванович, — вздохнула Марийка, опустив глаза, а потом, гордо подняв голову и глядя Богданову прямо в зрачки, выпалила:

— Я люблю Васю Савоева! Где он?

Богданов медленно отвёл глаза.

— Ты ведь понимаешь, что есть военная тайна.

— Понимаю, товарищ комиссар. Не говорите всего. Скажите — он жив, ранен?

Богданов взял Марийку под руку, повёл к воротам, где стоял дневальный.

— Ну, что ты такое несёшь? Жив, конечно. Просто рация замолчала. Питание кончилось. Рация у них новая, «Север» называется, недавно Пашкевич несколько штук привёз из Москвы, дали в штабе партизанского движения. Станция надёжная, но, говорят, батареи садятся быстро. Они много дельного передали, часто на связь выходили, потому и село питание. В общем, скоро вернётся, увидитесь. Не кручинься, всё будет путём. Веселее, веселее, ну что ты, прямо не узнаю тебя.

Улыбнись, Маша,
Ласково взгляни.
Жизнь прекрасна наша —
Солнечны все дни.

Марийка натужно усмехнулась, глядя на поющего комиссара, тряхнула густой копной волос.

— Вася тоже пел мне эту песенку.

— Объявится со дня на день. Потерпи: разлука — горнило для любви.

— Женское сердце — верный вещун, — вздохнула Мария. — Ноет оно у меня, ночами ноет. Никогда не знала, с какой оно стороны, это сердце, а теперь знаю.

Богданов достал портсигар, закурил.

— Могикан тоже волнуется за эту группу. Места себе не находит. Молчит, правда, да все-то видят. Его Таня жаловалась мне — всё лето не спит почти совсем, она уж и в госпиталь тайком ходила, снотворное выпросила, теперь в чай подмешивает. А вас как он ждал, тебя то есть! Как мальчик обрадовался, когда с тобой первый раз поговорил по телефону. В столовой встретил меня, не утерпел, шепчет — Марийка объявилась! Первый раз его таким видел. Он парень сдержанный, серьёзный. Ну, а чтоб о секретах в столовке? Я даже растерялся. Потом уже узнал, что Аня погибла. Он-то промолчал, радость верх взяла. У него и другие потери были. Всё в себе носит. Словом не обмолвится, голос не повысит, зло ни на ком не срывает. Держит себя парень в руках. И ты держись, бери пример со своего Могикана…

Лебедева хотела было пойти на вокзал проводить Марийку, да не получилось — все инструкторы, кто не уехал в командировку, во главе с Андроповым пошли убирать общежитие. Скоро должны съезжаться на Пленум секретари райкомов комсомола, помощники командиров партизанских отрядов по комсомолу, передовые лесорубы, рыбаки, животноводы, деревообработчики, и принять их задумали, как самых дорогих гостей. Решили вымыть полы, набить свежим сеном матрацы, застелить новенькие простыни, в каждой комнате поставить букет из рябиновых веточек.

Марийка помогла лишь выскоблить котлы на кухне, прямо оттуда и побежала на вокзал.

В вагоне за столиком тихонько переговаривались, уставясь в газету, двое безусых младших лейтенантов с медицинскими змейками в петлицах.

Марийка слегка подалась вперёд, прочитала заглавия: «Не медлить с обмолотом хлебов», «На Северном Кавказе (подвиг сорока гвардейцев-миномётчиков)», «Богатый урожай в Сумпосаде», «Переходящее Красное знамя у Тунгудского района», «Бои в районе Новороссийска», «Английские моряки восхищены работой женщин в советском флоте».

Слова лейтенантов, которые уловила Марийка, ей не понравились. Медики шептались о том, что на фронте маловато сил для наступления, что не удалось сдержать натиск немцев в Крыму и поэтому пришлось оставить Севастополь, что можно было не дать Гитлеру прорваться к Дону и захватить Воронеж, что командование Брянского фронта оказалось не на высоте и вот теперь немцы пьют из касок волжскую воду у Сталинграда.

— Обопьются они той водой, — громко сказала Марийка. — Не видать им ни Кавказа, ни славного Сталинграда.

— Та водица, извините, барышня, не знаю вашего воинского звания, — ухмыльнулся рыжеватый с конопатинками на детском курносом носу лейтенант, — пополам с русской кровью. Мы вот на Волгу едем, нам есть отчего пораскинуть мозгами.

— Хорошо, коль они есть, эти самые мозги. Не зря Верховный Главнокомандующий издал приказ № 227. Давно пора всех паникёров… Нет больше «отступательного» настроения. Вишь, куда мы отмахали! Урал, поди, немцы скоро в бинокль будут разглядывать. Железный приказ, и я целиком за него. Правильно сказано в приказе: «Ни шагу назад!»

— Гляди, какая комиссарша выискалась! Ты чего нам мораль читать взялась, портупею надела?

— Ладно, пусть её. Не нарывайся, вон у неё глаза какие сделались, прямо цвета воронёной стали.

— Ты угадал, я комиссарша, и таких щеглов неоперившихся вижу насквозь. От ваших слов до измены короче воробьиного носа.

Лейтенанты замерли, выпрямив спины, глядели, округлив глаза, на Марийку, полыхавшую румянцем.

— Вот-те на, — прохрипел веснушчатый, — быстро ты нас раскусила. Мы уже изменники, мы дезертиры. Да мы из госпиталя едем, дура. Подлечили нас, мы рапорт на стол — просим туда, где горячо.

— Не надо перед ней оправдываться, Витя. Чумовая какая-то. Портупею на молоко выменяла?

Марийка достала из кармана гимнастерки круглое зеркальце, обтянутое по ободку целлулоидным обручиком, сзади она вставила вид Спасской башни Кремля, подула в него, встретила свои сердитые глаза и, прошептав: «Остынь, девушка, остынь»,

показала самой себе язык, усмехнулась через силу, потянулась к своему толстому вещмешку — напихали всякой всячины и на продскладе, и цековские ребята принесли, кто что мог.

— Мир, парни, давайте чай пить, — сказала она дружелюбно, вытаскивая белую буханку, кусковой сахар, комбижир. — Вижу теперь, что свои, только вот обзываться так грех, некрасиво это с вашей мужской стороны. А ещё врачи.

— Ты нас допекла, — сказал рыжеватый Виктор.

— Мы фельдшера, недавно училище закончили. Ехали на Карельский фронт, эшелон разбомбили, нас ранило. Печальная ирония войны — вместо того, чтобы бойцов лечить, сами на госпитальную койку угодили.

— Уж до чего люблю путешествовать! — вздохнула Марийка. — Можно б было — всю страну вдоль и поперёк изъездила бы.

Мир установился, а чая не вышло, лишь в Виндозере Виктор и Марийка сбегали за кипятком, который давали на перроне близ продпункта. Виктор игриво выспрашивал, где да кем она работает, есть ли у неё парень. Марийка в ответ лишь посмеивалась, потряхивая светлой копной уже не вьющихся после госпиталя волос. И губы её, прежде сочные, пухлые, побледнели и поджались.

Подкрепившись, ребята завалились на верхнюю полку. Марийка обрадовалась, что может засесть за письма: подругам по госпиталю в Сегежу, брату Павлу на фронт, подружкам детства Зое Устиновой, Пане Саватьевой…

За окнами вагона в сгустившихся сумерках мелькали телеграфные столбы, позади которых стоял чёрный нахохлившийся лес. Марийке показалось, что здесь, в Архангельской области, он какой-то большой, чужой, непривычный.

В Пряже совсем иной бор — пронизанный широкими полосами света, прохладный, пахнущий малиной, звонкий от птичьего гама. Марийка отчётливо увидела тот рыбацкий шалаш, ту быструю белую ночь, испуганные глаза Зойки, всё время кутавшейся в старую бабушкину кофту. Затем она явно услышала протяжный, надвигающийся прямо на неё вой авиабомбы.

По вагону прошёл, шаркая сапогами, старичок проводник, монотонно напоминая всем соблюдать светомаскировку. Марийка раскрутила самодельную штору из чёрной плотной бумаги, тщательно прижала её по бокам окна. В купе стало уютно, беззаботно, как до войны, соседи пели «Славное море священный Байкал», ещё дальше мурлыкала гармошка, выводя одно и то же «мур-мур-мур», внизу мирно постукивали колёса.

Марийка решила вначале написать Пане Саватьевой. Паня

была ближе, с малых лет у них возникло невидимое, но такое властное родство душ, когда они понимали друг дружку с полуслова и не могли дня вынести, не повидавшись. Забравшись на чердак или в огромный стог сена, вырыв там норы, они делились самыми сокровенными, сначала детскими, а потом уж и девичьими тайнами.

«Милая подруга Пашенька! С приветом к тебе твоя Марийка, которая тебя не забыла и всё время держит тебя в своём сердце.

Прибыла я из командировки, она оказалась долгой и печальной. Сама понимаешь — писать об этом не могу. Повидаться мне с тобой так хочется, как в жаркий день воды напиться. Собиралась приехать, да заболела. Когда-то я смеялась над болезнями, говорила, что до ста лет жить буду и не кашляну. А вышло так, что и я оказалась не каменной — простудила лёгкие. Когда болела, всё в баню вашу хотелось, казалось, попарилась бы перед каменкой с веничком — хворь бы как рукой сняло.

В воскресенье на лыжах набегаемся, чисто сосульки заледенеем, домой прикатимся, батя твой, до чего уж добрый человек, а и то не выдержит: „В баню, черти патефонные!“ Досадили мы ему тем патефоном, сети мешали вязать, руку сбивали — он на нас всё таращился, как мы танцевать фокстрот учились. Где тот патефон нынче, где наша добрая пионервожатая Рауха Кальске, которая давала нам эту весёлую музыку в коробке?

Сейчас так много хороших людей гибнет, что невольно начинаешь думать — те, кто останутся жить, должны жить за двоих, за троих. Осиротела наша земля крепко. Сколько же надо сделать, чтобы место погибшего в жизни не пустовало. Надо больше добра делать людям, так я надумала. Молодость — пора добрых дел. Плохо писать такие мысли на бумаге, слова топорщатся, не даются в руки. Ах, как бы нам свидеться! Может, отпустит тебя твой телефонный начальник на денёк?

Вернулась я из командировки и первым делом стала читать письма. Спасибо тебе за фотку, ты в гимнастёрке, как настоящий красноармеец. Зойка, чудачка, пишет, что я уже стала командиром и задрала нос. Разочарую её, сейчас начну и ей треугольник строчить: как была инструктором, так и осталась, нас таких в отделе много, и все инструктора.

Не знаю, что день грядущий мне готовит. Сейчас еду

в отпуск к родителям, а вернусь — буду проситься на фронт, в самый жар, есть у меня на то причина. Если откажут, я в Кремль напишу.

С Васей Савоевым я помирилась, но его давно не видела, он тоже в командировке, так что твой привет пока не передала. Посмотрела бы ты, какой молодец стал — вытянулся, окреп, румянец на щёчках. Бриться уже начал, а то был такой пушистенький, как цыплёночек. Я его так пару разиков назвала, он надулся и на свидание не пришёл. Мёрзла я, мёрзла, а потом поплелась домой и всю ночь напролёт проплакала, как ненормальная.

В командировке познакомилась с настоящим Героем Советского Союза, лётчиком. Хотел со мной любовь крутить, да не вышло. Рассказала я ему про своего Васю, а он меня на смех поднял, сказал, что я не современная, дескать, надо пользоваться моментом: мол, война всё спишет, ну и схлопотал по морде.

Может, я и в самом деле глупая — к чужим людям пристаю, хочу, чтоб жили по-моему — честно, весело, азартно. Сегодня меня один зелёный лейтенантик тоже дурой обозвал… Кончаю писать, коптилка вагонная отдаёт богу душу, еле краснеет…

Жду ответа, как соловей лета. Пиши мне много, адрес тот же, живу на квартире, хозяйку звать тётя Зина. Твоя верная подруга Маня».

В Кинешму поезд пришёл ночью. Марийка вместе с попутчиками добралась до речной пристани, села на колёсный пароходик и ранним утром была уже в Решме. Несколько раз спрашивала у встречных, где живут Мелентьевы, но все пожимали плечами — в каждом доме приютились эвакуированные, всех по фамилии разве упомнишь? Наконец девочка с осипшим голосом повела её к дому, стоявшему неподалёку от белеющего березняка.

В продолговатой горнице, которую отдали беженцам сердобольные хозяева, жило семейство Мелентьевых — мать, девочки Шура и Галя. Отец был призван на трудовой фронт, работал на оборонном заводе в Подмосковье, но часто болел, и его отпускали домой, подлечиться.

Вся семья сидела за столом, мама подавала завтрак. Как несла чугунок с картошкой, так и села с ним на лавку, руки сами потянулись к вошедшей дочери, а чугунок и покатился по полу, да никто уж на него не глядел.

Мать — женщина строгая, сдержанная, а тут вдарилась в

слёзы — не остановить. Прижалась к Марийке и не отпускает. Шура лишь смеялась от счастья, прыгая вокруг застывших посреди комнаты отца, матери и Марийки.

— Живая, живая, моя доченька, моя кровиночка, — причитала Евдокия Андреевна.

— Ну, будя, будя, — бормотал растерянно отец, — поспела к завтраку, это на счастье, сто лет тебе жить, просим за стол, давай, мать, чугунок.

Марийка провела ладошкой под глазами, открыла чемодан, развязала вещмешок. Достала консервы, колотый сахар, пачку чая, матери — шерстяной платок, отцу — слегка поношенную цигейковую ушанку — купила на толкучке, Шуре и Гале — платки ситцевые, двоюродной сестре Маше — она жила своей семьёй неподалёку — беретик, её малолетнему Валерику — красного целлулоидного попугая — Андропов принёс, его сынок уже подрос, и теперь игрушка поехала в дальние края. Нашёлся гостинец и хозяйке — связка баранок да кулёк рыжего сахару-песку. Старушка степенно приняла подношение, поклонилась, но за стол не села, дескать, вам, своим, сподручнее беседу вести…

Марийка оглядела комнату — цветастые половички, на подоконнике герань, в углу тускло золотились образа в ризе, справа от них в большой новой раме — фотографии родственников: тут и старший брат Павел в форме с лейтенантскими кубиками, тут и весь её 7-й класс, и сама Марийка в гимнастёрке — такую карточку, с пустым нижним правым уголком, заставили срочно сделать для личного дела и для «Оперативного плана».

Рядом висела грамота, Марийка скользнула по ней взглядом, взглянула ещё раз, стала читать, будто никогда не видела раньше.

«Оргкомитет по проведению детских и юношеских Республиканских соревнований по лыжам награждает М. Мелентьеву, Пряжинский район, занявшую на соревнованиях К-ФССР пятое место по лыжам с результатом 34 минуты 10 секунд на дистанции 5 километров.

Председатель оргкомитета,
секретарь ЦК ЛКСМ К-ФССР Ю. Андропов
Петрозаводск. 8—9 января 1941 года».

Марийка бережно провела рукой по стеклу, улыбнулась. Так, значит, вот когда они встретились впервые! Тогда, давно, подойдя за грамотой к запорошенному снегом столику, она ничего не

видела перед собой, не рассмотрела и того, кто подал ей плотный лист с золотыми буквами, запомнилось лишь сильное пожатие руки.

— Вишь, как оно повернулось, — сказала она отцу, стоявшему рядом, — теперь это мой прямой начальник, мой старший товарищ, мой учитель.

— Взрослая, совсем самостоятельная, — шептала мама, не сводя глаз с дочери.

Марийка села на лавку, посадив по обе руки сестрёнок, зачарованно разглядывавших её новую гимнастёрку, скрипучую портупею.

— Как же там дела, на фронте-то? — спросил отец.

— У нас на севере нормально. Стабильная оборона, бои местного значения, готовимся к наступлению, партизаны уничтожают вражеские гарнизоны, засевшие во временно оккупированных наших сёлах. На юге, сами знаете как. Газету, вижу, читаете, вон лежит сводкой Совинформбюро кверху.

— До Волги уже дошли, поганые руоччи[9], — вздохнула мама.

— Есть приказ товарища Сталина «Ни шагу назад», — перебила её Марийка, — и он будет выполнен. Без приказа Москвы оставляли города. Теперь никто не отступит! Всё, баста!

— Костьми, выходит, лягут, собой заслонят?

— И лягут, и заслонят!

— В гражданскую мы тоже завсегда на своём стояли. Молодые, любили поспорить, — стал мирить их отец. — Давайте за стол, на работу опоздаете.

— Мы сейчас на картошке, а раньше были на помидорах, — сказала мама, — чудное дело, здесь, в колхозе, их целые поля, бывают кусты с меня ростом, все облеплены кругляшами, да рясно так, большие, попадаются с баранью голову, вкуснющие, когда с куста прямо, тёплые от солнышка. Солнышка тут поболее, чем у нас. Огурцы тоже хороши — толстые, сочные, на земле лежат, греются, об фартук вытрешь и хрупаешь.

Потом все наперебой расспрашивали Марийку.

Она много о себе не стала говорить, сказала коротко, как научил Андропов, — работала в госпитале, после специальной школы зачислили разведчицей в партизанский отряд, ходила на задание.

— Сельчанам, коль станут спрашивать, говорите — служит в госпитале.

Отец после завтрака, когда мама и Шура побежали на поле, завёл разговор о родных краях, о Пряже.

— В Киндасово — концлагерь, папа. В Петрозаводске целых

шесть лагерей, лагеря повсюду. Народ запугивают, обманывают, и всё к себе тянут — лес, скот, красный камень. Над пленными зверствуют, на госпиталь напали в Петровском Яме. Всех финками зарезали — и раненых, и врачей, и медсестёр. А чтоб следы скрыть, здание подожгли.

На следующий день Шура протопила баньку, а когда мылись, Шура, увидев оранжевые следы широких царапин и чёрно-синие пятна давних кровоподтёков, закрыла в испуге рот ладошкой. Марийка усмехнулась:

— Ничего, пройдёт. Пострашнее было. Мамке не говори.

— Это немцы тебя так мучили? — зашептала Шура.

Марийка оглядела свои плечи, ноги, перевела взгляд на сестрёнку, худенькую, стеснительную.

— Красивая ты стала, Шурочка, почти барышня. Четырнадцать годков — это уже возраст любви, — перевела разговор на шутку Марийка, ущипнув Шурочку за щеку.

— А парни зубоскалят, говорят, похожа на щепку. Ты ведь тоже такой тоненькой была, я помню. Намаюсь на колхозном поле, норму-то я взрослую почти всегда делаю, на печку заберусь, хозяева наши молчаливые, у них сына убили под Москвой, лягу, глаза закрою и вижу нашу далёкую довоенную жизнь. Плещется, переливается озеро в Пряже, а наверху наша изба рубленая, твоя кровать рядом с моей, и мы сумерничаем.

Вижу, как ты руку порезала ножиком, когда щуку огромадную чистила. Вижу, как тебя приняли в пионеры. Ты влетела в дом, словно ветер, к зеркалу бросилась, поглядела, ладно ли с красным галстуком. И зажим у тебя был с аленьким костерком пионерским, потом ты мне его подарила. «Надо создать уголок пионера!» — крикнула на ходу. Поставила в уголок табуретку, покрыла её красным маминым платком, положила подаренную в школе книгу «Как закалялась сталь» и портрет Ленина кнопочкой к стене приколола. Я этот портретик сберегла, со мной он здесь, в Решме.

А как радовалась я, когда тебя пионервожатой назначили, а позже вдруг забоялась — вдруг не выйдет у тебя. Вышло, малышня за тобой, как пчёлы за мамкой своей, вились. А ты им: «Делай раз, делай два», плавать учила, пирамидки живые строили. Затем хор вы затеяли, по сёлам ездили, выступали с песнями.

А помнишь лыжный поход? Ты меня не взяла, потому что поход вы решили сделать не простой, а военизированный. В противогазах шли пятнадцать километров до Святозера. Была Зина Белова, Зоя Амосова, Саша Колодин, в Святозере вы концерт ещё давали, а когда назад шли, Зинушка щёки приморозила, ты

ей растирала всю дорогу. Всегда у тебя под подушкой книжка библиотечная лежала, есть свободная минутка — ты к ней. Я теперь тоже много читаю. Устаю, конечно, на поле, но ничего, успеваю вечерами. Про Зою Космодемьянскую поэму выучила, зимой в кружок драматический запишусь, если в школу всё же пойду. Работать надо, хочу для фронта пользу делать, а школа что — успеется. Если за парту сяду, маме одной достанется и дома, и в колхозе. Нам на трудодень много чего нынче дали. Пшеницы по килограмму, гороха по два килограмма, даже мяса маленько выписали, мёду дали бидон ведёрный, сена полстога. Сено мы хозяйке отдали за молоко — Галя-то наша крепко болела зимой, кашляла. Заметила я, что и ты кашляешь, Машенька, буду перед сном тебя горячим молочком с мёдом поить.

Вечерами Марийка глотала приторное молоко с барсучьим жиром, соседка принесла, узнав, что приехавшая на побывку фронтовая медсестра простудилась в холодном крае.

Каждый день с мамой и Шурой Марийка с утра уходила в поле, в старой юбке, в маминой плюшевой жакетке, повязавшись выцветшей косынкой. Солдатки подходили к ней, знакомились, расспрашивали, как там на фронте. Мария отвечала сдержанно, но однажды в ней что-то разгорелось, вырвалось наружу.

— Ну что мы им сделали? Солнце застили? Новый порядок внедряют, задумали извести коммунистов и комсомольцев. Кровью умоемся, но не будет по-ихнему! И пусть не ждут враги пощады! Карельские партизаны знаете какие? Не дрогнут! Оборона на нашем фронте стальная. За год никто не отступил ни на один шаг!

— Все бы так стояли твёрдо, — сказала гордо Евдокия Андреевна, — тогда б из немца этого поганого весь дух бы вышел, околел бы он давно.

— Нам ещё эту зимушку продержаться, и не сдюжает фриц белобрысый, покатит его назад Красная Армия, как чурку берёзовую, — заключила разговор пожилая сгорбленная женщина.

Старый конюх, грузивший сам тяжёлые двухручные корзины с картошкой, не выдержал, крикнул:

— А ну, сороки, за дело! Ишь, затрещали, закудахтали, мне дотемна надоть все корзины под навес завезти. Даёшь, бабоньки, второй фронт, да поживее, коль американец не торопится…

В субботу снова топили баньку, Марийка парилась до изнеможения, Шура хлестала её веником, тёрла кулачками левый бок, в котором ещё покалывало и немело, потом, закутавшись, бежали домой, обжигаясь, пили горячее молоко и, забравшись на печку, шушукались до полуночи, пока отец не прикрикнул. И так

им весело стало от этого его окрика, давно забытого, довоенного!

— Маня, а Маня, не спишь? — тормошила через пяток минут сестру Шура. — А зачем вы с Дусей Велеславовой змей ловили?

— А как думаешь?

— Видать, опыты какие-то отважились делать.

— Вот ещё, опыты. Я ведь их где ловила? На пожнях, а там женщины с граблями, детки малые под копнами сидят. Дяди Гриши доченьку еле спасли. Ну, и решила я змей всех изловить, чтоб наших не кусали. Так два лета и ловили.

— Учительница здешняя сказала — змеи тоже нужны в природе.

— Странная, между прочим, у вас учительница. Змея — она и есть змея, истинный враг человечества. Их, как фашистов, рогулькой придавил и бей. А опыты мы ставили с Дусей вот какие — задумали лесных птенцов дома выводить. Пошли через пустошь в лес. Которая на дерево полезет? Дуся мнётся, а я уже на сосне. Лазила, лазила по деревьям, нашла два гнезда сизоворонки. Достала я с каждого по два яичка, во рту прятала, пока с дерева спускалась — руки-то заняты. Принесли домой, подложили под курицу, у нас на чердаке сидела как раз, высиживала. И что думаешь? Вывелись три птенчика. Все дни мы бегали за мушками, за червячками, а они не берут, стали чахнуть. Тогда я понесла их в лес, полезла на то дерево, в гнездо бережно положила. Да птица не приняла. Мы назавтра пришли, а голопузенькие лежат под деревом.

Шёпот их прервал тревожный стук в окно, причём стучали в их комнату, а не к бабушке — хозяйке.

— Это за мной, я знаю, — шепнула радостно Марийка Шуре, — меня отзывают срочно в Беломорск.

Она спрыгнула с печи, побежала в сенцы, отец засветил лампу. Враз все переполошились в горнице.

— Выручайте, люди добрые, — запричитала по-старушечьи моложавая женщина, закутанная в клетчатый платок. — Сестра из города приехала, рожать у нас надумала, и вот началось. Я в больницу нашу кинулась, там докторша молодая, говорит, подмога нужна. Подалась к фельдшерице, ту в Кинешму вызвали в военкомат, её маманя, спасибо ей, вспомнила — у Мелентьевых, говорит, тех, что из Карелии, дочка на побывку приехала, по медицинской части служит.

— Ох ты, господи, спаси и помилуй, — заволновалась Евдокия Андреевна. — Да нешто она акушерка, она раненых перевязывать умеет.

— Перестань, мама! — крикнула Марийка. — Надо выручать. Дважды у нас такое было в госпитале, я помогала. Справлюсь.

Марийка возвратилась аж к вечеру, сияла вся, глаза радостные, как в былые дни. По двору, сквозь мелкий осенний дождик, бежала, подпрыгивая, как пионерка, махала руками, смеялась.

— Огонёк у нас Маруся, — улыбнулся, глядя в окно, Владимир Аверьянович.

— Мальчик вот такой! — закричала с порога Марийка, разводя руки, — крепенький, голосистый. Докторша молодец, да и я не промах. Ах, какой день светлый! Ах, как хорошо жить на белом свете!

— По такому случаю будет у нас праздничный ужин, — сказала весело Евдокия Андреевна. — Сговорилась я с хозяюшкой — всё, что есть, на стол поставим. Доставай, отец, заветную четвертиночку с травкой зверобоем. Для растираний берегу да от простуды. Не грех будет сегодня за крестника язык помочить.

После ужина долго чаёвничали. Хозяйка подкладывала Марийке варенье из крыжовника, незаметно подталкивала блюдечко со свежим жёлтым катышом коровьего масла, сбитого утром, в котором слезинками блестели растворившиеся крупицы соли.

— Сколько помню, всё воюем, — сказала старушка. — Японская, германская, гражданская. Но такого вселенского пожара… Ну, окончится она, проклятая, а где силушку возьмём, чтоб всё поднять из мёртвого пепла?

— Поднимемся, Мироновна, лишь бы поскорее Гитлера одолеть, — ответил хозяйке Владимир Аверьянович.

— Подымемся, — подхватила слова отца Марийка. — Будем из кожи вон лезть, но города и сёла наши отстроим да ещё другим народам поможем.

— Вашему поколению, Мария свет Владимировна, поди, потяжелей нашей доля выпала, — вздохнула Мироновна. — Не надорвались бы.

— Была у меня боевая подруга, сказала она однажды такие слова, что навсегда вошли в сердце. Аня говорила: «Мы всех оденем, обуем, накормим. Всех голодных, всех угнетённых, всех рабов подымем с колен. Детишек там, в Африке или в Азии, научим тому, чего они не ведали никогда — улыбаться и петь с нами весёлые песни о счастливой жизни!» Ну, а если жилы надорвём, так надорвём за стоящее дело.

…Пробыла Марийка у родителей всего четырнадцать дней, выкопала картошку в огороде, побелила комнату в тёплый денёк, в погребе с отцом полки сколотила. А потом вдруг заволновалась, забеспокоилась, принялась вещи собирать. Мать в слёзы, за ней Галя.

— Может, не надо тебе в разведке этой служить, доченька? — шептала мать. — Пусть тебя в школу пошлют какую. Затем на завод, ну, а уж если никак, то можно и в твоё училище, где на моряков учат. Здесь по Волге женщины на буксирах плавают, справляются. Подучишься и ты, будешь плавать за милую душу. Разведка нешто девичье дело?

— В этом вопросе, мать, мы не советчики, — круто вмешался Владимир Аверьянович, — у неё есть командиры, они знают, быть ли ей в разведке. Между прочим, я и сам в разведке воевал, ежели помнишь мои рассказы. Туда дураков не берут, и коль Марию выбрали, так, значит, есть за что. Не зря к ордену представили.

…Евдокия Андреевна напекла пирогов с сушёными грибами, калиток с пшеном и толчёной картошечкой, хозяйка дала большую белую хлебину. Марийка хохотала, прыгала по избе, прижимая каравай к груди, как грудного дитятка.

— Смейся, смейся, — задорно покрикивала мать из кухни, хозяйничая у печи, и лицо её, раскрасневшееся от жара, подсвеченное красным светом, разгладилось от морщин, — скоро своё родненькое будешь тетешкать. Кончится война, выйдешь замуж, привезёшь внучку, будем с дедкой пестовать, будет всё, как у людей. Ты кого хочешь, старый, внука аль внучку?

— Погодите «замуж-то», погодите! — смеялась Марийка. — Я ещё учиться поеду, институт закончу. В Ленинград подамся, там, Аннушка сказывала, есть корабельный институт. Закончу его, и куда душа пожелает — захочу, чертежи стану рисовать, новые пароходы придумывать, захочу, на белом корабле поплыву в дальние страны.

— Ой, потонешь, доченька!

— Корабли не тонут.

— Никак я в голову не возьму, как он, железный, на воде держится. Лодку сшили из тёса, тут дерево, понятно, пошто не тонет, а железо быстрее камня на дно падет.

— Эх, мама, мама… Гляди, вон ковшик в бадейке качается. Он какой? Железный. Так и корабль, он, словно ковш, только в миллион раз больше.

— Так-то оно так, да всё же лучше, милая, на бережку. Иди туда, где на мануфактуре цветки выводят. Людям-то радость какую сделаешь, каждая девушка хорошая тебе спасибо скажет, когда платье наденет. Тебя ещё до войны Анюта Лисицина, светлая ей память, подбивала.

— А что, может и вправду в текстильный институт податься? — задумавшись, прошептала Марийка.

— Пора нам подаваться за порог, граждане, — вмешался Владимир Аверьянович. — Пешком ведь надумали до Кинешмы

шагать. Дорога дальняя, надо к вечеру поспеть. Вон уже идут и провожатые твои, дочка, две Марии и обе Фёдоровны.

Проводить Марийку вызвались двоюродная сестра и подруга по Пряже, тоже эвакуированные в Решму. Мало им довелось побыть вместе, всё работа да работа, не успели песен военных разучить, а тут воскресенье свободное выдалось. Пока поджидали подруг, все сели на лавку у стола, умолкли. И такое это было тягостное молчание, что Марийка не выдержала:

— Хватит, будто кого хороним! Не люблю я тишины!

Мама, как ни крепилась, а всё же заплакала, за ней в слёзы пустились сестрёнки.

— Отставить! Что вы меня, как на смерть, провожаете! — крикнула Марийка. — Отставить слёзы! Слушай мою команду. Утрись, улыбнись. Вот так, вот таких я люблю и уважаю.

В дорогу собрался и отец — кончался его отпуск по болезни, и он ехал в Подмосковье.

Вышли за околицу, распрощались. Мама с детьми долго стояла на обочине дороги и, заслонив глаза рукой, смотрела вслед уходящим. Обе Марии пошли чуть впереди — пусть поговорит отец с дочерью, а они ещё успеют, идти почти целый день.

— Скучаешь по Пряже? — спросила Марийка отца.

— Ну. Ночью намедни проснулся и уже до утра ворочался. Всё полями нашими хожу. Как стога к зиме укутаны, умело ли картошку забуртовали, хорошо ли стёкла замазкой заделаны на скотном дворе. Но больше сенокос видится. Травы выше пояса, шмели снуют.

— Папка дорогой, как я тебя понимаю! Ты поля видишь свои, а я школу, подружек. Всех, всех вижу. Сидим у нас: я, Дуся Велеславова, Дора Копра. Вчера нас в пионеры приняли. Что бы сделать такое? А сделаем подарок пионеров комсомолу! Мигом иголки, нитки принесли, нашли кумач, стали вышивать значок КИМ. Вышили, показали пионервожатой Кальске, та не нарадуется — ай да молодцы! Бумажного змея с девчонками склеили. Как я любила пускать змея! Смешно сейчас вспоминать, всего два года прошло, рядом-то, вот оно, детство, а оглянешься — давно-давно было. Я, папа, будто целую жизнь прожила. Боюсь сказать кому, но душа у меня состарилась, ну, как тебе пояснить, словно отсиженная нога стала. Ах, Аня, Аня, как там тебе сейчас? — прошептала она еле слышно.

Марийка закрыла глаза, и по правой щеке, той, что была обращена к отцу, медленно сползла чистая большая слеза.

Отец думал о своём. Улыбнувшись, он взял руку Марийки в свою широкую грубую ладонь, погладил корявыми, сухими

пальцами.

— Вижу, как вы у фермы толкаетесь: Дора, Паня, Дуся. Я на лошади верхом. «По какому такому делу тут народ?» — спрашиваю. Ты вперёд выступаешь: «Над колхозными телятами и жеребятами решили шефство взять — в комсомол готовимся, вот накосили стойкой травы, две подстилки принесли, решаем, каждой ли тёлочке дать, или той, которая больше понравится».

Марийка слушала его и не слушала.

— У меня, папа, мысли стали тяжёлые, и рука стала тяжёлая. Я могу стрелять, и она не дрогнет. Я тяжело хожу по земле, когда никто не видит. Нет, меня не горе пригнуло. Могикан прав — совесть моя чиста, голова моя поднята, я вон как её держу гордо. Я будто бы всё знаю обо всех. Знаю, что со мной будет… В этой войне каждый должен быть на своём месте. И женщины, и дети.

— Яблоками пахнет, — прошептал отец, перекладывая корзинку с едой с одной руки в другую.

И точно: забивая запах сухой дорожной пыли, дёгтя от сапог, повеяло тонким призывным духом антоновки из близкого колхозного сада.

— Хорошо бы, конечно, сады и у нас посадить, ничего, что север, — сказал отец. — Агрономом мне сильно хотелось стать, выучиться не пришлось, жалею. Но с яблонями в нашем крае, думаю, всё же можно. Вон дедка Мичурин чего наделал. Конечно, люди у нас на подъём тяжёлые, хотят сразу, чтоб было. Ну, и ты такая — вынь да положь.

Мария шагала, прижмурив глаза, и сквозь ресницы расплывалось радужное марево. Ей виделось то полуденное озеро в пляшущих зайчиках, то как она стреляет из мелкашки стоя, в школьном тире, физрук укоряет — надо лёжа, с упора, то как они с Дусей Велославовой шагают 1 августа в военкомат, подают заявление, а назавтра она уже сидит в полуторке, едет в Кунгозеро санинструктором.

Отец, словно увидев всё это, вдруг спрашивает:

— Страшилась крови-то вначале, как санитаркой взяли?

— Нет, не боялась. Страшно было, когда на руках умирали. Бинтуешь или из ложечки поишь, а потом вдруг всё. Ещё секундочку назад разговаривал, стонал — и нет уже. Страшно письма домой писать. Похоронка само собой пошла, а я всегда письма писала. Напишу, как поступил в госпиталь, где сражался, какая рана была. Политрук присел однажды рядом, смотрел, смотрел, как я слова подбираю, заговорил о том, о сём. Я ему — вот письма родным пишу, а он в ответ: «Если меня убьют — не пиши моим, похоронка дело казённое, получат, да всё же надежда живёт — вдруг недоразумение, вдруг напутали чего, всякое в

такой круговерти может быть, вон как война возгорается, а уж когда письмо из госпиталя от очевидца, от сандружинницы… Человек жив надеждой…» Перестала я письма слать, сначала серчала на него, а теперь понимаю — прав был политрук Шестаков.

— Взрослая ты совсем стала, — сказал отец и снова взял Машу за руку.

Через час сели передохнуть. Марийка обняла подружек.

— Три Марии, три весёлых друга, экипаж машины боевой. Всё, всё, теперь я с вами. Папа, ты не сердись, нам о многом переговорить надо, много песен подруги хотят разучить. Начинаем со старой, уж вы её, поди, знаете:

Двадцать второго июня
Ровно в четыре часа
Киев бомбили, нам объявили,
Что началася война.

14

Ориспяя медленно поднялся из-за длинного стола, незаметно потянулся, зевнул, прошёл к окну, поскрипывая большими начищенными сапогами с высокими прямыми голенищами, поправил отошедшую тяжёлую портьеру.

— Продолжайте, Хильда, я слушаю, — он повернул своё широкое лицо к молодой женщине с надвинутым на самые глаза платком, сидевшей у круглой печки на тяжёлом старинном стуле.

— На третий раз нашей сходки Мякишева снова мне не дала никакого поручения. Вчера же вдруг пришла вечером ко мне домой сама и заставила, то есть попросила переписать десять раз печатными буквами вот это.

— Сводка Советского информбюро? — равнодушно пробурчал Ориспяя.

— Так точно. Сказала, когда вы на минутку в гараж отлучились, она в ваш кабинет юркнула, приёмник включила, Москву слушала. Потом я снова, как вы приказали, стала её спрашивать, осторожно так, когда к нам приплывут партизаны с пудожского берега. Молчит. Тогда я спросила, когда нам доставят радиостанцию для связи с Большой Землей, чтоб передавать о разведанных объектах. Она захохотала так громко-громко, и тогда я растерялась и брякнула про Лисицину: правда, говорю, что месяца два назад та была выброшена на парашюте с группой чекистов в нашем районе? Как Мякишева на меня глянула, словно огнём опалила. И опять начала смеяться, выхватила у меня из рук эту сводку и говорит, что наша группа теперь будет изучать кройку и шитьё, а кто пожелает — вязанье на спицах. Потом взяла меня за руку, да цепко так, довела до порога и шепчет: «Иди, доноси, я никого не боюсь».

— Так и сказала?

— Всё равно, говорит, ты ни черта не знаешь. Обозвала меня некрасивыми словами и листок этот мне в лицо бросила.

— Интересно, какими словами?

— Ну… Пробкой керосиновой.

— Не спеши, скажи ещё раз чётко по-фински, что значит пробка керосиновая?

— Ну, мол, глупая до крайности, дальше некуда, как пробка в бутылке с керосином, так русские говорили у нас тут.

Ориспяя вынул из глубокого кармана галифе портсигар, раскрыл его, протянул Хильде.

— Сами не курите и мне говорили — сигарета убивает аромат юности, — сказала та, приподымаясь за сигаретой. — А

мне в Финляндию надо собираться, в школу торговую, вы обещали как дочь раскулаченного большевиками земледельца.

Ориспяя щёлкнул портсигаром, наклонился, прошептал:

— Да не в торговую школу я метил тебя послать, а в школу разведки, галоша. Но теперь я вижу, что легче зайца научить ходить за плугом, чем из тебя сделать разведчика. Всё, точка. Можешь идти, больше ты мне не понадобишься. Убирайся да поживее, мадемуазель комсомолка. Вон!

Женя Мякишева в ту ночь не уснула. Она перебирала всё в памяти, вспоминала каждое слово, которое ею было сказано при Хильде. Нет, ничего та не знает. Сколько людей в группе, кто именно — не знает. Не знает, что Маша-продавщица делала план укреплений вдоль Онежского озера, что она, Женя, пять раз ездила в Вознесенье на попутных машинах, брали шоферы даже не в кузов, а в кабину барышню из полиции. Там, на Свири, однажды пропадала целый день, потом, возвратясь, ночью рисовала план, передала его тёте Маше Мартыновой, а та дальше в лес Кярнонену.

— Хильда, Хильда, кто бы мог подумать, — шептала в подушку Женя. — Я же за тебя поручилась, когда тебя из-за отца не хотели принимать в комсомол. Дети не отвечают за своих родителей — доказывала я в райкоме, там прислушались, поверили. Теперь вон как оно вышло.

Утром Женя еле приплелась на работу, устало подошла к крыльцу двухэтажного деревянного здания районной библиотеки, где с осени прошлого года обосновался штаб полиции, который многие в селе звали комендатурой.

Дежурный шепнул, что Ориспяя на месте. Клава и Лена сидели за своими столами. Услыхав стук двери, капитан выглянул из своего кабинета, поманил Женю пальцем.

— Я думал, вы где-нибудь уже в глухом лесу, барышня Женя, — усмехнулся Ориспяя, прохаживаясь по ковру и косясь во двор, где трое полицаев седлали лошадей.

— Что мне в лесу делать, мне надо на хлеб зарабатывать, двух братиков, двух сестричек малолетних да больную мать кормить…

Женя осеклась, увидев, как медленно капитан расстёгивает чёрную большую кобуру, продолжая глядеть в окно. К полицаям подбежал чёрный бездомный пёс.

— Застрелю, как эту грязную собаку! — захрипел Ориспяя, рванувшись к Жене и выхватывая парабеллум. — Слышишь ты, как собаку!

Длинным стволом он больно поддел опущенный подбородок Жени, приблизил свои холодные глаза к её глазам.

— Что, молчишь? Душа ушла в пятки?

— Как я вас ненавижу, — прошептала Женя. — За ваше омерзительное «барышня Женя», за вашу жену, повязавшую на наш советский манер красную косынку, за её цветнички, клумбочки. Чего вы сюда припёрлись?

Она поперхнулась, закашлялась…

Ориспяя остолбенел, тряхнув большой головой, переложил пистолет в левую руку, отпер большой сейф, вытянул чёрную ледериновую папку с белым ярлычком справа.

— Ты знаешь комсомолку Лисицину Анну?

— Не имею представления.

— Из Рыбреки. Вы учились вместе здесь в Шелтозере.

— Ну, учились и учились, мало ли я с кем училась.

— Когда ты её последний раз видела?

— Так давно, что и не вспомнить. До войны.

— Сейчас у тебя дома делают обыск. Советую признаться во всём, так будет лучше. Возможно, я ещё тебя выгорожу, как-никак год вместе проработали.

— Боитесь за свою репутацию, господин капитан?

— Чепуха, — хмыкнул Ориспяя. — У вас кружок молодых домохозяек. Здесь, в этой папке, всё записано, каждый твой шаг. Ваша группка — это комариный укус для Великой Финляндии. В крае добропорядочных вепсов нет и не будет большевистского подполья, слышишь? Заруби себе это на носу. Ну, а чтоб тебе не досаждала красная косынка моей добропорядочной жены, чтоб у тебя было где слушать радио, поедешь в концлагерь, там тебе прочистят уши. В самый «хороший», в самый «трудовой»! Будешь валить лес, строить дорогу, если в тепле сидеть не захотелось. А скоро снежок полетит, метель завоет. Прощай и помни: начнёшь болтать о приёмнике в кабинете Ориспяя — я и в лагере тебя найду. Всё. Вон.

Обыск ничего не дал, да Ориспяя и не ждал от него многого. Матери Жени он всё же разрешил проститься с непутёвой дочерью, а на просьбу старушки вернуть ей продуктовые карточки ответил выразительным похлопыванием по собственному заду.

В начале октября в Житно-Ручье выдалась пара таких тёплых дней, что Мария Ивановна подняла мужика своего с печи и вывела во двор на завалинку, а после, когда Михаил Петрович отсиделся, оклемался, позвала в огород подержать мешок, в который она ссыпала картошку. С самого краю оставался ещё лоскут невыкопанный, вот и принялась за него Ивановна. На огороде и нашёл их староста Смолин с полицаем, отсюда и повели их в комендатуру Роп-Ручья.

Комендант взял с места в карьер.

— Дочка дома была?

— Была, была, — закивала головой Мария Ивановна.

— Анна?

— Нет, нет, не Анна, была Настя. С работы её отпускали.

— Как не была Анна? — закричал переводчик. — А кто в Нилое советскую газету принёс, в Шелтозере листовки разбросал?

— Не знаю я, и дедка мой не знает, — заплакала Мария Ивановна.

— Бабушка, грех неправду разводить. Мы про всё ведаем.

— А коль ведаете, так чего допытываетесь?

Продержали их в кутузке дотемна. Пришли старики домой, в избе всё вверх дном: подушки распороты, сундуки на боку, золу из печки — и ту выгребли. В сенцах всё опрокинуто, в сарае сено переворошено, корова посреди двора мычит.

Прошла неделя, вдруг ночью стук в сенцах. Мария Ивановна поднялась, зажгла фитилёк лампадки, пошла открывать.

— Кто будет?

— Из Шалы я, — зашептал мужской голос по-вепсски. — Принёс кое-что.

— Ты, что ль, от Анны?

— От Анны, от Анны, открывай, бабушка, холодно, дождит.

Подумала, потопталась Мария Ивановна, вспомнила, как её учила Аня, прошептала в дверную щель:

— Ты воды хочешь напиться, что ль?

— На кой ляд мне твоя вода, — затараторили за дверью. — Открой, мать, дождь хлещет.

— Не мать я тебе, иди с богом.

До утра ворочалась Мария Ивановна, только Михаил Петрович да Надя спокойно спали, а утром все были подняты стуком приклада в дверь.

Повезли Марию Ивановну полицаи в Шелтозеро к капитану Ориспяя.

Доехали быстро, лошади самые лучшие в комендатуре, да в коридоре штаба полиции долго ждать пришлось, пока позвали.

— Был у вас мужик ночью? — спросил Ориспяя через переводчика, не отрывая глаз от бумаги.

— Не был, — ответила Мария Ивановна.

Капитан заскрипел зубами, вытянул пистолет, ударил по столу.

— Дочь прятала, а мужику почему не открыла? С богом отослала, а он от твоей Анны гостинец тебе нёс.

— Нет у меня Анны, убили её, люди сказывают.

— Кто убил?

— Вы её убили.

Ориспяя долго глядел на маленькую седеющую женщину, на её вытертую с залысинами плюшевую жакетку с коротковатыми рукавами, из которых торчали чёрные узловатые пальцы.

— Поедешь в лагерь. Всей семьёй, муж твой, невестка — жена красного комиссара с ребёнком. Все поедете. Хватит миндальничать с вами, дикари неумытые! Даю сутки на сборы! И пошла вон отсюда, запах от тебя, как от коровьего дерьма! Вон!

Провожать пришла Люба, она давно уже переселилась в свою избу, вытирала молча слёзы уголком платка.

Повесила Мария Ивановна на дверях избы замок, ключ под нижнюю ступеньку крыльца подсунула, если Настя объявится, взяли по узлу в руку, сели на подводу, полицай уже целый час дожидался, и поехали. Только не на юг повернули, не в Вознесенье, как тешили себя Мария Ивановна с Надей, а на север. Путь их лежал сначала в пересыльный лагерь в Петрозаводске, а оттуда в далёкое Колвозеро близ Ребол в лагерь строгого режима.

15

Поезд в Беломорск пришёл с большим опозданием — за Онегой «юнкерсы» бомбили шедший впереди воинский эшелон, но их быстро отогнали зенитками на платформе и счетверёнными «максимами». Всё же несколько бомб пикировщики успели положить прицельно, серьёзно повредив паровоз и разворотив в двух местах железнодорожное полотно.

Управиться можно было бы часа за два, да помехой всему стал подбитый паровоз. Дорогу починили быстро, желающих нашлось хоть отбавляй. Марийка толкалась долго, ждала момента, ухватила лопату, когда разгорячённый весёлый танкист полез за кисетом, чтобы угостить зенитчика с перебинтованной головой, но лопату у неё тотчас отняли силой и велели идти кашеварить к большому костру, где уже с закопченными вёдрами возились женщины в такой же, как и она, полувоенной форме.

У Марийки всё было рассчитано: утром прибежит на квартиру, благо дом, где она квартировала, стоял недалеко от станции, быстренько вымоет голову, подошьёт свежий подворотничок — и на работу. Но всё поломалось — на дворе уже загустевали сумерки, когда Марийка вышла из вагона, еле отбившись от назойливого морячка, который всю дорогу занудно предлагал поднести к самому дому её не очень-то тяжёлый продавленный чемодан, взятый полмесяца назад напрокат у Нины Лебедевой.

Тётя Зина, хозяйка, всплеснула мокрыми руками — как раз чистила картошку к ужину, — полезла через разбросанные у плиты сырые поленья целоваться.

Марийка вынула ей большую стеклянную банку яблочного повидла, сама варила в Решме, большой клубок серых домашних ниток — подарок от мамы. Тётя Зина нитки решительно отложила в сторону, дескать, сама себе что-то свяжешь, душегрейка к зиме во как пригодилась бы, в ответ Марийка показала ей ещё один пушистый клубок, вынула пару толстых шерстяных носков. Порешили так — Марийка свяжет себе жилетку, а что останется, возьмёт тётя Зина.

За суетой не заметили, как на кухню вошла чернобровая девушка, коротко стриженная, в стираной гимнастёрке, подпоясанная новеньким брезентовым поясом.

— Вы Марийка, я вас узнала, — сказала она звонким голосом, отделяя слова друг от друга.

— Это новая жиличка, — быстро и как бы виновато произнесла тётя Зина. — Нина привела, и деньги мне уже

уплатили, в бухгалтерию вашу вчера ходила. Вместо Ани будет, я так поняла. Ани-то всё нет и нет. Может, назад в Сегежу поехала, две недельки-то всего пожила, а привыкла я к ней…

— Кто распорядился? — поджав губы, спросила Мария, сверля глазами новенькую.

— Сам товарищ Могикан. В тесноте да не в обиде, сказал. И ещё добавил — вам подруга нужна.

— Вот как? Ну, добро, поживём-покрутимся. Давай лапу, будем знакомы. Тебя-то как звать-величать?

— Галя меня зовут, а фамилию, сказал Могикан, без надобности не надо лишний раз произносить.

Марийка снова кольнула глазами новенькую, вдохнула резко в себя воздух, хотела завестись, да вдруг зашлась смехом, который ни тётя Зина, ни Галя не поняли.

— И я такой была, — сказала она, отсмеявшись. — Полгода назад всего. Ты пионервожатой до этого работала, что ли?

— Точно, а как вы узнали?

— О, это сложная наука. Тебе уже говорили о деталях? О деталях в нашем деле? — подчеркнула заговорщицки Марийка.

— Говорили, — гордо произнесла Галя.

— Ну, вот и славно. Так намекнуть о деталях? Ты голову держишь так, будто у тебя на шее красный галстук, и слова ты произносишь радостно и чётко.

— Разве высоко поднятая голова недостаток?

Марийка сдёрнула берет, мотнула свалявшимися волосами и, ничего не ответив, прошла в комнату. Остановилась в проходе, положила вещмешок под свою кровать, погладила на Галиной койке подушку, вспомнив, как здесь молча первые дни лежала, поджав под себя ноги, Аня. Марийка причесалась, вышла на кухню, наотрез отказалась от чая, взяла пустой чемодан, сунув туда банку самодельного повидла, и пошла к Нине Лебедевой. У неё и осталась ночевать — не хотелось уходить от печурки, от жёлтых бликов, пробегающих по стенам, от душевного разговора.

Нина рассказала обо всём: и о делах в ЦК комсомола, и о новых кинофильмах, и о том, что пишут газеты о битве в Сталинграде, и как недавно в Беломорске работники НКВД раскрыли шпиона, и о том, какую сногсшибательную причёску сделала себе Галя Ростовская. Рассказывала о многом, а о Васе всё не заговаривала, пока Марийка сама не спросила:

— Василёк не вернулся?

— Нет, группа пока не объявилась.

Нина подбросила дровишек, в печурке на минуту потемнело, затем языки пламени поползли сквозь поленца, дрова полыхнули, и комната осветилась золотистым светом.

— А про мой орден ничего не слышно? — хрипло спросила Марийка.

— Ну, ещё рано, Машенька. Пока бумаги дойдут куда надо, пока рассмотрят, пока подпишут.

— Как думаешь, какую работу мне даст Юрий Владимирович?

— Тут и думать нечего — будешь в аппарате, будешь инструктором, Галю начнёшь готовить.

— Аню она мне не заменит. Я твёрдо решила проситься на новое задание. Если его Могикан не даст, подам заявление в военкомат.

— Ох, и задаст он тебе трёпку, Маша. Есть, скажет, комсомольская дисциплина — и точка. Мне, знаешь, как попало, я-то сколько уже сижу без движения. Он мне говорит: «Понадобишься — позовём».

— Могикан на Олонец меня метил, да что-то не сладилось. И верно, какой из меня секретарь райкома тогда был, весной. Теперь поумнела, хочу сама попроситься в подполье…

— Давай спать, Машутка, утро вечера мудренее.

Утром северик задул с ещё большей силой, чем вечером, рябил мелкой чешуёй холодные серые лужи, срывал с военных фуражки, залетал под фуфайку, свистел в ушах, завывал под мостом, над Выгом.

Простучав каблуками сапог по крыльцу, Нина и Марийка вбежали в коридор, бросились к печке, которую уже растопила тётя Даша, прислонили покрасневшие ладошки к только-только нагревшейся стене.

Тут их и увидел Андропов, тоже торопливо вбежавший в коридор. Быстро потерев озябшие руки, протянул обе Марийке:

— Ну, здравствуй, Мария Владимировна. С приездом на родную карельскую землю. С виду чуть-чуть поправилась, щёчки порозовели, а глаза всё так же неотразимы. Ты что же, стрекоза, раньше срока прибыла? По моим подсчётам, у тебя ещё отпуск, постой, сколько же, двенадцать дней. Целых две недели.

— Соскучилась. Хочу живого дела, Юрий Владимирович.

— Ну, это сколько угодно, — усмехнулся Андропов, тоже приставив ладони к печке. — Сколько вам пудов, сударыня, десять? Может, отпустить целых сто? Поднять бы только, не надорваться, — сказал он вдруг горько, и уголки губ его ещё ниже опустились, а тёмные круги под глазами обозначились выпукло и болезненно.

В большой и светлой комнате инструкторов сидели только Мария Ульянова да Фёдор Кузнецов. Они обрадовались Марийке, ей даже показалось, что обрадовались куда больше, чем тогда, когда она вернулась из Шелтозерья; позже Ульянова ей шепнула,

что её донесением очень довольны там, в ЦК партии.

Подходили другие инструкторы, и каждый здоровался за руку, говорил, как хорошо выглядит Марийка. Улучив момент, когда у Андропова никого не было, Марийка постучала в дверь.

— Заходи. Ты же знаешь, я не люблю, когда стучат. Ко мне всегда можно. «Дверь отперта. Переступи порог. Мой дом раскрыт навстречу всех дорог», как сказал один поэт.

— Лермонтов, только не вспомню, откуда, — сказала бойко Марийка.

Андропов прищурился и долгим взглядом оглядел Марийку. Выглаженная гимнастёрка с рубчиками от утюга над кармашками, подворотничок белее снега выступал ровно настолько, насколько надо, не больше миллиметра, ремень затянут на последнюю дырочку, пуговицы начищены, короткие волосы, причёсанные мокрой расчёской, лежали волнами, удлинённые глаза глядели насмешливо.

— Нет, это другой русский стихотворец, Волошин. Он мало известен, хотя жил в наше время. Блистал в Париже, в Петербурге, но вдруг ушёл от шумного света, поселился на берегу моря в Крыму, надел, как древний грек, белый хитон, взял пастуший посох и стал слушать шум прибоя. Раздал всё, что накопил, устроил в своём доме коммуну, пристанище поэтов. Люди смеялись над ним, а он ел простой овечий сыр и писал стихи.

Мой кров — убог. И времена — суровы.
Но полки книг возносятся стеной.
Тут по ночам беседуют со мной
Историки, поэты, богословы.

Андропов, читая, встал, поднял правую руку, и так вышло, что указал он ею на единственную небольшую полочку с книгами. Марийка за одну секунду прочитала на корешках: Ленин, Дзержинский, Калинин, Макаренко, Блок, учебник финского языка.

— Вы, говорят, тоже слагаете стихи? — тихо спросила Марийка.

Андропов засмеялся, вышел из-за стола, поставил поближе к окну стул, указал на него Марийке.

— Слагаю для внутреннего пользования, для дома, для семьи. Печататься, по секрету тебе скажу, не собираюсь, а вот как-нибудь под гитару спою. Устроим вечеринку на Октябрьские праздники, мы уж тут решили всем нашим коллективом собраться, самовар поставим, пирогов девушки напекут, тогда ты мне и напомнишь.

Договорились?

Теперь о наших буднях. С Галей, я полагаю, ты познакомилась, будешь её опекать, поучишь конспирации. На той неделе поедете на аэродром, попрыгаете с парашютом, в программе у вас стрелковая подготовка, топография. В общем, курс такой, какой был у Ани.

— Вот и пусть с ней Лебедева занимается, — вспылила Маринка. — Я вам сказала — хочу боевую работу. Юрий Владимирович, ну поймите вы меня, голубчик, я хочу риска, опасности. Не могу я киснуть здесь. Говорила вам, тяжкий груз у меня на сердце, давит он всю дорогу, к земле пригнул. Отомстить хочу за Аню. Не дадите горячее дело — в военкомат побегу.

В кабинете наступило долгое тягостное молчание. Андропов снова встал, сделал два шага вперёд, повернулся, потёр правой рукой щеку, будто та у него замёрзла, пригладил ёжик волос с серебряными блёстками.

— Груз, говоришь, на сердце? А у меня как же тогда? У меня что там, в серёдке, пустота, а может, заводная пружина? Пойми, ты уже была на волосок от смерти, тебя поберечь надо. Анну потеряли. Да знаешь ты, что это не первая смерть здесь, у нас и, видимо, не последняя? И это всё по моей воле, по моему приказу вы идёте. Может, я этот груз до конца своих дней чувствовать буду. Такое тебе не приходило в голову? Каждое утро я захожу к Пашкевичу на радиостанцию. Сегозерье молчит, замолк Олонец. Что с ними? Провал, попались, живы? Или, может, их вот в эту чёрную минуту к стенке ставят, девичью лебединую шею лампой жгут, как жгли Зою?

Марийка широко раскрытыми глазами глядела на Андропова.

— Таким я вас никогда не видела, — вырвалось у неё.

— Мне говорят — надо комсомольский партизанский отряд создавать. Будто я против, будто не я с этим носился ещё в декабре прошлого года. Но и подполье сегодня нам необходимо! Надо, чтобы наши люди в оккупации не были сиротами, надо, чтобы чувствовали — родная советская власть рядом, не растоптали её захватчики, живая она.

Он походил по комнате, сел рядом с Марийкой, глянул в её чёрные расширенные зрачки.

— Учиться пошлём в Москву. Поедешь в столицу, голубиная душа?

— Хочу на фронт.

— Замуж выдадим. Скажем, за… Васю Савоева.

Марийка зарделась, опустила глаза.

— Откуда вы знаете про Васю?

— Я знаю и то, Марийка, — вздохнул Андропов, — что Вася

твой на задании, что все сроки прошли…

— Он вернётся, он сильный. Не может такого быть, чтобы его убили.

— Приходил снова лётчик. Я не смог сказать ему, я соврал, сказал, что вы с Аней в новой командировке. Ты не видела его?

Маша рассказала, как ходила на аэродром, как её переманивал майор в военторговский киоск. Незаметно как-то разговор перекинулся на поездку в Решму. Андропов дотошно расспрашивал о настроении тамошних колхозников, об урожае, о болезни отца.

— Скучно у них, — заключила Марийка. — Не затемняются по вечерам. Странно.

Зазвонил армейский телефон в зелёной коробке — Андропова вызывали в политотдел фронта.

Надевая шинель, он быстро заговорил:

— Я подумаю. Всё взвешу, а пока будь старшей сестрой для Гали, прошу тебя. Ей сейчас очень непросто: в душе сумятица, натура она романтичная, а тут всё не так, как представлялось, уже, видимо, начинает в чём-то разочаровываться. Приголубь, отвлеки, поучи финскому разговорному языку, основа у неё есть, девочка она старательная.

Две недели Марийка и Нина Лебедева занимались с Галей. Намечен был день выезда на дальний полевой аэродром для прыжков, но с утра за Марийкой пришла посыльная — срочно к Андропову.

У Андропова был какой-то командир-пограничник, и Маша села за столик Лебедевой, та выделила ей одну тумбочку, одну половину, достала папку с бумагами по школе ФЗО, где ей поручено было провести отчётно-выборное комсомольское собрание. Листала бумаги, но в голову ничего не шло, десять минут ожидания показались ей целым часом. Марийка открывала и закрывала папку, вскакивала, заходила в комнатку к Гале Ростовской, пыталась с ней о чём-то разговаривать, а мысли все были там, за дверью кабинета.

Когда она зашла, Андропов, склонившись низко над столом, что-то писал в записной книжке. На нём был знакомый пиджачишко и белый поношенный свитерок, таким он не нравился Марии, и однажды она ему об этом прямо сказала.

— Военным я быть не собираюсь, — ответил Андропов, — и чтоб не забыть светские манеры, надо время от времени носить манишку и галстук.

Марийка, вся сжатая, как пружина, присела у стола, погладила пальчиком выцветшее зелёное сукно с крохотными чернильными пятнами.

— Ты Бультякову знаешь? — спросил Андропов, не отрываясь от записной книжки.

— Востроносая такая, с косичками?

— Угу.

— Виделись пару раз.

Андропов спрятал книжечку в боковой карман пиджака, внимательно посмотрел на Марию.

— Бультякова пошла с заданием как секретарь подпольного райкома комсомола. Всё началось хорошо, сама понимаешь, она была не одна, и вдруг связь оборвалась. 12 сентября получили мы последнее донесение по радио — и всё, точка. Куприянов и Власов за то, чтобы послать к ним связных. От ЦК партии пойдёт человек, и от нас надо.

— Я согласна.

— Ты даже не спрашиваешь, где это?

— Понимаю, что секрет. А товарищей надо выручать.

— Ну что ж, другого ответа, товарищ Мелентьева, признаюсь, я и не ожидал.

16

Как быстро летит время! Казалось, совсем недавно Маша Бультякова впервые ступила на крыльцо этого небольшого деревянного домика. В левой руке она держала чемоданчик, в правой — помятую телеграмму: «Вельск, Архангельской, горком комсомола. Вызываются Беломорск в распоряжение ЦК ЛКСМ на армейскую работу комсомолки Бультякова, Середина, Леонова. Секретарь ЦК ЛКСМ К-ФССР Андропов».

Рядом с Машей стояли Мотя Середина и Витя Арсентьев, шестнадцатилетний парнишка, увязавшийся с ними на свой страх и риск, а вот верной подруги Клавы Леоновой не было — не дождавшись вызова, она всеми правдами и неправдами добилась отправки на фронт.

Они вошли в коридор, постучали в дверь, обитую чёрным дерматином. Навстречу им шагнула бледная высокая девушка, взяла протянутую Машей телеграмму и, понимающе кивнув, заглянула в соседнюю комнату.

— Юрий Владимыч, трое архангелогородцев прибыло по вашей телеграмме. Выписывать направление в общежитие или сначала к вам?

Андропов вынырнул из низких дверей, поздоровался, крепко пожав каждому руку, и, подхватив самый тяжёлый чемодан, повёл всех к себе.

— Галочка, Лена, вы там чай ещё не весь выпили? Тащите, что есть — ребята с дороги! — крикнул он через плечо и, когда гости уселись на продавленный диван, стоявший напротив стола, быстро оглядел каждого. — Ну, рассказывайте, как добрались, как жилось? Кто первый? Бультякова вы будете? Совпадает по описанию — худенькая, похожа на пастушка.

— Кто вам обо мне говорил? — засмущалась Маша.

— Ваня Павлов весьма лестно характеризовал — активная, боевая. Он приезжал к вам в Ругозеро на обмен комсомольских билетов весной 41-го.

— Верно, я ему помогала.

— И хорошо помогала, раньше срока провели важную кампанию в районе. Помимо этого я вашу сестру, Анастасию Васильевну Коллиеву, знаю хорошо и как первого секретаря Ругозерского райкома партии, и как депутата Верховного Совета Карелии, заседать вместе приходилось — очень симпатичный и толковый человек. Вот и всё, пожалуй, ну, и кое-что из вашего письма почерпнул, очень оно мне понравилось.

Андропов выдвинул ящик стола, достал папку с завязками,

вынул почтовый конверт.

— Почитаем, вы не против, Маша? «Когда началась война, мне не было 18-ти лет, но я, как все, хотела идти защищать Родину. Окончила десять классов. Прошла курсы сандружинниц в Ругозере. Перед войной послала документы в Ленинградский университет на гидрогеологический факультет и получила вызов, но подлые захватчики помешали осуществиться мечте жизни… А ещё хочу сообщить вам, что в военкомате натолкнулась на чёрствых и грубых людей. Днём меня выставляли несколько раз, тогда я вечером пробралась чёрным ходом со двора к самому военкому. Он, не выслушав меня, спросил, как я прошла сюда, и стал ласково просить, чтобы я ему показала этот тайный ход. Мы пошли, он улыбался и спрашивал, есть ли у меня дома куклы, а когда дошли до входной двери, военком открыл её и толкнул меня во двор, а сам быстро закрыл дверь на засов.

В Вельске я пошла в райком комсомола, и мне дали направление на железную дорогу. Я думала, что буду водить паровозы, в худшем случае охранять вагоны с военной техникой, а меня поставили кассиром. Работа очень нервная для меня, так как я деньги считать быстро не умею…

Прошу всё вышеизложенное изучить и дать мне возможность проявить себя в борьбе с подлыми захватчиками на фронте или в партизанском отряде…» Ну, и далее всё такое, что пишут многие комсомольцы, обращаясь к нам с просьбой немедленно направить их на передовую.

Андропов походил по кабинетику, весело размахивая письмом Маши, потом повёл беседу с Матрёной и Витей.

Маша с интересом наблюдала за ним. Вот он какой, секретарь, — красивый, заботливый, любит шутку, азартно грызёт крепкими зубами коричневые кубики сухарей, посыпанные мелкой солью, запивая их светленьким чаем.

На Андропове был чёрный, залоснившийся на локтях костюм, светлая рубашка, галстук, под пиджаком старенький джемпер с неглубоким вырезом. Подстрижен он был коротко, волосы слегка кудрявились; когда смеялся, глаза так и лучились радостным светом. У него была крепкая, сильная шея, широкая грудь, и весь он своей весёлой деловитостью напоминал Маше физкультурника.

В конце разговора Андропов позвал Галю Ростовскую — заведующую финхозсектором, попросил выдать новичкам продовольственные карточки и закрепить за столовой, а Маше и Моте, которые собирались жить у родственников Серединой, выписать к тому же разрешение на прописку.

Спустя два дня решилась их судьба — Мотя и Виктор

получили направление в спецшколу, Бультякову оставили в ЦК комсомола.

— Из тебя получится толковый комсомольский работник, поверь мне, Маша, — успокаивал её Андропов. — У меня чутьё на людей. Ну, что ты заладила: хочу в спецшколу, хочу с ребятами. В конце концов, спецшкола от тебя никуда не уйдёт. Мы тебя прикрепим к нашему Фёдору Кузнецову, секретарю ЦК по школам. Походишь с ним, съездишь в командировку, подучишься, побываешь на собраниях, познакомишься со школьной комсомолией, начнёшь организовывать военно-спортивные кроссы, сдачу норм ГТО, проанализируешь успеваемость в старших классах. Подымай ребят на сбор металлолома, ищите бутылки, они нужны для противотанковой горючей жидкости, и, конечно, всегда помни о тимуровском движении — сейчас одиноких матерей, вдов и сирот сама знаешь сколько.

Дни полетели, дела навалились — успевай поворачиваться. Маша освоилась быстро, в школах её всегда встречали тепло — она и лозунг могла нарисовать разведённым в молоке зубным порошком, и злые стихи мигом сочинить в стенгазету.

С большим старанием помогала Феде Тимоскайнену, секретарю, отвечавшему за военно-физкультурную работу, организовать в посёлке Летний военно-спортивный лагерь, добилась, чтобы пятерым сиротам пошили тёплые курточки из пальтового сукна. Сама пошла получать их на склад, который был недалеко за мостом, и там неожиданно увидела Андропова с двумя незнакомыми ей рослыми парнями.

Разворошив целый тюк, парни увлечённо примеряли тёмно-серые, грубые пальто.

Марию поразило лицо Андропова — холодное, брезгливое, угрюмое. Плотно сжав тонкие губы, ледяными глазами смотрел куда-то вдаль, не замечая ни её, ни суетившегося краснорожего кладовщика, лихо похлопывающего по плечам новичков, на которых пальто, слежавшиеся в тюках, топорщились колом.

— Ништо, касатики, — гудел кладовщик, припадая на хромую ногу, — в мастерской военторговской вам их подгонють, разгладють, будет за милую душу и тепло, и фасонисто, хоть в этом самом Хельсинфорсе по бульвару гуляйте, за своих сойдёте. Париж, чисто Париж, ратин высшей марки, только для комсостава.

Парни посмеивались, поглядывая то друг на друга, то в небольшое, затуманенное от времени зеркальце.

— Я вас две недели тому назад предупредил, — сквозь зубы процедил Андропов, — никому не отдавать те четыре финских трофейных пальто. Вы мне слово дали, а теперь бубните —

попросили руководящие товарищи. Вы не помогаете нам, а вредите. Я объяснял вам наедине уже трижды важность экипировки наших людей, вы делали вид, что всё уразумели. Вы ставите под угрозу то, что мы готовим многие дни и ночи, вам не место здесь, и я сделаю всё, чтобы вас отсюда забрали.

— Звиняйте, слабость характера, всем хочется угодить, — забормотал кладовщик, ещё усерднее обтягивая неуклюжие пальто на парнях, поправляя цигейковые шапки.

— Подхалимство — двоюродная сестра предательства, — отрубил презрительно Андропов, и губы его сделались совсем тонкими и белыми…

Назавтра Маша нос к носу столкнулась с Андроповым в швейной мастерской.

— Ты что путаешься под ногами? — усмехнулся Андропов.

— Да вот ещё двоим мальчишкам из лагеря брюки надо бы — сироты. Совсем обносились…

Андропов понимающе кивнул и пошёл с ней к заведующей, постоял, послушал, как бойко Маша доказывала, что детям, лишившимся на фронте отцов, нужно внимание всех и каждого, что брюки необходимо пошить не через неделю, а именно к воскресенью — на этот день назначена торжественная пионерская линейка в лагере.

Назад шли вместе. Маша, сбиваясь, повела разговор о том, что ей, конечно, нравится хлопотливая работа инструктора, нравятся командировки в районы, но всё же она и сейчас не перестаёт думать о настоящем боевом задании.

— Куда вы все спешите? — вспылил Андропов. — Успеете ещё, навоюетесь. Ну ладно парни, а тебе-то чего не сидится в тёплом месте? Я ведь уже сказал — хочу сделать из тебя хорошего комсомольского работника. У тебя есть божий дар — уменье разговаривать с людьми, понимаешь ты это или нет? Пошлём учиться, станешь секретарём райкома, горкома. Вступишь в партию, противиться не будешь, если я дам тебе рекомендацию? Только надо ещё поработать, подруга.

Но Бультякова не успокоилась и записалась на приём к Куприянову. Тот выслушал её, расспросил о сестре, которая теперь работала комиссаром госпиталя в Кочкоме, и пообещал своё содействие.

Андропов две недели косо поглядывал на Машу и не разговаривал, а однажды кивком позвал в свой кабинетик.

— Жаловаться, значит, пошла, Мария Васильевна?

— Вы в телеграмме писали — для боевой работы.

— Ну, коли так, будем готовить тебя к подпольной комсомольской деятельности. Согласна?

— Этого я и добивалась, Юрий Владимирович! — радостно воскликнула Маша.

К Бультяковой прикрепили сотрудника спецшколы, который учил её конспирации, выезжал с ней в поле, помогал ориентироваться по компасу, читать карту, занимался маскировкой, обучал приёмам рукопашной схватки, стрельбе из пулемёта, винтовки, финского автомата, револьвера.

Секретарь ЦК комсомола по пропаганде Пётр Ихалайнен усиленно занимался с Марией финским языком.

Днём, когда не было занятий, Мария помогала инструкторам, частенько вечерами с ней беседовал Андропов. К любой теме он подходил осторожно, говорил толково, понятно, докапываясь до самой глуби — так умелый механик разбирает сложную машину. Обычно в конце разговора Андропов осторожно сворачивал на своё.

— Ты не боишься, не передумала? Ты понимаешь, что тебя может ожидать?

— Не боюсь.

— Могут схватить, издеваться, ты такая тоненькая, хрупкая.

— Не попадусь. Не мыслите об этом.

— Придумала себе биографию?

— Уже неделю маракую, и всё какая-то ерунда лезет в голову; подсобите, Юрий Владимирович.

— Ну, хорошо, давай продолжим то, что в прошлый раз накрутили. Начинай, Маша.

— Я, Мария Рягоева, до войны жила в Петрозаводске, потом в Реболах. Воспитывала меня старшая сестра, родные мои ссыльные, строили Беломорканал. Когда началась война, я помогала угонять скот, а затем меня взяли на оборонные работы. Там было тяжело, голодно, на меня всё время кричали командиры, и я решила сбежать.

— Лучше не командиры, а комиссары. Они, по их понятиям, кровожаднее волка. Дальше.

— Дальше рассказываю, как бежала, как прошла линию фронта и вот теперь ищу сестру.

— Слушай, Машенька, что я ещё надумал. Надо тебе там у них попасть в больницу. Да, да, в любую сельскую районную больничку. Поешь ягод, зелени какой. Живот заболел, и ты являешься к врачу. Говори ему: вот здесь, справа, всё время тупая ноющая боль, тошнит, бывает озноб. Наталкивай их на аппендицит. Операции не бойся, она простая, быстрая. Разрежут, увидят, что ничего нет, и снова зашьют, зато у тебя будет драгоценнейшая справка, подлинный документ, ты уже почти своя, почти легальная, теперь тебя не просто укусить.

Но проиграем другую пластинку, ударимся в другую крайность. Тебя всё же как подозрительную бросают в концлагерь. Что делаешь?

— Не грущу, не теряю надежды и не высовываюсь, — подумав, сказала Маша

— Годится. Именно, не высовываться. Никакой агитации, никаких скоропалительных действий к сколачиванию подполья. Задача одна — присматривайся, наблюдай, анализируй. Иногда неназойливо, как бы между делом, рассказывай о своей жизни, разумеется, по легенде, говори, что не знаешь, за что тебя взяли в лагерь, что ты ничего не имеешь против финнов.

…День 22 июня 1942 года Маша Бультякова запомнила хорошо. Ранним утром все в ЦК комсомола были уже на местах. Андропов поздоровался с каждым за руку, к себе не пошёл, а остался в комнате инструкторов. Невольно стали вспоминать, как для каждого началась война, где кого она застала, что думалось в те первые минуты. В комнате инструкторов было уже тесно, а люди всё подходили. Бультякова многих видела впервые. Рядом с Ниной Лебедевой присела крепенькая девушка с короткой мальчишеской стрижкой, на гимнастёрке у неё поблескивал начищенный значок «Ворошиловский стрелок». Были и другие в военном, но без петлиц, надел гимнастерку по такому поводу и Андропов.

— Не будем устраивать митинг, — сказал Андропов, быстро коснувшись пуговичек воротника и встав у окна, — но сегодня такой день, когда мы, посоветовавшись на нашем бюро, решили собрать вас всех вместе. Я не оговорился — здесь все наши, штатные и внештатные инструкторы, товарищи, занятые специальной работой.

Мы собрались для того. чтобы коротко подвести итог сделанному, чтобы посмотреть друг другу в глаза и про себя спросить: позади год войны, что я сделал для Родины? Мне думается, каждый из вас может ответить — за этот год я сделал немало. Не всё получалось, что-то пробуксовывало, что-то, как вода, пролилось меж пальцев. И всё же мы можем сегодня сказать с гордостью: молодое племя Карелии воюет хорошо. За время войны половина нашей республиканской комсомольской организации, около 14 тысяч человек, ушли в ряды Красной Армии. Три тысячи комсомолок прошли подготовку медсестёр, и теперь они сандружинницы на фронте. Наши ребята собрали почти 9 тысяч тонн металлолома, внесли в фонд обороны один миллион рублей. Все комсомольцы Карелии выполняют производственные нормы, каждый отчисляет деньги в помощь

семьям фронтовиков. Невзирая на то, что многие ушли в армию, ряды комсомола не опустели, они пополняются подрастающими юношами и девушками. Это преданные нашему великому делу ребята, но неопытные. Быть повседневно с ними, жить их интересами, поднимать молодёжь на новые большие дела — вот задача центрального комитета комсомола Карелии.

Я сегодня хочу от души поблагодарить моих верных друзей и помощников: Ивана Петрова, Фёдора Кузнецова, Федю Тимоскайнена, Петра Ихалайнена, Риту Руоколайнен, Нину Лебедеву. Поблагодарить вот за что. Они очень много сделали для того, чтобы поднять комсомольцев республики на большой патриотический почин — еженедельную двухчасовую отработку в помощь фронту. Два часа сверх своей основной работы! Не стояли в стороне и все вы. Сколько раз вы бывали в своих районах, в своих подопечных организациях! Хорошо, что вы не стали там наблюдателями или грозными уполномоченными, а вместе со всеми взялись за проведение комсомольских вторников, на которых сделано 40 тысяч колец для лыжных палок, 4 тысячи минных ящиков, выстирано и отремонтировано 10 тысяч килограммов белья, собрано 3 тысячи килограммов стекла для окон, заготовлено 50 тонн грибов, 40 тонн ягод. Цифры — добрая штука, зеркало любого дела, и поэтому я привожу их сегодня.

Каким будет для нас новый год войны, думаете вы и отвечаете — победным, боевым, наступательным! Что требуется от нашего коллектива? Ещё большей спаянности, дружеской состязательности, комсомольской взаимовыручки, комиссарского отношения к людям.

Новый год войны, конечно же, будет кровавым и нелёгким для нашей Родины, но он станет переломным. Давайте же подадим друг другу руки и крепко их пожмём, а потом тепло нашего дружеского рукопожатия, скреплённого надеждой, каждый донесёт до своего коллектива. И сделаем мы это сегодня, сейчас. Непременно подойдём к каждому комсомольцу на заводе, на сплаве, на совхозном поле, в партизанском отряде, находящемся на отдыхе, и скажем: «Товарищ, верь! Победа близка, поднатужься немного, ещё самую малость, подними планку своего трудового порыва ещё на одну зарубочку, и хрястнет хребет у фашистской гадины!» По коням, ребята!

Стали расходиться. В коридоре Бультякову догнал Николай Королёв — спортивного вида парень, бойкий на язык, заведующий сектором учёта кадров.

— Расхваливал тут один дяденька тебя, — улыбнулся Николай. — Машура отлично знает финский язык, Машура лучше всех замаскировалась на Лысой поляне, Машуру нашу с

парашютом понесло на лесок, но она, молодчина, нисколько не сдрейфила…

Маша зарделась, замахала руками.

— Хватит, Коля, хватит, а то перехвалить человека — что борщ пересолить. Вид тот же, да вкус никчемный.

На крыльце стояла Даша Дудкова и та девушка в гимнастёрке со значком.

— Ну, что, касатики, — сказала весело Даша. — «В далёкий край товарищ улетает»?

Но все почему-то промолчали. Потом голубоглазая, чувствуя неловкость молчания, добавила вполне серьёзно:

— Настроение чемоданное. Будем бить врага на его территории. Лозунг 41-го года остаётся в силе!

Маша опять с интересом посмотрела на эту девушку. Ей понравилось, как на ней была подогнана гимнастёрка, как чётко перечёркивала её портупея, как остро торчали складки юбки, видимо, отглаженные сегодня утром. Притягивали и уже не отпускали от себя глаза — большие, удлинённые, вытянутые к вискам, они придавали лицу необъяснимую прелесть, таинственность. Цвет их менялся — только что в комнате они казались пронзительно голубыми, здесь, на солнышке, светло-синими, даже чуть-чуть зеленоватыми.

— До чего ж не люблю, когда меня вот так разглядывают, — буркнула она и, дёрнув плечом, шагнула вниз.

— Э, стрекоза, охладись, — остановил её Королёв. — Вы, небось, ещё не знакомы, а уже расфыркались.

— Она меня второй раз так изучает. Я тебе чем приглянулась, милая?

— Глаза у тебя необычные, — сказала спокойно Бультякова.

— Вот ещё!

— Как у марсианки. Помнишь Аэлиту?

Все засмеялись, а Бультякова засмущалась, но её выручил Королёв.

— В самый раз вам познакомиться, девушки.

— Мария Бультякова, — протянула первой руку Маша.

— Мария Мелентьева, — улыбнулась голубоглазая. — Только никому, тёзка, больше не говори, что я Аэлита, а то засмеют и тебя, и меня.

— Надо твоему Васе Савоеву намекнуть, что ты не из Пряжи, а с далёкого Марса, — хохотнул Королёв, — пусть шибче любит.

У Мелентьевой враз вспыхнули щёки, глаза сделались ещё больше, ещё прекраснее.

— Глядите, подруги, лёгок на помине! — воскликнула Даша.

Из-за поворота на мост выступала небольшая плотная

колонна курсантов спецшколы. Они взяли ногу, дружно подхватили припев:

Эй, комроты, даёшь пулемёты,
Даёшь батарею, чтоб было веселей…

В первой шеренге шёл запевала, высокий, чернобровый паренёк в новеньких сапогах. Он скосил взгляд на девушек, улыбнулся и тут же сбился с ноги, споткнулся, оборвал песню.

Девушки прыснули в ладони, в строю тоже засмеялись.

— Вася-то твой, Марийка, строй образцового взвода порушил. Того и гляди, обломится ему от командира наряд вне очереди, пойдёт вместо свидания картошку сморщенную чистить, — захохотала Даша.

…Как быстро бежит время! Позади чудесный, памятный до слёз вечер проводов на острове Ковжино, позади беседа в ЦК партии у Куприянова, где они собирались всей Сегозерской группой: Игнатьева, Няттиев, Матвеев — секретари подпольного райкома партии, связные ЦК партии Макаров, Стаппуев и она, Мария Бультякова, вчера назначенная секретарём подпольного райкома комсомола.

Задача группы простая и ясная — осесть, осмотреться и действовать, создав хорошо законспирированную сеть, подымать людей на борьбу с захватчиками.

10 августа они выехали на станцию Кочкома, оттуда — на грузовике в сторону фронта в небольшой брошенный поселок, обжитый разведчиками майора Родионова.

Там уже к ним в группу влились радистка Артемьева, полненькая смешливая девушка, и разведчик с особым заданием Терентьев, мрачный, неразговорчивый человек лет тридцати. Три дня их натаскивали по топографии, в последний день с ними занимался сам Родионов. Шифровальному делу учил кудрявый капитан Левданский. К переходу линии фронта готовились тщательно: изучали маршрут, упаковывали по нескольку раз мешки, чистили оружие, подгоняли одежду и особливо обувь.

…На вырубках вымахала такая малина, что Маша Бультякова и её новая подружка, тёзка Маша Артемьева, скрылись в ней с головой. Пахло малиной, невдалеке спокойно стучал дятел, тихонько позвякивал армейский котелок, быстро наполнявшийся крупными чистыми ягодами.

Костя Терентьев подкрался, прилёг за кустами, послушал, о чём тихонько переговаривались девушки, затем, приложив ладони к щербатому рту, рыкнул раз, другой, третий.

Бультякова и Артемьева, словно воробьи от выстрела, вспорхнули, бросились наутёк. Терентьев еле остановил их, катаясь от хохота по земле.

— Эх вы, дамская кавалерия, медведя испугались. В лесу надо бояться лишь одного зверя — человека. Чего спины показываете? Погодите! Игнатьева за вами послала. Родионов передал ей — после обеда отъезжаем.

Обедали все вместе, все восемь человек. Игнатьева, самая старшая и по должности, и по возрасту, тяжело поднялась из-за стола — у неё болели ноги, остановила твёрдым взглядом молодого разговорчивого Матвеева — третьего секретаря, подняла помятую алюминиевую кружку с плескавшимся на самом донышке портвейном.

— Дорогие мои друзья! Много говорить мне нечего. Мы с вами, как пальцы на одной руке — поодиночке каждого можно сломить, а когда все вместе вот так, в кулаке,— пусть попробуют! За нашу боевую дружбу, за начало похода, за удачу!

Майор Родионов стоял у машины, отмечая в списке своих разведчиков, лихо атакующих кузов, помог девушкам забросить сидоры. У Артемьевой получился тяжёлый мешок: консервы, запасные батареи, сама радиостанция.

Одиннадцать войсковых разведчиков да восемь подпольщиков — полная полуторка. Игнатьева ни в какую не соглашалась сесть в кабину, туда с готовностью прыгнул Терентьев, он, пожав руку из окошка кабины Родионову, дал команду шофёру трогаться.

Ехали медленно, сначала по наезженной дороге, потом по глухому просёлку, а завершили путь на тряской, недавно настланной лежнёвке.

У длинных, хорошо замаскированных землянок их встретили двое военных в плащ-палатках, помогли разместиться на ночлег. Разбудили задолго до рассвета. Все сели в машину и, повернув влево, проехали километров пять. Здесь полуторку оставили, а сами, пройдя по стёжке, вышли на узкую поляну, заваленную деревьями. Едва рассвело, провожатые одним только им известным путём повели их вперёд.

По тому, с какой осторожностью они шли, Бультякова поняла, что поляна заминирована. Вскоре вошли в осиновый лесок и уже дальше двинулись одни.

Тяжёлые мешки гнули к земле, и за утро они сделали четыре привала. Каждый раз Няттиев силой отбирал у Игнатьевой сидор, та, беспомощно отбиваясь, отдавала мешок, а через час забирала обратно. Каждому было тяжело, у каждого свой груз — продукты, патроны, взрывчатка, у Терентьева на шее автомат, у других на

поясе наган, гранаты.

Вслед за Игнатьевой выбилась из сил Артемьева, и её мешок несли по очереди разведчики Родионова. У тех тоже своего добра хватало: помимо того, что они должны были провести группу в тыл финнов, им предстояло на обратном пути минирование мостов и дорог, а главное — нужно было привести «языка».

На вторую ночь пересекли дорогу, ведущую из Ругозера на Тикшу, видели вдалеке машины с зажжёнными фарами. На обочине глазастые разведчики заметили тоненькую проволочку; внимательно обследовав всё вокруг, нашли две мины. Стали держать совет — то ли ждать рассвета и, когда посветлеет, пойти вперёд, то ли двигаться осторожно, уходя поскорее от дороги. Разведчики предлагали остаться, но Игнатьева и Терентьев настояли на своём — уходить. Пройдя километра три по заросшей просеке, первые два разведчика и шедший вместе с ними связной Макаров подорвались на мине. Никто не погиб, но все трое были ранены.

Политрук — командир разведчиков и Игнатьева тотчас решили, что дальше к Паданам группа двинется сама, а разведчики, взяв с собой раненых, как можно скорее пойдут назад к линии фронта.

Бультякова перевязала ногу Макарову, обработала йодом широкую, но не очень глубокую осколочную рану, успокоила, подбодрила и побежала догонять своих.

На первом же привале выяснилось, что в суматохе забыли мешок с сухарями. За него отвечал Терентьев, но в последнем переходе его нёс Стаппуев, в общем, виновного не нашлось, а потерю сухарей они все ощутили на себе уже через неделю, когда те продукты, которые были у каждого, подошли к концу.

Продвигаясь к Паданам, они вели разведку на дорогах, подходили к двум деревням, наблюдали, есть ли военные гарнизоны, определяли их численность. Каждое утро, перед тем как залечь на дневку, Артемьева отстукивала в Беломорск короткие радиограммы, составленные Игнатьевой.

Шла вторая половина августа, ягод в лесу вызрело на любой вкус: черника — не беда, что переспелая — сойдёт с галетами, малина тоже — тронешь кустик, так и покатились по земле ягоды, на полянах у старых пней наливалась брусника.

Выбрав глухие места, разводили костёр из смолистого сухостоя, чтоб не было дыма, варили суп из грибов, сдабривая его крупяными концентратами, заправляя свиной тушёнкой.

Терентьев и Стаппуев стали уговаривать Игнатьеву разрешить им поглушить рыбу толовыми шашками, которых у Терентьева оказалось целых полмешка.

Няттиев возражал, доказывая, что взрывы могут быть услышаны. Игнатьева, у которой совсем разболелись ноги, колебалась, видя, как все начинают потихоньку голодать. Эту нерешительность Терентьев мигом использовал, а принеся через час полный мешок мелкой плотвы и окушков, совсем почувствовал себя героем.

Два дня варили уху, два дня объедались, в дорогу взяли сущика — наготовили на угольях впрок.

Ночами становилось холодно, но ходьба согревала, днём было терпимо, спали, прижавшись друг к другу, выставив часового.

Наконец выбрались на дорогу Сельги—Падаы и в 18-ти километрах от Падан, близ заброшенного колхозного поля, переходящего в болото, устроили два лагеря — в одном спали, в другом находились днём, наблюдая с высокой ели за дорогой.

Это место ещё в Беломорске было намечено для выброски продуктов с самолёта. Стали ждать вечером каждого нечётного дня: Няттиев, Стаппуев, Терентьев готовы были в любую минуту зажечь три сигнальных костра.

Тем временем Игнатьева приняла решение послать глубокую разведку к деревне Сельги. Пошли Матвеев, Артемьева и Бультякова. Подойдя к деревне, решили пока в контакт с местными жителями не вступать, а наблюдать, делать выводы. За два дня им удалось узнать, что в Сельгах стоит небольшой гарнизон, что на колхозном дворе ремонтируются военные грузовики и два артиллерийских тягача, что фамилия старосты Куусела — Бультякова в сумерках сорвала со столба его приказ, разрешающий сельчанам ходить по селу и за околицу с 8 утра до 8 вечера. Кроме того выяснили, что в селе действует две церкви — в южном конце лютеранская, туда вечером шли солдаты, и православная на погосте — там толклись старухи, созванные звяканьем разбитого колокола.

Артемьева, зашифровав радиограмму, передала эти данные в Беломорск и уже в третий раз по настоянию Игнатьевой сделала запрос, почему до сих пор нет самолёта с продуктами.

В ответной радиограмме благодарили за сведения и обещали выслать самолёт в конце недели.

Самолёт не прилетел, и Терентьев со Стаппуевым снова ходили вечером на дальнюю ламбушку глушить рыбу. Вернулись злые — рыбы оказалось мало, а сами намёрзлись: пришлось им там раздеваться и лезть в воду, доставать всплывшую рыбу руками.

Ходили в разведку Няттиев и Матвеев, два дня наблюдали за дорогой, по которой из Финляндии через Падаы автомобили

везли горючее, технику. В середине ночи им удалось засечь небольшую колонну тяжёлых грузовиков с пехотой в сопровождении трёх лёгких танков.

С каждым днём становилось всё холоднее, вот-вот пойдут холодные осенние дожди, и тогда совсем трудно придётся ночью в шалаше. Дважды уходил в Паданы Стаппуев, до войны работавший там начальником кинофикации района, для организации явочных квартир и возвращался ни с чем — полиция контролировала каждую избу, каждую семью, во многих домах на постое были солдаты.

Раздосадованная Игнатьева направила в Паданы Терентьева и Стаппуева, приказав им во что бы то ни стало найти место для группы у родственников Стаппуева.

Утром 12 сентября Артемьева передала радиограмму в центр, в которой Игнатьева сообщала о том, что все с надеждой ожидают возвращения Стаппуева и Терентьева и что, видимо, скоро будет изменено место их базирования.

Закончив сеанс связи, Мария помогла Артемьевой, как всегда, снять с ели проволочную антенну, уложить в мешок рацию.

После этого, как было заведено, девушки стали собираться с котелками к ближнему озерку за водой, чтобы вскипятить чай, сварить концентраты.

— Вы бы взяли наган, девочки, — сказала, тяжело дыша, совсем разболевшаяся Игнатьева, кивнув в сторону Няттиева, который от нечего делать чистил её и свой ТТ.

Артемьева громко похлопала по боку, где висела у неё пустая брезентовая кобура, набитая сухарями — револьвер она давно спрятала в мешок. У Бультяковой оружия не было — так распорядился Андропов, и они, спустившись с горушки, пошли к опушке леса и оттуда повернули к ламбушке.

Только набрали воды, как в стороне лагеря послышались выстрелы, сначала два винтовочных, затем автоматная очередь.

— Стаппуев вернулся, — обрадовалась Бультякова. — Лося увидел. Мерещится ему этот лось. Задаст ему Хельми, — так они звали Игнатьеву, — теперь, поди, лагерь надо менять.

— Тише, тише, — перебила её радистка, — слушай!

Но вокруг стояла прежняя тишина.

— Ты думаешь, Маша, что Стаппуев шалит? Ох, подстрелил бы он рогатого, зажили б мы, чёрт с ней, с базой, сменим…

Вдруг затукала длинная пулемётная очередь.

— Финны, Машенька, финны, — зашептала быстро Артемьева. — Это МГ-34 лупит. Слышишь, как голосисто бьёт. Я его сразу отличила, прошлый раз наши ребята такой трофей захватили. Выручил он нас. Слушай, слушай, как частит.

Прострекотала ответная автоматная очередь, на неё нахлестнулся снова МГ, и опять всё замерло — ни крика, ни шума.

Побросав котелки, девушки побежали к лесу. Артемьева влезла на сосну, но в густом березняке-подросте, скрывавшем небольшой пригорок, где стояли их шалаши, казалось, всё было, как прежде.

Почти до полудня они наблюдали за своей стоянкой и лишь к вечеру решили подползти поближе.

У командирского шалаша чернела подсохшая лужа крови, в ней поблескивали на солнце новенькие автоматные гильзы. Кровь была на тропке, на траве, казалось, что кого-то раненого тащили по земле. Вещмешков, радиостанции, своих плащ-палаток, расстеленных на лапнике, они не нашли. Если бы не кровь, то могло показаться, что лагерь просто оставлен, что все ушли куда-то и вот-вот вернутся.

— Уходим, — шепнула Артемьева, — уходим поскорее, подруженька милая.

Они перешли на запасную явку, километрах в пяти, ждали там ночь и день, но никто не пришёл. Идти в Сельги или Паданы девушки не решились — понимали, что их ищут, и поэтому приняли решение двигаться на восток к линии фронта. Артемьева разорвала в мелкие клочки шифровальную книжку, Бультякова — записи, сделанные за время похода. Всё это закопали в ямки, засунули под дёрн с интервалом почти в километр.

Переплыли реку Тумбу, еле отогрелись в ходьбе, а ноги уже почти не слушались. Их поташнивало от опротивевшей брусники, которой они питались последние пять суток. Дни путались, Бультякова простудилась — у неё всё время были мокрые ноги, сапоги порвались, в них хлюпало, подмётки пришлось подвязать куском армейского кабеля, который они вырезали из полевой телефонной линии на обочине какой-то сельской дороги.

Солнце спряталось за тучи, посыпались короткие, холодные дожди, сбивая с деревьев жёлтые листья.

На рассвете вышли к озеру. Справа на косогоре щетинилось сжатое поле, посреди него темнели три покосившиеся копны. Девушки бросились к ним, принялись растирать в ладонях колючие колосья, жадно жевать каменные зёрна ячменя.

Через полчаса, набив карманы мятыми колосками, они спустились с горушки и увидели небольшую деревеньку. Притаившись у крайней избы, долго наблюдали — всё вокруг словно вымерло. Подошли ко второй избе, ступили на крыльцо. Дверь вдруг открылась, и из сеней к ним шагнул рослый финский солдат.

— А мы к вам. Мы убежали с той стороны. Ищем своих родных, — заговорила сбивчиво по-фински Бультякова. — Это какая деревня будет?

— Кузнаволок, — ответил солдат, поправляя на плече автомат. — Заходите. Побеседуем. Мы вас давно ждём.

Финский сержант, спавший в горнице, расспрашивал их недолго, кивал головой, соглашался со всем, что они ему говорили, затем пошёл в патрульную сторожку на дороге, позвонил по телефону.

После полудня пришла машина, и девушек повезли в Паданы. Привезли перед самыми сумерками. Солдаты хохотали, помогая обессилевшим подпольщицам слезть с кузова, тыкали пальцем в их развалившиеся сапоги, в зияющие дыры тёмно-фиолетового пальто Бультяковой, под которым круглился раздутый от голода живот. Их повели в здание комендатуры, и Бультяковой показалось, что среди полицаев мелькнула злорадная физиономия Терентьева.

Допрашивал молодой, вертлявый лейтенант. На столе у него Маша увидела перекидной календарь, бросились в глаза чёрные жирные цифры — 20 сентября. Офицеру она повторяла одно и то же — идёт с подругой с оборонных работ, а лейтенант продолжал своё: что она знает о группе Игнатьевой. Он скалил прокуренные зубы, хмыкал над её упрямством и, наконец, сам живописно рассказал, как при разгроме лагеря были убиты Игнатьева и Няттиев. На очередном допросе лейтенант пригрозил, что молчание лишь отягощает и без того огромную её вину, вину подпольного комсомольского секретаря, и что с ней, если она не расскажет обо всём добровольно и не отречётся от коммунистических убеждений, финские власти поступят по законам военного времени. Бультякова твердила своё — она бежала с оборонных работ, ищет сестру.

Потом её допрашивал злобный, истеричный капитан, Маша и ему отвечала так же, а когда вели в камеру, ей в коридоре встретилась Артемьева, которую конвоировал пожилой солдат, и та успела шепнуть, что их предал Терентьев.

Через неделю девушек привезли в Медвежьегорск, где заседал военно-полевой суд.

— Ты ещё ребёнок, у тебя вон даже ленточка в косичках. Откажись от большевизма, и мы пошлём тебя в гостеприимную Финляндию на курсы швейных мастериц, — увещевал Бультякову худой, как жердь, майор.

Маша мотала головой, упрямо повторяя свою легенду.

Бультякову и Артемьеву приговорили к расстрелу.

После суда подруг перевели в одну камеру, и теперь они

могли часами говорить обо всём на свете. Каждую ночь они ждали, что вот-вот заскрипит дверь и их поведут на казнь. Однажды караульный солдат, принесший еду, шепнул им по-русски:

— Ленин хорошо. Наши рабочие знают Ленина. У нас многие солдаты не хотят воевать с Россией. Ваш приговор послали утверждать в Хельсинки. Вас не будут убить.

И снова был суд. 4-го ноября 1942 года караульные солдаты ввели их в ту же комнату, поставили перед тем же столом. Всё тот же майор долго и нудно говорил о гуманности правительства Великой Финляндии, которое, милостиво учтя молодость подсудимых, а главное, что обе они карелки, даровало им жизнь, заменив смертную казнь пожизненным заключением в каторжной тюрьме и лишением всех гражданских прав.

17

Мелентьева сидела на стуле прямая, строгая, не мигая глядела на Андропова. Она понимала — неспроста ей назначен такой поздний час, почти полночь. Тяжёлым шагом Андропов прошёл к сейфу, вынул папку с завязками, взял верхний густо исписанный чернилами лист, подал Марийке. Летящий чёткий почерк Андропова она хорошо разбирала и всё же ещё ближе придвинулась к настольной лампе под большим зеленоватым абажуром.

План переброски в тыл противника работника ЦК ЛКСМ К-ФССР для выполнения там специального задания.

Район действия: Паданский район /Сегозерский/.

Сведения о выполняющем задание

1. Мелентьева Мария Владимировна, 1924 года рождения, карелка, не замужем. За образцовое выполнение задания в тылу противника в Шелтозерском районе награждена орденом Красной Звезды.

— Кто награждён орденом? — вскрикнула Марийка. — Когда? А как же Анна?

— Вчера вечером принесли пакет. Приказом командующего войсками Карельского фронта генерал-полковника Фролова от 11 октября 1942 года ты награждена орденом Красной Звезды. Анна Лисицина — посмертно.

— Почему вы мне сразу не сказали?

— Это было бы не очень красиво, что ли. Вот тебе орден и вот тебе новое задание. А так всё, как у людей. Читай дальше.

Задача выполняющему задание.

Основной целью нелегальной ходки Мелентьевой в тыл врага ставится установление связей с секретарём подпольного Сегозерского райкома комсомола «Бертой» / Бультяковой/, организация массово-политической работы среди молодёжи в районе, сбор сведений разведывательного характера, сведений о морально-политическом состоянии населения и о мероприятиях финских властей.

Для достижения указанной выше цели перед т.

Мелентьевой ставятся следующие конкретные задачи:

Мелентьева поездом направляется до ст. Кочкома, где присоединяется к ходке майора Родионова и следует с ней в р-н дер. Паданы, Пряккила, где вместе со всей группой принимает меры по устройству на проживание в нелегальных условиях.

За время нахождения в тылу имеет следующие задания:

1. Принимает меры к установлению местонахождения секретаря подпольного райкома комсомола тов. Бультяковой, используя для этой цели местное население.

2. Устанавливает связь с молодёжью, оставшейся на территории Сегозерского р-на, встречается с наиболее преданными из них, информирует их о положении на фронтах, о положении в стране, рассказывает, что должна делать молодёжь Сегозерского района для приближения окончательного разгрома гитлеровских захватчиков.

3. Добывает через местных жителей и путём личного наблюдения сведения о морально-политическом состоянии населения, о мероприятиях, предпринимаемых противником в Сегозерском районе. Приносит с собой несколько экземпляров финских газет, приказов и других документов.

Срок действия Мелентьевой в тылу противника 1—1,5 месяца, после чего она должна вернуться на нашу территорию.

Во время всей ходки т. Мелентьевой должны быть приняты все меры для избежания провала. На случай провала пользуется следующей легендой…

— Вот, Марийка, такой коленкор. Последнюю фразу напиши своей рукой: «Цели, задачи и линию поведения я усвоила». О легенде надо думать нам обоим. К завтрашнему вечеру прикинь пару вариантов. Будь всё время дома. Твою кандидатуру я сейчас сообщу Власову. Не исключено, что тебя скоро позовут знакомиться с их связным. Всё понятно?

Марийка кивнула головой, порывисто протянула руку Андропову.

— Всё будет хорошо, Юрий Владимирович. Не волнуйтесь. Бультякову я разыщу, а ежели что случилось — постараюсь заменить её. Увидите, что не ошиблись. Не Галю ж посылать…

На следующий день вечером Андропов и Мария были вызваны к Власову. По улице шли молча, подняв воротники, загораживаясь от мокрого, косо летящего мелкого снега.

У Власова было тепло, даже душно. Перед открытой форточкой курил низкорослый узкоплечий человек в засаленной диагоналевой гимнастёрке. Глубоко посаженные маленькие глаза равнодушно скользнули по Марии, которую впереди себя пропустил Андропов, потеплели, когда тот протянул ему руку. Власов приветливо поздоровался с Марийкой, подвёл её к курившему.

— Знакомьтесь. Это Мария Мелентьева, о ней мы тебе говорили, Ваня, а это Фомин Иван Михайлович. Тоже побывал в тылу, партиец, имеет опыт работы с людьми — перед войной начальствовал в Лосиногорском механизированном лесопункте. Но главное, он хорошо знает Сегозерский район и, в частности, деревню Термоны, где были намечены места явок секретарей подпольного райкома. В общем, тёртый калач. Иван Михайлович — карел, говорит более-менее по-фински. Вам ещё будет придана небольшая группа войсковых разведчиков, человека 3—4, плюс радист, так что компания подбирается неплохая. Давайте, товарищи, рассмотрим всё по порядку.

Власов разложил на столе карту, провёл пальцем по начерченной линии — это был путь, которым пошла в Паданы группа Игнатьевой, указал место, где подорвался на мине связной Макаров, видимо, сам Макаров после госпиталя поставил крестик на карте и дату чёрным карандашом, след которого уже почти стёрся. Овалом была очерчена поляна, где расположился лагерь подпольщиков.

Власов достал папку с радиограммами, подписанными фамилией «Богданова», читал каждую медленно, вдумчиво, рассуждал, пытался нарисовать картину жизни в лагере, тщательно разобрал последнее донесение.

— Я думаю, всё же рация испортилась, — заключил Власов. — Люди там верные, кремень.

— Будем исходить из худшего, — хмуро сказал Андропов, — группа провалилась. Допускаем три варианта. Первый — все погибли в перестрелке, напоровшись, скажем, на засаду где-то у Падан, второй — кто-то погиб, кто-то попал в плен, хотя финны подпольщиков и партизан считают вне закона и в плен не берут, и третий — часть группы погибла, часть смогла ускользнуть от погони и затем где-то осела в неизвестной нам деревне, затаилась. Что я хочу этим всем сказать? Вы придёте в растревоженный муравейник, более того, финская разведка уже расставила капканы. Обстановка архисложная, поэтому мы

выбрали вас, именно вас, товарищ Фомин и товарищ Мелентьева. Осторожность, слаженность, дисциплина — только на этих трёх рысаках можно вам ездить. Семь раз проверьте, один раз отрежьте.

— Ну, ты уж зря их так запугиваешь, Юрий Владимирович. Глядеть, конечно, надо в оба, но помнить неплохо и другое — мы воюем на нашей родной земле, почему им не опираться на помощь местного населения, на верных нам людей? Давай, Иван Михайлович, доложи.

Фомин глухо покашлял в кулак и стал медленно рассказывать о том, что в Сельгах живёт его двоюродная сестра Ульяна, там же обретается и дядя жены Пётр Алексеевич Гурьев.

— Это на самый крайний случай, — перебил его Власов. — Они ещё нам пригодятся.

— Тогда я предлагаю вот что, — продолжил Фомин после небольшого раздумья. — Мы добираемся к Селецкому озеру, там есть река Ломчезерка. На ней всегда рыбачит верный человек Лукин Константин Иосифович, он связывает нас с Аксентьевой, у которой могут быть подпольщики Богдановой, станем её теперь так всегда обозначать. Им, я понял, эта явка дана. Ежели Лукина я не нахожу, тогда наша группа следует прямо к деревне Пряккила, и там я ищу встречи с Аксентьевой, я её лично знаю.

— Ну, а если Аксентьевой нет? — спросил Андропов.

— Тогда скрытно идём в Термоны, это рядом с Паданами, там явки. Первая — у жены Сталпуева, вторая — у Пелагеи Кононовой. Уж они-то должны знать, где наши, что с ними.

— Явки раскрыты. Ваши действия?

— Уходим назад к Сельгам, нахожу своих: Гурьева, Ульяну.

— У тебя что, совсем никакой, даже завалящей подружки нет в Сегозерье? — обратился Власов к притихшей Марийке.

Маша покраснела, заморгала ресницами.

— Легенду мы такую придумали, Иван Владимирович, — перевёл разговор Андропов. — Мария живёт в Святозере, узнаёт, что в Паданах есть лагерь военнопленных и будто там, как сказали ей добрые люди, находится её сводный брат Павел Петунов, он действительно служит в РККА.

— Боюсь, что легенда не понадобится, Юра, они пойдут без документов, пойдут боевой группой, вооружённые до зубов, какая уж тут легенда к чёрту.

Каждый вечер они собирались у Власова, уточняли, иногда что-то меняли к большому неудовольствию последнего, ибо уже дважды перепечатывался «Оперативный план». Пришлось перепечатывать и в третий раз, когда в кабинете Власова появился «хозяин» для многих таинственного «хутора» близ

Кочкомы майор Родионов.

Марийка однажды слыхала эту фамилию, но видеть Родионова ей не доводилось. Высокий, продолговатое умное лицо, глаза смотрят пристально, но чаще улыбаются, насмешничают, шерстяная чистая комсоставская гимнастёрка, на петлицах две шпалы; на боку не трофейный, чем часто щеголяли разведчики, а отечественный ТТ в потёртой кобуре.

Родионов привёз новый вариант перехода линии фронта. Воркоча тихим приятным баритоном, он как-то буднично водил толстым карандашом по своей помятой карте, испещрённой непонятными знаками.

— Из Кочкомы группа поездом следует до станции Урос-озеро. Оттуда пешим порядком к линии фронта до Попов-порога, вот он здесь, на реке Вожма. От реки группа направляется через высоту 132 к баракам. Они стоят с северной стороны высоты. Оттуда следуют к местечку Летняя. От Летней на северо-запад к Понозеру. От Понозера группа берёт курс на восток и идёт по тропе, тропа заметная, сам шёл по ней, к местечку Тухковаара и отсюда выходит на реку Сонга. Вот здесь, в самом мелком месте, надо перейти реку, тут неглубоко, затем путь лежит к северному концу озера Чижозеро. Отсюда идёте по западному берегу Селецкого озера до устья реки Ломчезерка.

— Не слишком ли окружной путь, Александр Иванович, ты нам предлагаешь? — спросил Власов у Родионова.

— Тише и осторожнее едешь — целее будешь. Святая заповедь разведчика. Путь дальний, но верный. Здесь у них слабая охрана, нет гарнизонов, нет минных ловушек, в общем, полный верняк. Однако надо поторапливаться, пока снег не упал, а с дождичком сейчас в самый раз.

— Группу сопровождения, радиста мы получаем не от тебя? — поинтересовался Андропов.

— У него все люди задействованы, — ответил Власов вместо Родионова. — По просьбе Куприянова этим занимается сам начальник разведотдела штаба фронта Поветкин.

— У большого начальства до малых дел руки не доходят, — пробурчал Андропов. — Не затерялось бы наше. Прав майор, надо спешить, и так время, считай, упущено. Ветрюган вон какой, хороший хозяин собаку не выпустит из дому.

— Спиртиком согреемся, дадут, полагаем, — вставил бодро Фомин. — А погодка такая мне по душе. И хорошо, что собак не выпустят, без овчарок нам куда как спокойнее будет.

— Фомин прав, такая погода загонит любого ретивого служаку на печку, — усмехнулся Власов.

— Мы к такой погоде сызмальства привыкли, —

откликнулась Марийка. — Этим нас не испугаешь.

— А через речку как? А если в болото провалитесь? Ведь без костра придётся, — поджав губы, вздохнул Андропов.

— Через речку мы тоже привыкшие, — усмехнулась Мария.

Фомин попросил Родионова повторить весь маршрут, стал что-то отмечать у себя на карте. Выяснив все повороты, места отдыха, перешли к разговору об одежде, об оружии. Власов сказал, что полковник Поветкин своих разведчиков оденет в финскую форму, даст автоматы «Суоми», чтобы поддержать легенду, будто это финские солдаты-егеря ведут взятую в плен группу разведчиков.

— Не бог весть что, — буркнул Андропов.

— Начальство критиковать не положено, — улыбнулся краешком рта Родионов. — Давайте ко мне на «хутор» поскорее всю компанию, пару деньков я вас там подрессирую, и с богом, — и, складывая карту, как бы между делом, добавил: — Сам проведу через линию фронта.

…Марийка приходила домой поздно и теперь позволяла себе поспать подольше. Галя поднималась первой, скользнув на кухню, умывалась, кипятила чайник, варила картошку, а уж потом будила Марийку. За чаем их и застала посыльная, передавшая Марийке записку Андропова, в которой тот шутливо сообщал, что мадемуазель Мэри надлежит быть в резиденции ровно в десять ноль-ноль при полном параде и в отличном настроении.

Марийка сразу поняла, о чём идет речь, и залилась густой краской.

В кабинете председателя Президиума Верховного Совета республики Отто Вильгельмовича Куусинена собралось около тридцати человек. Почти никого Марийка не знала, да и самого Куусинена до этого она видела всего раза два-три, ей говорили, что он подолгу живёт в Москве, выполняя ещё другую важную работу, будучи заместителем Калинина.

Марийка нервничала, то и дело поправляла причёску, обтягивала на коленях защитную юбку, прятала руки, согревая их под мышками.

Власов, сидевший рядом, обычно весёлый, любивший шутку, тоже весь напрягся, подался вперёд. Сзади сидел Андропов, изредка шептал ей что-то о тех, кто выходил к столу получать награды.

Когда Куусинен прочитал её фамилию, Марийка неожиданно заробела и с трудом поднялась. Ватными ногами ступала она по вытертому ковру.

Куусинен ногтем мизинца поддел из коробочки новенький

орден, секунду подержал его в руках и подал Марийке.

Так же, как и те, кто получал награды перед ней, она чётко приняла вправо, повернулась вполоборота к присутствующим и звонко выпалила:

— Служу Советскому Союзу!

Куусинен подождал, пока Марийка села, снял очки, взял со стола такую же беленькую картонную коробочку.

— Орден Красной Звезды, которым награждена юная патриотка Анна Михайловна Лисицина, погибшая при выполнении важного задания в тылу противника, мы передаём в Центральный комитет комсомола республики. Храни его у себя, Юрий Владимирович, а когда освободим Карелию, отвезёшь орден родителям в Рыбреку, чтоб берегли как память о своей славной дочери. А час освобождения скоро наступит! Наступит, потому что уже повсюду завершена перестройка на военный лад, потому что на фронте и в тылу становится всё больше таких молодых и отважных, как Лисицина и Мелентьева из могучего орлиного племени, имя которому ленинский комсомол!

…Марийка вихрем влетела в комнату инструкторов, на ходу сбрасывая старенькое пальто. Андропов, спешивший сзади, подхватил его на лету, попытался повесить на заполненной вешалке — теперь, осенью, в инструкторской частенько за каждым столом сидело по два, а то и по три человека.

Все принялись поздравлять Марийку, каждый хотел пожать руку, ещё бы — это был первый орден в их коллективе. Сразу же единогласно решили вечером в честь награждённой устроить чай. Девушки вертели Марийку, подносили к ней зеркало — все сходились на том, что орден надо немножко передвинуть влево.

— У него хвостик длинный, завинтка эта самая, колется, — упрямилась Марийка, но всё же провертела другую дырочку.

Она никак не могла усидеть на месте: то подбегала к Феде Кузнецову, то шепталась с Машей Ульяновой, то снова подскакивала к большому зеркалу, затем начала писать письмо маме, написала десять строк, сложила в планшетку, оделась, шепнула Нине, что сбегает в спецшколу.

Ещё во дворе школы Марийка расстегнула пальто, покосилась, виден ли орден, улыбнулась — виден, в коридоре лихо козырнула дневальному, спросила, где Богданов. Тот кивнул на плотно прикрытую дверь знакомого кабинета.

Комиссар был не один, он распекал двух незнакомых Марии курсантов, но, увидев её в дверях, враз остановился.

Марийка, не ожидая приглашения, сняла пальто.

— У вас тут натоплено, — сказала она весело, потом, оглядев

потупившихся курсантов, добавила: — Может, я попозже зайду, Николай Иванович?

— Нет, Мария, останься, а вы, товарищи, свободны. К разговору о чекистской скромности, завещанной нам товарищем Дзержинским, мы ещё вернёмся.

Богданов усадил Марийку, сам сел рядом, потом пересел за стол, чтобы лучше видеть собеседницу. Марийка улыбнулась, глаза заиграли, блеснули озорным голубоватым светом.

— Вот сегодня товарищ Куусинен вручил, — не выдержала она долгого молчания, покосившись на орден.

— Маша, возьми себя в руки, — произнёс, кашлянув, Богданов. — Ты человек крепкий, волевой. Ночью сегодня вернулась группа поиска. Василий Савоев погиб. Погибли и другие наши ребята. Убит ещё один твой одноклассник из Пряжи Ваня Скобелев…

Марийка оцепенела, широко раскрытые глаза её ничего не видели. Богданов тихонько вышел из комнаты, постоял у двери, прислушался.

Через час, когда он вернулся, Мария сидела на том же месте, так же вонзив взгляд в стену.

— Мне нужно позвонить, — сказала она хрипло.

Богданов вызвал коммутатор города, Марийка взяла трубку, назвала номер.

— Товарищ Могикан, это Мария. Можно, я на пару часов отлучусь? Схожу на аэродром. Да, да, к нему. Всё никак не могу застать. В полётах. Понятно. Добро.

И на этот раз Алёши не было в Беломорске.

— Прилетит не скоро, недели через две, — ответил ей в штабе скуластый лейтенант с повязкой дежурного на рукаве. Мария спросила, на месте ли тот штабной майор, но и его не оказалось. Дежурный явно тяготился расспросами незнакомой девушки в штатском, нетерпеливо шлёпал толстым журналом, раскрывая и закрывая его, и на просьбу дать лист бумаги отрицательно покачал головой. Марийка расстегнула верхние пуговицы пальто, покопошилась в левом кармане гимнастёрки, достала комсомольский билет, письмо из Сегежи, треугольник из Кеми, два билета в театр на субботу, подаренные сегодня Могиканом. Не долго думая, написала карандашом на обратной стороне билетов: «Алёша! Ты был прав — на войне нет места для любви. Не ищи ни меня, ни Анну. Прощай. Марийка».

— Пожалуйста, передайте Жандораку. Спрячьте подальше и не вздумайте воспользоваться…

— А почему бы и нет? У вас, конечно, ложа бенуара? — спросил игриво лётчик.

Марийка, нагнув голову и крепко сжав зубы, стала застёгивать карман гимнастёрки, и тут вмиг посерьёзневший лейтенант увидел, как сверкнула тёмной запекшейся кровью эмаль Красной Звезды.

— Это… Это… Да что ты понимаешь, — хрипло выдавила Марийка.

…Электрическая лампочка горела так тускло, что на складе стоял полумрак. Фомин, достав список из новой кирзовой сумки, по-командирски висевшей через плечо, беспомощно повертел его в руках, то поднося к самим глазам, то отодвигая, потом нехотя отдал Марийке.

— Русские сапоги, две пары, — громко прочитала она.

— Пусть сидора сначала выдаст, — остановил её Фомин. — Давай вещмешки, четыре штуки.

— Пошто вам четыре на двоих? — уныло спросил простуженный кладовщик, снимая с длинного шкворня связанные попарно кожаные сапоги.

Кладовщика этого Марийка раньше здесь не видела.

— Листовки, газеты возьмём, патроны, — ответила она, но её дёрнул за рукав Фомин.

— Ешь пирог с грибами, держи язык за зубами. Читай дальше.

— Портянки два метра, компас один, флаги красные две штуки, финский нож, перчатки шерстяные две пары…

Мария читала утверждённый Власовым список, а Фомин наскоро распихивал провиант по мешкам: 20 банок консервов, 10 плиток шоколада, две фляжки спирта, 3 килограмма масла, сухарей 14 килограммов.

Фомин придирчиво рассматривал, свежий ли шпик, не подмочен ли сахар, нюхал табак, тряс под ухом коробками спичек, заменил зачем-то хозяйственное мыло на туалетное в бумажках.

С полными мешками они уже не пошли домой, а направились прямиком на остров Ковжино, в домик, ещё с утра заботливо протопленный Ниной Лебедевой.

После полудня ходили в тир спецшколы, пристреливали личное оружие. Марийка выбрала пистолет ТТ, Фомин, многозначительно хмыкнув, взял себе наган, лихо провёл пятернёй сверху вниз по барабану.

— Этот старичок надёжнее. Патрон — вот он, перед глазами, картина ясная, а там — в рукоятке, возьми-кось сосчитай, когда в бою палить начал.

Вечером их принял Куприянов. У большой зашторенной

карты сидели Власов и Андропов, ближе к столу — полковник Поветкин. Куприянов попеременно — то вслух, то про себя — читал «Оперативный план», иногда подчёркивал что-то карандашом, обращался к Власову.

«Для выполнения задания, — еле слышно читал Куприянов, — *товарищу Фомину даётся партийная кличка „Иван“, которой он пользуется в течение всего времени пребывания в Сегозерском районе. Этой же кличкой пользуется товарищ Мелентьева в случае, если по каким-либо причинам Фомину самому не удастся попасть к Богдановой. Товарищ Мелентьева говорит тогда: „Я от Ивана“. Разыскав секретаря подпольного райкома Богданову, „Иван“ называет себя указанной кличкой и говорит ей пароль…»*

— Какой пароль, Фомин? — спросил Куприянов, не отрываясь от бумаги.

Фомин быстро поднялся и по-солдатски громко отрапортовал:

— Пароль следующий, товарищ член Военного совета фронта: «Знаете ли вы дядю Якова?» Отзыв: «Дядя Яков живёт в Паданах».

— Молодец, садись, — сказал, улыбнувшись, Куприянов и дальше читал уже молча. Минут через пять, найдя важное место, поднял палец и прочитал вслух:

«Устанавливая связь с партработниками, связные ЦК КП(б) товарищи Фомин и Мелентьева обязаны:

а) тщательно изучить маршрут;

б) доставить отчёт секретаря райкома об оседании партработников и о проделанной ими работе;

в) разведать расположение воинских частей в районе, строительство оборонительных рубежей, о политическом настроении населения, об условиях жизни, снабжении и т. п.;

г) собрать сведения о военных комендантах, старостах района и предателях, где живут, куда ходят и т. д., узнать о расположении комендатур и состоянии их охраны;

д) достать финский паспорт, пропуск на право хождения между деревнями, продовольственные и промтоварные карточки;

е) собрать по нескольку экземпляров распространяемых в районе газет и журналов и доставить их в ЦК КП(б).

Связные ЦК КП(б) должны находиться для выполнения задания полтора-два месяца, за это время они обязаны выяснить возможность засылки в район боевой партийной группы, о чём радировать члену ЦК КП(б) тов. Власову…

…Цели и задачи похода усвоили и обязуемся их точно

выполнять», — заканчивая последнюю страницу, прочитал Куприянов. — Подписи есть, всё чин по чину. Когда отправляетесь?

— Нынче ночью отбудем, — ответил Фомин.

— Просьба к полковнику Поветкину не затягивать с присылкой своих разведчиков, — сказал хмуро Андропов.

— Вы уже об этом говорите лично мне два раза, — с обидой в голосе ответил Поветкин. — Мои люди прибудут на «хутор» Родионова своевременно.

— Да, уж ты, дорогой, постарайся, — примирительно сказал Куприянов, глянув на Поветкина. — Раньше уйдут, раньше вернутся. Зима на пороге.

Куприянов вышел из-за стола, обнялся с Фоминым, подошёл к Марийке.

— Поздравляю с орденом, Маша.

— А я вас, Геннадий Николаевич, со званием дивизионного комиссара.

— Молодец, газеты читаешь, — улыбнулся Куприянов и так же, с улыбкой, продолжил: — Идёшь, значит, за вторым орденом? Давай, давай. Как только Юрий Владимирович назвал твою кандидатуру, я сразу одобрил. У вас получится, я знаю, только действуйте осторожно. Нам очень важно знать, что с райкомом. Такие мы надежды на них возлагали… Ты, Фомин, Марию не обижай, помни, она будущий секретарь райкома партии. Кончится война, пошлём её на учёбу. Маша ещё с тебя стружку будет снимать на бюро через пяток лет. Ну что ж, дорогие мои, в добрый час, будем ждать от вас хороших вестей. Радиста не жалейте, давайте ему нагрузочку под завязку. Каждый день — сеанс связи. Вперёд, ребята!

На остров Андропов пошёл вместе с ними, посидел за столом, заботливо накрытым Ниной Лебедевой, выпил за компанию чаю, стал прощаться.

— И без гитары мы что-то нынче, и песня у нас не пошла, — грустно сказала Нина, когда все поднялись из-за стола.

— Машенька, Нина тебя проводит на станцию, а песня за мной. Споём, когда вернётесь, — отозвался Андропов.

— За вами не только песня, но и стихи в мою честь! — звонко выкрикнула Марийка, и глаза её озарились прежним светом. Но свет этот сразу погас, и Андропов нахмурился.

— Я всё знаю, Мария, — вздохнул он. — Видишь, какая вам выпала доля. Родись ты на два года позже — сидела бы себе спокойно с куклами в деревне Решма.

— Обиднее слов не могли придумать? А кто про Данко говорил мне вчера, кто хотел быть вместо Фомина?

— Да, говорил и сегодня скажу снова — легче самому идти, чем посылать, а затем ждать, ждать.

Нахохлившись, как большая ночная птица, Андропов открыл дверь и произнёс уже с порога:

— Какая печальная чёрная ночь! Кажется, после такой ночи никогда не наступит рассвет. Но он будет. И чтобы приблизить его, вы идёте в самую тьму. Страшная и завидная судьба…

На перроне вокзала дул пронизывающий холодный ветер. Фомин переговорил с помощником военного коменданта, и тот впустил их в тесную дежурку. Марийка молчала. Нина пыталась ей что-то рассказывать, но Мария не слушала.

— Скоро и мой час наступит, — шелестела Нина, — Могикан мне сегодня намекнул: готовь, дескать, экипировку, сходи на склад, в швейную мастерскую. Засиделась я, дальше некуда, перед вами стыдно…

— Кошки скребут на сердце, — прошептала Марийка. — Василёк погиб, а за ним и Ванечка. Плохо мне, сестрица, так плохо, как ещё никогда не было.

— Пройдёт, Машенька, боль утихнет, рана затянется. Так уж наша жизнь повернулась, а то, что шрам на сердце останется, так это не у тебя одной.

— Ниночка, тебе, как родной, скажу — не боялась я ничего никогда, а теперь страх вдруг в душу заполз. Боюсь я — убьют. Как же тогда всё тут без меня будет?

Захукал, задымил за окном паровоз, застучали вагоны. Нина поднялась, надела шапку. Марийка бросилась к ней на шею, стала целовать её в щёки, в лоб, а та неожиданно для себя хлестнула словами:

— Нечего нюни распускать. Мужики вон смотрят. Прощай!

Марийка медленно подняла на плечи по мешку и, пригнув голову, вышла из дежурки.

Утром 22 октября в Кочкоме их встретил не Родионов, а капитан Кретов и повёз на «хутор». На первый вопрос Фомина, где Родионов, он промычал что-то нечленораздельное, на второй — прибыла ли группа разведчиков от Поветкина — помотал головой.

Разведчики объявились лишь через пять дней, за это время выпал снег, и все первоначальные задумки рухнули. Кретов принял решение изменить маршрут, отказаться от пешего перехода, ибо группу сразу бы выдали следы, и спешно начал готовить план переправы подпольщиков на лодках через широкое Сегозеро.

Разведчиков оказалось трое: командир группы сержант Калинин — молодой, быстрый, решительный, из его слов можно

было понять, что он уже не раз ходил в тыл, брал «языка», такой же гибкий и разбитной был и его помощник Кудряшов, безусый паренёк с большими розовыми ушами, как позже выяснилось, карел из Петровского района. Радист Афанасьев, добродушный и медлительный, был постарше, с 1908 года — одногодок Фомина, что сдружило их буквально за один первый день. Марийка обрадовалась этому и теперь спокойно примкнула к молодым — при этом Калинин сразу заявил, что он с Кудряшовым берёт над ней шефство. Марийка теперь садилась с ними за один стол в столовой, на занятиях по шифровальному делу, подбила сходить на стрельбище, выпросив перед этим у Кретова две горсти патронов. На стрельбище она не ударила в грязь лицом, и разведчики окончательно приняли её в свою компанию.

— Моя мечта — маузер, — задумчиво говорила Марийка, набивая магазин своего пистолета. — Деревянная кобура — загляденье. Она же и приклад при случае. Бой у маузера далёкий и меткий. Восемь досок я пробивала в спецшколе. Залечь, замаскироваться, и не подойдут. У меня браунинг раньше был. Выстрел у него, будто кот чихнул.

На следующий день группа с отделением «хуторских» разведчиков под началом старшего лейтенанта Заломая выехала на 17-й разъезд. Там снова вышла заминка. Бойцы разведроты 27-й дивизии подвезли лодки, одну сразу дружно забраковали, две другие пришлось срочно конопатить, приладить в каждой ещё по паре деревянных уключин, чтобы не звякали, подогнать вёсла.

Так прошло четыре дня.

Марийка быстро привыкла к своим новым спутникам, единственно с чем никак не мирился глаз, так это с их чужой военной формой.

Иван Заломай, плотный, быстроглазый, в свободное время всё вертелся вокруг Марийки, рассказывал о лихих своих рейдах, а в конце концов проговорился, оказалось — майор Родионов ранен, правда, легко, но всё же увезён в госпиталь.

Марийка заволновалась, и Заломай, припертый её настырностью к стенке, под секретом, как разведчик разведчику рассказал прямо-таки невероятную историю.

Финская контрразведка уже давно пронюхала о «хуторе» за высоким, плотным забором, знала, кто им командует, пыталась ещё летом захватить Родионова, да ничего не вышло, и вот теперь, воспользовавшись осенними туманами и дождями, диверсанты просочились через наши порядки, установили наблюдение за «хутором», приметили «эмку» Родионова и стали ждать, устроив засаду на дороге. Сколько они ждали, неизвестно, но ранним утром Родионов с шофёром поехали в Кочкому, и

вдруг на дороге, прямо перед машиной, выросли шесть фигур в пятнистых комбинезонах с автоматами на животе. Прорываться вперёд — бессмысленно, оглянулись назад — там тоже стояли автоматчики. Родионов понял — хотят взять живым. По давней привычке у него всегда в каждом кармане лежало по гранате. Он приказал шофёру тормозить, выдернул чеку у одной и у другой лимонки, зажал их в кулаках, неторопливо открыл дверцу и спокойно с поднятыми руками шагнул вперёд. Лазутчики обрадовались, бодро пошли навстречу. Родионов подпустил поближе и бросил им под ноги гранаты, метнулся к машине и — вперёд.

Но пуля всё же задела и его, и шофёра.

— Родионов — мужик что надо, — закончил рассказ старший лейтенант. — Разведчик от бога. В гражданскую у легендарного Щорса на Украине в разведчиках ходил. Школа будь здоров.

— Он знает, что наш план изменён? — спросила тихо Марийка.

— Думаю, Кретов согласовал с ним. Дело ведь у вас особой важности, тем более берег тот, западный, зубастый. Кретов подходил туда летом, щупал их огневые точки. Он на моей карте лично сам проставил их. Всё обойдётся, Маруся, доставим вас в лучшем виде. И ещё, сдаётся мне, что южак нынче подует, а южак снег съест — следов не оставите.

Свежий снежок хрумкал под новыми подошвами сапог, и Заломай, видя, как нахохлилась, то и дело пряча руки в рукава чёрного полушубка, Марийка, как щёлкают по икрам голенища просторных сапог, позвал её в землянку, стал занимать разговорами, а потом, краснея и запинаясь, подал ей свёрток. Та, ничего не поняв, приняла дар, а когда развернула и увидела солдатские байковые кальсоны, зашлась в смехе. Затем, вытурив старшего лейтенанта за дверь, принялась надевать их, поверх кальсон натянула чулки, получилось хоть и некрасиво, да тепло. Марийка так обрадовалась, что выбежала во двор и чмокнула в щёку обалдевшего старшего лейтенанта.

1 ноября, лишь только пали сумерки, все пошли на озеро. Там Заломай нашёл Марийку, молча сунул ей в карманы полушубка две лимонки.

В первую лодку сели Заломай и восемь бойцов из 27-й дивизии, в другую — разведгруппа и подпольщики.

Тяжёлая тёмная вода шлёпала в борт, лодки шли почти рядом, так что Марийка слышала сопение тех, кто махал вёслами там, справа. Курить, разговаривать Заломай запретил. Через пару часов приткнулись друг к другу, сверили компасы, передохнули. Старшим лодки, где сидели подпольщики, был помкомвзвода,

ему Заломай дал команду, когда подойдут к берегу, выйти с бойцами первыми и провести разведку.

Гребцы менялись сначала через час, затем через полчаса. Марийка до рези в глазах вглядывалась в тёмную даль, вслушивалась, сдвинув на затылок шапку, не принесёт ли ветер какой-то звук с чужого берега. Ветер посвистывал в ушах, срывал с вёсел злые холодные брызги, Марийка терпела, как и все, а уж когда левая пола полушубка намокла, укуталась плащ-палаткой, прижалась к плечу Калинина и, согревшись, задремала. Проснулась от лёгкого толчка Калинина. Подходили к берегу. Было около часа ночи, позади семь часов пути.

Осторожно, еле шевеля вёслами, правили к берегу. Помкомвзвода пробрался на нос, привстал, вглядываясь вперёд. Вот он поднял руку, и, будто по его знаку, вёсла гребцов заскребли по камням. Осторожно перекинув ноги через борт лодки, помкомвзвода исчез в темноте. За ним на берег выскользнули его бойцы. Лодка Заломая остановилась неподалёку, сзади.

Прошло минут пять, а Марийке показалось, что целая вечность. Она цепко держала лямки двух своих сидоров, готовая в любую минуту подняться и так же тихо, как разведчики, ступить в воду.

— Полный порядок, давай, братва, к нам, — наконец зашептали с берега.

Фомин шагнул первым, за ним Афанасьев, потом остальные. Быстро выскочили на песчаную узкую отмель, принялись помогать друг другу надевать мешки. Фомин окликнул Марию, и тут справа полыхнул выстрел. За ним сразу застучал пулемёт, трассирующие пули красными светлячками прошмыгнули над головой.

— В лодку! Всем в лодку! — прокричал помкомвзвода, вскинув автомат к плечу, и тот начал выплёвывать красный огонь. Калинин и Марийка прыгнули первыми, за ними, переваливаясь через борт, полезли разведчики. Схватились за вёсла, заскребли по дну, и вдруг в хмурые тучи ударил прожектор. Голубоватый луч, секунду постояв, стал опускаться на воду, огненным светом ударил в глаза.

— Ложись! Отходим! Греби!

Пулемёт застучал снова, пули резко снизились, пронеслись совсем рядом, рванули дощатый борт лодки, зачмокали, впиваясь в дерево где-то внизу, под водой. Поднялась одна ракета, другая. Лодка, наполняясь водой, медленно оседала.

— Все за борт! — зашипел помкомвзвода, прыгая в воду.

Вода доходила до груди, мешки остались в залитой лодке.

— Группа, к берегу! — снова скомандовал Калинин.

Марийка пошарила в лодке, нашла сидор, дёрнула к себе, заторопилась к берегу, не чувствуя ледяной воды.

Ракеты медленно оседали прямо на них, и Марийке хотелось нырнуть, спрятать голову под воду. Впервые она слышала, как вжикали пули, щёлкали по воде. Кто-то, подвывая, стонал, ругался. Неожиданно прожектор погас. Марийка обернулась назад и поняла — выручили ребята с лодки Заломая. Короткими автоматными очередями они били по берегу, и финны перенесли огонь на них.

Берег за откосом оказался болотистым, кое-где торчали тонкие сосенки, под ногами трещал ледок. Калинин подхватил Марийку, и они побежали вдоль берега, уходя от огня.

— Где Фомин? — прошептала Мария, быстро пригнув голову, потому что рядом свистнуло знакомо, тоненько, как писк синицы.

— Там, впереди. Они сидели с Афанасьевым за большим валуном, а потом побежали сюда, Ни черта не видно…

Калинин, Марийка, Кудряшов бежали изо всех сил, не чувствуя, как прилипает мокрая одежда, как хлюпает в сапогах. Ракеты впивались в небо, дрожали, дымя белесыми хвостами под низкими серыми тучами, но падали они уже далеко позади. Марийка косилась на озеро, лодок не было видно, и её тревога утихла, а о том, что Фомина всё нет и нет, как-то не думалось, её мысли занимали разведчики, оставшиеся на чёрной воде и всё ещё ведущие перестрелку с финнами.

Наконец, стрельба утихла, сполохи ракет всё реже и реже освещали озеро и место высадки. Калинин остановился, приложив ладони к губам, трижды ухнул филином. Тишина и темень вокруг. Прошли ещё вперед, потом, посовещавшись, вернулись назад. Калинин один прошёл вдоль берега — никого.

А Фомин и Афанасьев побежали не вдоль берега, а ударились прямиком через болотце к лесу. Там они остановились, выжали одежду и, бродя кругами до рассвета, продолжали искать группу Калинина, найти которую им надо было во что бы то ни стало — они надеялись, во-первых, что Калинин или Кудряшов схватили в лодке мешок с рацией Афанасьева, во-вторых — оперативная карта осталась у Мелентьевой.

Они торопливо искали друг друга, мучительно понимая, что каждая лишняя минута может обернуться бедой. О десанте русских сторожевой пост уже наверняка сообщил в близлежащий гарнизон, и вот-вот должна была начаться погоня, облава.

Запыхавшийся, злой, Калинин принял решение уходить строго на запад. В поисках Фомина он наткнулся на небольшую незамерзающую речушку, и они решили, чтобы не оставлять

следов на снегу, идти по этой речке, сколько хватит сил. Перед тем как двинуться вперёд, быстро переобулись, ребята выкрутили шинели, крутя вдвоём сначала одну, потом другую, осторожно выжали полушубок Марийки, но вода всё же ещё стекала в сапоги.

— Шире шаг, братцы, иначе пропадём, если не от пули, так от болезни, — хрипел Калинин. — Маленько подальше выберем в лесу место, костерок разведём.

Они то брели по мелководью, ступая так, чтобы не зачерпнуть воды в голенища сапог, то бежали по обмытой течением тощей траве, уходя всё дальше и дальше от озера. Калинин подгонял их злыми словами, не давал больше трёх минут на отдых. На небольшом перекате, поскользнувшись на обросшем тиной камне, Кудряшов подвернул правую ногу, и теперь они не могли идти так быстро, как прежде. С рассветом, увидя дорогу, вышли на неё. Пройдя немного, решили не рисковать и свернули в узкую просеку.

Шли лесом часа полтора, петляя, запутывая следы, а потом забрались в чащобу и сделали привал. Наломали нижних сухих веток, облепленных мелким лишайником, у старой ели развели костерок, рассеивая дым полами шинелей, чтоб не подымался столбом.

Калинин произвёл ревизию: четыре гранаты, шесть толовых шашек, два автомата «Суоми», около трёхсот патронов, пистолет Марийки с двумя обоймами. В мешке, который выловила Мария, лежали два флага, газеты, листовки, пара шерстяных носков, связанных мамой, ватная безрукавка, которую насильно сунула в мешок тётя Зина. Содержимое мешка почти не намокло, и Марийка, смеясь от счастья, мигом сбросила раскисшие сапоги и, размотав сырые портянки, принялась натягивать носки. Вдруг замерла, стянула их и протянула Кудряшову.

— Бери, бери. От овечьей шерсти нога враз отойдёт.

Долго сушили портянки, брюки, шинели, полушубок.

— А что же мы имеем на сегодняшний день из провианта? — заговорил Калинин, выкладывая содержимое своего сидора. — Пять банок тушёнки, пять банок рыбы в томате, килограмма три сухарей, четыре плитки шоколада. Всё. Есть ли у кого заначка?

— Есть махорка, мокрая, — отозвался Кудряшов, смешно приседая на больную ногу и выворачивая карманы финских бриджей.

— Имею початую плитку шоколада, половину я сточила, и две лимонки, — доложила Марийка.

— Гранаты сюда, в общий котёл, — сказал Калинин.

Одну гранату Марийка подала ему, а вторую, как он ни

настаивал, оставила себе. Вынула карту, своя километровка с особыми пометами была и у Калинина. Они долго крутили их, прикладывали компас, пытаясь понять, как далеко ушли за ночь. Выходило, что Сегозеро теперь от них где-то в семнадцати километрах.

— Что будем делать дальше? — спросил Кудряшов.

— У меня есть своё задание, — сказала Марийка. — Я должна спешить.

— И у нас дела, — ответил Калинин. — Но до встречи с Фоминым действовать будем вместе. Никаких отлучек, никакой самодеятельности. Хватит нам потери связного и радиста.

— Это не потеря, — сказала бодро Марийка. — Через пять дней встретимся у Топорной Горы, видите, Фомин сам обвёл кружочком село, как знал. Такой случай предусмотрен Могиканом.

— Пойдём просеками, лесом, — медленно сказал Калинин. — У финнов сейчас большой переполох, конечно. Что они могут предпринять? Пикеты на дорогах, раз. Будут запугивать жителей, два, понимая, что мы обязательно сунемся в деревни — нам и кров нужен, нам и дело надо делать среди людей. Значит, будут стращать, заменят пропуска на право передвижения из села в село, а возможно, вообще запретят, пусть даже временно, всякие хождения, могут войти в раж и установить комендантский час.

— Как же это нас под пулемёт подставили? — думая о своём, вздохнул Кудряшов. — Кто из них маху дал — Кретов или Заломай?

— Да уж, прямо в щучью пасть сунулись, — добавил Калинин.

— Хорошо ещё, что не прямо, а сбоку, — усмехнулась Марийка. — Метров бы на триста правее, как раз бы на бруствер к пулемётчикам вылезли.

— Ночь, ребята, коварная штука, не люблю я её с детства, — буркнул Калинин. — То ли компас подвёл Заломая, то ли финны новую точку оборудовали.

— Был бы Родионов, этого бы не случилось, — сказала твёрдо Мария.

— Ну, да хватит разговоров, — перебил Калинин, — ничего, выкрутимся. Похлеще приходилось. Пару дней здесь отсидимся, тихо, без костра, потом кого-то из местных встретим. Веселее, ребята, — у плохого начала всегда хороший конец. Гасите костёр, давайте шалаш строить.

Они нарубили финками елового лапника и, постелив его на кострище, подсушили. Под толстой елью, там даже не было снега, вбили в слегка подмёрзшую землю две невысокие рогульки,

положили на них жердинку, навесили на неё ветки плотно, одна на другую, устелили лапником землю — ночлег получился что надо.

Через двое суток, идя шаг в шаг, они утром вышли назад к дороге, ведущей из Падан в Сельги, залегли на кряжике и наблюдали почти до полудня. Суматохи, беспорядочной езды патрулей, ничего такого, что они ожидали, не увидели.

— А вдруг финны не поняли, что высажен десант? — засомневался Кудряшов.

— Ничего себе. А наши следы на берегу? Нет, финны не дураки. Уверен, они по следам посчитали, сколько нас. В сёлах ждут, как пить дать, — ответил Калинин.

— Нужно найти кого-то местного, переговорить, — твердила своё Мария. — Хорошо бы охотника, рыбака.

— Попробуй, найди его.

— Разрешите мне выйти на дорогу, — сказала Мария, — если кто-то на лошади будет ехать. Двое ведь с сеном проехали. Выйду, заговорю по-карельски, скажу, иду в Сельги к Туруевым, как учил Могикан. В Сельгах половина Туруевых.

— Ежели так, то надо, чтобы твой встречный сидел у нас на мушке, — добавил Кудряшов.

Передвинулись ближе к дороге, щёлкая нога об ногу, ждали. Проехал грузовик с двумя коровами в кузове, через полчаса — мотоциклист в сером плаще и в каске.

— Давайте возьмём, он нам всё расскажет, — заспешила азартно Марийка.

— Преждевременно, — остановил её порыв Калинин. — Пленный станет гирями на наших ногах, да и друзья-товарищи всполошатся, поиски начнутся. Уж давайте воссоединимся с нашими, внедрим вас в село на безопасное жительство, а тогда посмотрим.

Назавтра потихоньку побрели к ближнему озеру, его Калинин увидел, забравшись на сосну, обогнули мысок и наткнулись на ветхую рыбацкую избушку. От неё к озеру вели свежие следы больших сапог, чётко пропечатанные на мягком снегу. Решили ждать в избушке. Рыбак пришёл совсем скоро, им оказался глуховатый дед, который их совсем не испугался, а увидев финскую форму, догадался, что перед ним поисковая группа — подобная проверяла у него недавно пропуск на дороге.

Ребята молчали, а Марийка завела по-карельски разговор. Сначала о том, не видел ли он двух подозрительных людей где-либо на озере — один в чёрном, другой в защитном ватнике, затем посмотрела дедов пропуск — так и есть, дата выдачи свежая, три дня назад, поинтересовалась уловом, намекнула,

кивнув на своих, что финские егеря не отказались бы от ухи, а напоследок спросила ещё, не слыхал ли рыбак о каких-либо «рюсся», которые объявились в этих краях месяц-два назад, придя с той, восточной стороны.

Дед ничего не ответил, достал краюху хлеба, принёс со двора свежих сижков, ряпушки, а уж когда развёл огонь в камельке, сложенном из дикого камня, рассказал, что дочка его, живущая замужем в Паданах, говорила, будто схватили финны осенью каких-то людей и тогда же их постреляли, но были они не «рюсся», а карелы, принесли с собой газеты и раздавали их в Термонах.

— Сказывала, что старшая была у них женщина, — добавил дед. — В летах уже, больная. Так её убили в лесу, она живой не хотела сдаваться, стреляла в финнов.

Марийка побледнела, потупив глаза, проглотила комок, затараторила:

— Молодых не нашлось у большевиков, что ли?

— Были и молодые, тех, говорят, в Финляндию повезли на вечную каторгу. Да вы сами больше меня знаете, чего спрашиваете-то, — хмыкнул дед, хитровато прищурившись на Марийку.

Калинин и дед ели уху первыми, у них были ложки, Марийка с Кудряшовым доскребали чугунок. Поели и по нетерпеливому кивку Калинина тут же начали собираться, хотя всем так хотелось посидеть в тепле, подремать.

По дороге к шалашу обсуждали то, что сказал старый рыбак о подпольной группе Богдановой.

— Стоит ли верить этому хрычу? — усомнился Кудряшов.

— Разведчик всё должен собирать и умело отделять зерно от шелухи, — ответила ему резко Марийка.

— Уж больно ты себя заправской разведчицей считаешь в свои-то восемнадцать годков, — взъерошился Кудряшов.

— Считаю, а ты думал как. Дед молодец, хоть и царского закала. Он нам что сказал — люди на газеты набросились. Им правды нашей хочется, вестей из родной Москвы.

Калинин искоса поглядывал, как горячится Марийка, улыбался про себя, радовался, что пошёл снежок — укроет следы к дороге и к избушке.

Пришли к своей ёлке, полезли в шалашик, улеглись, и Калинин опечаленно заметил:

— Эх, сироты мы, был бы рядышком уважаемый Юрий Борисович Афанасьев со своей рацией, пусть бы отстучал в Беломорск версию рыбака. Плохая новость всё же лучше неизвестности.

На следующий день после скудного завтрака, замёрзшие, невыспавшиеся, они покинули лагерь и побрели лесом, просеками на юг с тем, чтобы завтра выйти к Топорной Горе. Шли весь день, плелись медленно: у Кудряшова совсем распухла нога. Ночевали снова под елью, засыпая на полчаса и просыпаясь от пронизывающего холода.

На второй день наткнулись на глухую дорогу, сориентировались по карте и поняли, что ведёт она в Топорную Гору, заспешили и вскоре уже, выбрав подходящее место на горушке, стали наблюдать за селом. Длинные избы припорошены снегом, огороды, луг — всё вокруг белым-бело, лишь озеро весело голубело под солнечными лучами, прорвавшимися сквозь мутные тяжёлые облака. Взглянув на солнышко, Марийка воскликнула:

— Ребята, а ведь сегодня 7 ноября. Сейчас в Москве идёт парад. С праздником, дорогие товарищи! Хорошо бы устроить салют, ну а если нельзя, то давайте заведём пир на весь мир в честь 25-й годовщины Великого нашего Октября. Что у нас ещё осталось?

Калинин развязал мешок, вынул банку тушёнки, достал остаток сухарей, поколебавшись, дал каждому по сухарю — больше обычной нормы, разломил на три части плитку шоколада.

В Топорной Горе, разделённой на два хутора, они насчитали четырнадцать домов, гарнизона не обнаружили. Жизнь в селе словно замерла, изредка появлялся кто-то на улице, даже собаки не лаяли. Вот проехал на санях старик в поле, очевидно, за сеном.

После полудня, пронаблюдав ещё пару часов, решили пройти с огорода в крайнюю избу, стоявшую у поворота дороги.

Сени были открыты, и они, постучав, зашли в дом. У печи хозяйничала пожилая женщина, у окна заспанный сгорбленный дед вязал сети, за столом, отвернувшись от икон, кормила грудью ребёнка молоденькая женщина, почти девочка.

Марийка и её товарищи поздоровались по-карельски. Мария сказала, что идут они издалека, намёрзлись, хотели бы обогреться.

— Разве вы не из гарнизона? — поинтересовался дед.

— Из какого? — осторожно спросила Марийка.

— Ну, из этого, ближнего, что мост на Кульмас-губе охраняет.

— Нет, мы из другого, — сказала Марийка. — А у вас в деревне разве солдат нет?

— Нету, слава богу, — вырвалось у хозяйки. — Приходят, правда, с этого самого гарнизона, что на большой дороге, молоко берут, рыбу покупают. Вы ежели что хотите купить, так в нашей избе выйдет вам разочарование — рыбы у нас нету, молоко коровка даст на Крещение после отела. Вон там, у Белкиных,

напротив, есть, идите к ним. Идите, идите, а то дитя вас испугалось.

— Там финнов крепко уважают, — буркнул дед.

— Дедушка! Дорогой дедушка! Не финны мы. Советские мы, из Беломорска, — вырвалось у Марийки. — С праздником пришли вас поздравить! Не верите? Глядите, вот газеты, наши, советские! Специально такие маленькие, чтоб удобнее прятать, передавать из избы в избу, напечатаны для тех, кто под пятой у оккупантов страдает. Вот, читайте, «Ленинское знамя» 16 октября, наша карельская газета. Не забыли? Заявление Советского правительства об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершённые ими в оккупированных странах Европы. Знаете, как фашисты людей губят? Тысячами убивают, голодом морят в лагерях. В Петрозаводске шесть лагерей сделали, не слыхали? Вот, дальше — «От Советского Информбюро» — как бьётся наша Красная Армия, как твёрдо стоит Сталинград.

— Накрывай на стол, хозяйка. Раздевайтесь, садитесь, рассказывайте, дорогие гости.

— Дедушка, а ты помнишь приказ финских властей, — зашмыгала носом молодуха, кормившая ребёнка. — Вчерась егеря снова заходили: если кто укроет «рюсся» — расстрел.

— Тихо! — крикнул дед. — Ставьте на стол, что бог послал. Праздник сегодня!

Пока обедали, в избу прошмыгнул соседский мальчонка, хозяйка что-то шепнула ему, и вскоре в горницу набились люди. Маша и Калинин рассказывали и о делах на фронте, и о том, какой паёк получают рабочие на заводе в Беломорске, и о том, как безбожно финны сплавляют по рекам к себе в Финляндию отборный лес. Марийка раздавала газеты и вдруг в одной пачке обнаружила тонкий длинный свёрток. Развернула, и все увидели два красных флага.

— Повесить бы над самым высоким домом! — крикнула она звонко.

— Э, внучка, — вздохнул дед. — Подождём чуток. Не время пока. Давайте так — пусть каждый в руках подержит. Силу сие знамя и так даст, рука к сердцу ближе, чем глаз.

Все сгрудились у флагов, трогали их бережно, гладили пальцами золотистый серп и молот…

Марийка порылась в вещмешке и достала старательно сложенную большую газету, разгладила её на коленях. Это была «Правда». На первой странице всем бросились в глаза лозунги ЦК ВКП(б) к 25-й годовщине Октября. Марийка подняла высоко газету и громко, торжественно прочитала:

«Братья и сёстры! Русские, украинцы, белорусы, молдаване, карелы, временно проживающие под ярмом немецко-фашистских захватчиков, раздувайте пламя народного партизанского движения!»

— Слышали, товарищи? Центральный комитет нашей большевистской партии обращается прямо к нам, карелам, зовёт на борьбу. Не пропустим мимо ушей этот призыв. Расскажите о нём тем, кто может держать оружие, кто крепок духом, пусть поднимаются на борьбу. Смерть захватчикам!

Калинин сидел на лавке у окна и зачарованно глядел на одухотворённое, прекрасное лицо Марии. Вдруг боковым зрением он заметил на улице какое-то движение, резко повернулся к окну — там на дороге, широко расставив ноги, стоял рослый финский солдат с двумя котелками. К нему поспешил невзрачный мужичонка в самодельном тулупчике. С крыльца избы, стоявшей поодаль, спускалась моложавая полная женщина в цветастом полушалке, заулыбалась, заговорила с солдатом, но её перебил мужичонка, крича ещё что-то издали и показывая рукой на окно, как раз на то, откуда, отступив чуток в избу, глядел Калинин.

— Кто это? — хрипло выкрикнул сержант.

— Перкале! Принесли черти за молоком. Этот-то к Белкиным повадился, сейчас сведётся. Сапёр это из 36-го батальона, — доложил дед.

— А этот холуй Кирилка что ему талдычит? Видишь, деда, видишь, на нас указывает! — взвизгнула тоненько молодуха.

Солдат шутливо обнял свою собеседницу, потом оттолкнул, чтоб не загораживала дорогу, и прямиком зашагал к их избе. Тогда мужик, хлопнув себя от досады ладонями по бокам топорщившегося полушубка, что-то крикнул ему вдогонку. Солдат остановился словно вкопанный, обвёл долгим взглядом окна — Калинину даже показалось, что тот увидел его, — и, повернувшись, испуганно затрусил вверх по дороге из деревни.

Калинин рванулся к двери, схватил стоявший в углу вместе с ухватами автомат, выскочил на высокое крыльцо, дал одну короткую нервную очередь, вторую. Сапёр споткнулся, упал, выронил котелки, но тут же упруго вскочил, побежал, пригнувшись, зигзагами, поддерживая повисшую руку, добежал до ольшаника, завернул за него.

— В какой стороне гарнизон? — крикнул Калинин, входя в избу.

— Солдат туда побёг. Там за горушкой он! — перебивая друг друга, закричали женщины. — Три версты!

— Значит, у нас есть полчаса. Пока поднимутся по тревоге… Машина у них есть, грузовик?

— Был летом, дрова возили, нас заставляли сухостой рубить смоляной, — ответили женщины хором.

— Рота, по коням! Одеваться! За мной!

— Товарищи! — закричала Марийка. — Возьмите эти алые флаги, они понадобятся совсем скоро. Верьте, наши придут. Разберите газеты, отдайте их людям, отнесите в другие сёла. Пусть все знают правду. Прощайте, товарищи, помните нас!

— Папаша, прости, что так вышло, — заговорил, захлёбываясь, Кудряшов. — Может, конечно, стрелять не следовало, мы вас подвели. Сейчас каратели приедут. Простите, родимые…

— Бедная моя головушка, спасите, люди добрые, — взвыла молодуха, но в избе уже никого не осталось.

С трудом перетащив Кудряшова через добротную косую изгородь, перечёркивающую пополам заснеженную пожню, все трое медленно уходили под горку к лесу. За каждым отчётливо чернела цепочка следов. Последним, опираясь на автомат, брёл, волоча ногу, Кудряшов. Оглянувшись назад, на длинную избу, где они только что были, он поскользнулся, упал, скорчился и заскрежетал зубами.

— Впёред, рота! Совсем ничего осталось до сумерек, — подал голос шагавший впереди Калинин. — Уйдём мы от них, слово командирское даю, уйдём. Веселее, братва! Догоняй! Идти след в след!

— Ну, вставай же, родименький, — тянула за руку Марийка стонущего Кудряшова.

— Вперёд! Я приказываю! — закричал Калинин, грозно передёрнув затвор автомата.

Кудряшов, поддерживаемый Марийкой, прошёл десяток шагов и снова повалился набок, на больную ногу.

— Уходите, я их задержу. Вы спасётесь. Бегите, ребятки, каждая минутка дорога.

Подскочил Калинин, присел рядышком, взглянул в покрытое крупными каплями пота, посеревшее лицо друга, бережно отёр его ладонью.

— Что ж ты так, кореш? Нам с тобой ещё надо горы свернуть, ещё я на твоей свадьбе хочу кадриль поплясать…

— Уводи девчонку, сержант. Ей грех умирать. Это нам, красноармейцам, положено, а ей… Бегите, я заслоню. И не бойся, живым я им не дамся, они от меня ничего не узнают.

Калинин неторопливо встал, огляделся, увидел вдалеке за голыми березами чернеющий овин.

— Не брошу! Мы в один день с тобой присягу принимали. Да ещё должок за мной числится. Кто меня весной под Ухтой на себе

волок? Видишь ригу, там схоронимся, я следы сейчас запутаю. А найдут — мы там, как в крепости, будем, пусть сунутся. Ночью выберемся тихонько.

В овине было тепло и сухо, пахло соломой, сыромятной конской сбруей. Глаза скоро привыкли к темноте, и они увидели у задней стены заботливо уложенные снопы, а посреди риги невысокую печку, сложенную из дикого битого камня. Долго грели руки об её тёплые шероховатые бока.

Здесь вскоре и дали разведчики свой последний бой.

Взвод пограничного егерского батальона, несший охрану на 15-м километре дороги Паданы—Медвежьегорск, вошёл в Топорную Гору уже затемно. Пустив от дома Белкиных впереди себя двух овчарок, слегка поплутав на следах, тридцать солдат под командой старшего сержанта окружили ригу. Собаки, беснуясь на крепких ременных поводках, рвались к двери.

— Рюсся, сдавайся! — заорал по-русски старший сержант.

Разведчики молчали. И лишь когда финны принялись бить прикладами в дверь, заговорил автомат Калинина. Марийка, выстрелив из пистолета, запела:

В последний раз, в последний бой
Летит стальная эскадрилья.

Бой длился недолго. Егеря взорвали гранатой дверь и тут же сразу бросили в темноту овина ещё две гранаты, полыхнувшие красными дымными столбами.

Марийку подбросило, оглушило, но она, лёжа за каменкой, продолжала стрелять. Слева, захлебнувшись, замолчал автомат Кудряшова, где-то сзади застонал Калинин.

— В какой день умираем, ребята! Каждый выстрел прицельный! — крикнула Марийка, выплёвывая сгусток крови.

— Рюсся, руки вверх!

— Не дождётесь…

Марийка приподнялась на локте, прицелилась в светлеющий широкий квадрат, в котором замаячили две зыбкие чёрные фигуры, нажала на крючок — выстрела не было: кончились патроны, опустела вторая, последняя обойма.

В риге стало тихо, лишь изредка мычал Калинин да сухо щёлкал курок пистолета Марийки, затвор которого она судорожно дёргала на себя раз за разом.

Финны, крадучись, скользнули в овин, набросились на полуживых разведчиков, вытащили на подворье, осветили фонариком-динамкой.

Кудряшов был мёртв. Калинина, потерявшего сознание,

прикончили автоматной очередью в упор, сорвав с шинели финские знаки различия. Их двоих так и оставили лежать под стеной овина.

Контуженная Марийка, мотая отяжелевшей головой, еле стояла на ногах. Старший сержант послал за повозкой, и в ожидании двое солдат завели её в дом к бабушке Марии Антоновой.

Марийку толкнули на лавку у выскобленного стола, она стянула шапку, вытерла ею закопчённое, окровавленное лицо, тускло освещённое красноватым светом небольшой керосиновой лампы. С печи на неё глядели, не мигая, двое мальчуганов, Федя и Тимоша.

Бабушка Матвеевна засуетилась, достала из печи чугунок со щами, миску с тёплыми ржаными калитками.

— Ты чья будешь? — спросила бабка по-карельски.

— Отца и матери.

— Звать-то как?

Марийка не ответила.

— Из какого села?

— Пряжинская я.

Солдаты, плохо понимавшие карельский язык, косились на старуху, но не мешали.

— Щей сейчас налью, калитки бери.

— Не стану. Не надо мне уже ничего.

Как ни уговаривала Мария Матвеевна, Марийка к еде не притронулась. Так и просидела немо, прислонившись подёргивающейся то и дело спиной к стене, не мигая глядела на пляшущий оранжевый язычок лампы.

Когда уводили, Матвеевна украдкой сунула ей свои вязаные варежки.

— Спасибо, бабушка. Не пригодятся.

Её увезли на паданскую дорогу, туда, где справа, у развилки на Топорную Гору, стоял штабной домик и чернели высокие землянки егерей.

Допрашивали Марийку всю ночь. Она теряла сознание, её отливали водой, снова допрашивали, но она лишь мотала окровавленной головой.

Утром, чуть забрезжил хмурый рассвет, её повели на опушку леса. Там уже с лопатами трудились двое солдат. Яму вырыли неглубокую. Марийка шагнула на край её, собрала все силы, чтобы не качнуться, не упасть.

— После ночи всё равно будет рассвет, — сказала она громко, с трудом разлепляя обезображенные, запекшиеся губы.

Залп вышел нестройным, каким-то поспешным, трескучим.

Выстрелы спугнули присмиревших птиц, и те ещё долго кружили над лесом, над белой чистой поляной, посреди которой чернел небольшой прямоугольник свежей земли.

Послесловие

Фомин и Афанасьев осели в рыбацкой избушке на берегу озера Ботен-ламби близ Селег у шестидесятилетнего рыбака Филиппа Федоскина. К назначенному дню 7-го ноября они начали собираться в Топорную Гору, но Федоскин уговорил их остаться — по всем дорогам рыскали егеря, а ему давно надо было в эту деревню, проведать больную племянницу. Федоскин заверил подпольщиков, что там у него есть верные люди, что всё он разузнает, выспросит в лучшем виде, а если найдёт разведчиков, приведёт их в Ботен-ламби.

Через два дня старый рыбак вернулся и поведал о трагедии в Топорной Горе. Записав слово в слово рассказ Федоскина, Фомин, благополучно возвратясь в начале декабря в Беломорск, вставил его в своё оперативное донесение — большое, толковое, занявшее около десяти страниц.

Андропов несколько раз беседовал с Фоминым, с Афанасьевым, ему никак не хотелось верить в смерть Марийки. Прождав ещё два месяца и получив новое печальное подтверждение, он написал полное скорби письмо родителям Марийки в Ивановскую область и обстоятельную записку в Москву лично первому секретарю ЦК ВЛКСМ Михайлову, в которой рассказал о Лисициной и Мелентьевой, приписав в конце, что, по его мнению, карельские комсомолки по праву могут стать в одну шеренгу с Зоей Космодемьянской, Виктором Талалихиным и что они заслуживают самой высокой награды Родины.

…Прошло время, и наступил тот светлый день 25 сентября 1943 года, когда вся страна узнала о присвоении Анне Михайловне Лисициной и Марии Владимировне Мелентьевой звания Героя Советского Союза.

Андропов собрал в большой комнате ЦК всех, кто был на месте. Ему хотелось устроить митинг, но вдруг, вместо официальной речи, он потеплевшим голосом рассказал, как впервые увидел в Сегеже в общежитии пляшущую Марийку, как мечтала о будущей послевоенной жизни Аня…

Вспоминали все, у каждого они остались в сердце, хотя работали вместе не так уж и долго.

Вечером, когда комнаты опустели, Андропов написал статью в «Ленинское знамя»:

> «Простые карельские девушки совершили подвиг. Великий советский народ назвал их Героями своей

страны. Комсомольцы Карело-Финской республики гордятся подвигами отважных девушек.

Пусть каждый юноша и девушка увидят в работе, которую они выполняют, возможность отдать свои силы и помыслы для нашего общего дела так, как это сделали комсомолки Мелентьева и Лисицина».

Об издании

Издание для детей и юношества

Анатолий Алексеевич Гордиенко
НА ПУТИ К РАССВЕТУ

Редактор *Э. Г. Растатурина*
Художественный редактор *Л. Н. Дегтярев*
Технический редактор *Э. С. Иванова*
Корректоры *Т. Н. Казакова, Л. Т. Дмитриева*

Сдано в набор 17.04.90. Подписано в печать 13.08.90. Формат 70x100. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 12,03. Уч.-изд. л. 12,46. Тираж 10 000.

Заказ 1407. Изд. № 51. Цена 70 к.

Издательство «Карелия». 185610, Петрозаводск, пл. им. В. И. Ленина, 1.

Издание для детей и юношества

Анатолий Алексеевич Гордиенко

НА ПУТИ К РАССВЕТУ

Повесть

Для старшего и среднего школьного возраста

Редактор *Э. Г Растатурина.* Художественный редактор *Л. Н. Дегтярев.* Технический редактор *Э. С. Иванова.* Корректоры *Т. Н. Казакова, Л. Т Дмитриева*

ИБ № 2099

Сдано в набор 17.04.90. Подписано в печать 13.08.90. Формат 70×100¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 12,03. Усл. кр.-отт 12,36. Уч.-изд. л. 12,46. Тираж 10 000 экз. Зак. 1407 Изд. № 51. Цена 70 к.

Издательство «Карелия». 185610. Петрозаводск, пл. В. И. Ленина, 1.
Республиканская ордена «Знак Почета» типография им. П. Ф. Анохина Государственного комитета Карельской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 185630, Петрозаводск, ул. «Правды», 4.

notes

Примечания

1

Крепость на Онего *(финск.)*.

2

Слаще нашей малины ничего нет!

3

Всего доброго, водяной.

4

Помоги, водяной.

5

Стой! Патруль. Проверка документов *(финск.)*.

6

Сколько вас? Где остальные? С какой целью вы пришли в расположение наших войск? *(финск.)*

7

Принадлежишь ли ты к организации «Лотта Свярд»? *(финск.)*

8

«Штаб военной полиции» *(финск.)*

9

Враги, супостаты *(кар.)*